

МИХАИЛ ШЕРР

СВЕТЛЕЙШИЙ
КНЯЗЬ

Annotation

Человек сложной судьбы, сельский учитель и в прошлом врач, во время грозы переносится в восемнадцатый век и становится предводителем отряда беглых пугачёвцев. Людей, которые хотят только одного: спрятаться и выжить.

Глава 1

Осенью 1941 года студент пятого курса 1-ого МОЛМИ Григорий Иванович Крылов 1918 года рождения, русский, уроженец Смоленской области, из рабочих, ушел добровольцем на фронт в составе одной из дивизий народного ополчения столицы. В течение первого года войны кем и где только не пришлось ему повоевать: испытал горечь поражения, кошмар окружения под Вязьмой и Харьковом, радость победы, когда со своими боевыми товарищами гнал немчуру от Москвы. В сентябре сорок второго под Сталинградом хирург дивизионного медсанбата в окровавленном солдате, лежащем на операционном столе, признала одного из своих студентов. Ранение у Григория оказалось не тяжелым, в армейский госпиталь его эвакуировать не стали и через три недели началась его новая фронтовая служба в составе дивизионного медсанбата.

Летом сорок третьего под Поньрями стал офицером и хирургом своего медсанбата. 4 мая сорок пятого заместитель командира дивизионного медсанбата капитан Крылов написал на стене поверженного рейхстага «Войне конец», поставил дату и подпись. Но война для него на этом не закончилась, 12 мая в западной Чехии через тылы дивизии решила прорваться на запад почти двухтысячная СС-совская группировка. Командир медсанбата был тяжело ранен в первые минуты боя и оборону медсанбата возглавил капитан Крылов. Последнее, что он увидел в этом бою, были советские штурмовики, начавшие штурмовку СС-совских недобитков.

Полученное ранение оказалось достаточно тяжелым и Григорий почти полгода провел в госпиталях и доучиваться в родной институт вернулся только осенью 1946 года. После окончания института поступил в аспирантуру, а осенью 1950 года случилась катастрофа: Григория арестовали, обвинив его в шпионаже.

После войны один из его фронтовых товарищей стал работать врачом в спортивном обществе «Динамо» и однажды, заметив проявленный интерес, предложил Григорию заниматься самбо. Молодой человек с удовольствием стал заниматься понравившейся ему борьбой и за три года добился неплохих результатов. Но осенью 1950 года испортились отношения Григория с женой. Лишь через несколько месяцев он понял почему, супруга категорически не хотела заводить детей, вдобавок ко всему ей увлекся человек из здания на бывшей Лубянки. Проблему не нужного мужа нужной женщины он решил дешево и сердито: организовал донос в свое ведомство и новый 1951-ый год Крылов Григорий Иванович встретил в лагере на Урале.

«Благодетель» с Лубянки продолжал бдительно следить за судьбой гражданина Крылова и позаботился, что бы Григорий попал в самый страшный барак зоны, где всем заправляли матерые уголовники. Но в планы по угроблению гражданина Крылова неожиданно вмешался его величество случай.

Один из главных уголовных авторитетов зоны, которого как огня боялось начальство лагеря, страдал бронхиальной астмой. И начальник частенько иезуитски мстил гражданину уголовному авторитету, элементарно затягивая оказание медицинской помощи задыхающемуся зэку.

В страшный для всей зоны барак Григория привели под вечер. Конвоиры, как-то странно стараясь не шуметь, не широко открыли двери барака, а как бы украдкой приоткрыли дверь и в буквальном смысле запихнув Григория, тут же её закрыли. В итоге на

его появление в бараке никто не обратил никакого внимания.

Все обитатели барака плотным кружком стояли в центре. В момент появления Григория из центра кружка раздался дикий крик:

— Где эти суки? Порву всех, — и дальше такой мат, которого Григорий не слышал даже на фронте.

Подойдя ближе, Григорий встал на валяющийся на полу стул и заглянул в центр плотного круга зэков. Он сразу понял в чем дело, у человека, лежащего на кровати в центре круга, был тяжелейший приступ бронхиальной астмы. На тумбочке в изголовье кровати стоял небольшой медицинский стерилизатор, лежали ампулы и стоял запечатанный резиновой пробкой медицинский флакон на 200 мл. Стоящий рядом зэк бессильно сжимал огромные кулаки и беззвучно хватал воздух широко открытым ртом.

Григорий тронул за плечо ближайшего к нему заключенного:

— Пропусти.

— Чего? — ошарашенный зэк смерил Григория презрительным взглядом. — Ты сука, что за прыщ такой, чтобы командовать?

— Я врач. Понятно? — но зэк продолжал стоять на месте.

Тогда Григорий просто откинул его в сторону.

— За суку ответишь, — и неожиданно громко и повелительно скомандовал:

— Пропустить, кому сказано! — правильно отдавать команды Григорий хорошо научился в первый год войны.

Зэки быстро расступились, пропуская Григория. Зэк, стоящий рядом с задыхающимся больным, ошарашено посмотрел на Григория.

— Здесь что? — Григорий показал на стерилизатор.

— Шприцы, мы их прокипятили. Колоть вот только некому.

Григорий потрогал стерилизатор, он был еще горячий. На тумбочке лежали пять ампул эуфиллина, несколько ампул физраствора.

— А это? — Григорий показал на запечатанный флакон.

— Спирт.

— Пусть разойдутся, больному нужен свежий воздух, — зэки, кроме троих, мгновенно разошлись, почти разбежались по бараку. — Положите побольше подушек и одеял, больной должен полусидеть, а не лежать. Вата есть или хотя бы чистые тряпки?

Григорий аккуратно открыл стерилизатор, там лежали два шприца, четыре иглы и медицинский пинцет, распечатал упаковку ваты, принесенную одним из зэков.

— Спирт откройте.

Григорий работал спокойно и уверенно, ему приходилось оказывать помощь и в более сложных условиях, когда под рукой зачастую не было ничего. Здесь же было практически все необходимое и помогающий зэк был явно не дурак и неплохо знал, что надо делать.

— Это весь спирт или еще есть?

— Есть док еще.

— «Вот меня уже и доком назвали, расту», — подумал Григорий. Он тщательно обработал спиртом руки, шприц и две иголки, ампулы.

— Стул. Пилка есть?

— Там внутри, — зэк показал на стерилизатор.

— Её не обязательно стерилизовать.

— Это чтобы не потерять.

— Разумно. Жгут есть?

— Нет, но я так руками зажимаю, — зэк протянул свои огромные кулаки.

Григорий открыл ампулы, набрал лекарство и физраствор.

— Давай зажимай, — скомандовал Григорий.

Приступ купировался, как говорится на игле, когда Григорий заканчивал введение препарата, больной зэк уже дышал совершенно спокойно.

— Часто приступы? — спросил Григорий закончив вливание лекарства.

— Когда как, бывает каждую неделю, — больной зэк ответил спокойным ровным голосом, как будто и не задыхался пару минут назад.

— А кроме этого, — Григорий показал на эуфиллин, — другое пробовали?

— А что есть что-то другое? — вопросом на вопрос ответил неожиданный пациент Григория.

— Есть.

— Я Миша Колывань. А ты кто? — зэк прищурился, взгляд стал оценивающим и настороженным.

— Григорий Иванович Крылов, на воле был врачом.

— А, это про тебя вертухаи утром брехали, — Миша Колывань закрыл глаза, ухмыльнулся. — Теперь мне все понятно. А другое это как?

— Специальная дыхательная гимнастика, например.

— А ты её знаешь? — живо и заинтересованно спросил Миша Колывань.

— Не знал, не говорил бы, — Григорий после войны познакомился с двумя очень интересными дамами, мамой и дочерью. Еще перед войной они занимались разработкой дыхательной гимнастики, ставшей впоследствии знаменитой под их фамилией. Григорий очень им понравился и вызвал у них доверие. Дамы показали ему упражнения своей методики и Григорий иногда успешно применял их.

— Покажешь?

— Покажу.

— Пойдем, Григорий Иванович, в мой уголок. Перетрем все про дела наши грешные. — Миша Колывань встал с постели, скомандовал одному из своих подручных. — А ты посмотри, что бы уши никто не грел.

Уголовного авторитета, хозяина барака звали Михаилом Петровичем Суховым, Миша Колывань была его кличка. Сидеть ему оставалось полтора года, до начала лета 52-го. Он подробно расспросил Григория обо всем. В отличие от других обитателей барака речь у него была правильной, мата не было вообще. Позже Григорий узнал, что был Миша уголовным товарищем еще с дореволюционным стажем. И первый срок получил в пятнадцатом году еще по малолетке. После этой заканчивающейся ходки собрался уйти на покой. Товарищи по цеху и охрана лагеря боялись его как огня, все знали, что обид и подлостей Миша не прощает, руки у него были очень длинные, никому еще не удалось уйти от него. Но самому Мише за его почти сорок лет уголовного стажа ни разу не смогли дать срок по какой-нибудь серьезной статье. Он, скользкий как угорь, всегда находил какую-нибудь лазейку и посмеиваясь, уходил в сторону.

Григорий тщательно обследовал Мишу, насколько это было возможно, долго и обстоятельно побеседовал о прожитых годах и показал своему новому товарищу дыхательные упражнения. Результат был просто блестящий, приступы стали намного реже и зачастую они купировались без уколов.

— Ты даже себе представить не можешь, Гриша, — говаривал Миша Колывань, — чего мне стоит иметь тут под рукой лекарства и шприцы. А спирт? Вертухаи сколько раз шмаляли тут все, пытались найти.

До лета 1952 года Григорий на зоне жил более-менее спокойно. Начальство поняв, что Миша Колывань покровительствует Григорию, его совершенно не трогало. Но где-то вначале лета Григорий стал ощущать какую-то надвигающуюся опасность.

11 июня Миша Колывань позвал Григория для важной беседы.

— Гриша, я со дня на день ухожу на волю. Мне сегодня птичка в клювике принесла известие, что твой московский заботливый друг ждет, не дожидается этого момента. Он хочет тебя в оборот сразу же взять. Не понимаю, как ты вообще сюда живым доехал. Но эту недоработку решено исправить.

— Приятно слышать такие новости о себе, — Григорий нисколечко не удивился услышанному, он давно ожидал этого.

— Ну, Григорий Иваныч, как есть, — Миша развел руками. — Чего уж тут жопой крутить. Я долго думал, как тебя отсюда вытащить и вот что я придумал, — уголовный хозяин зоны огляделся по сторонам и перешел на шепот. — Надо Гриша, тебе умереть.

— Это как?

— Гриша, ты же умный человек, нет человека и нет проблем, — Миша Колывань сделал паузу, как бы еще раз обдумывая свою идею. — Им чего надо? Правильно, тебя извести, а ты тут, им на радость, сам помрешь.

— Миша, объясняй, я ничего не понимаю.

— У нас вертухаи поменялись, новенькие даже толком не знают, кто как выглядит. Я вчера твое дело смотрел, кое что там подчистил, — Григорий ошарашенно уставился на Мишу, в первую минуту он подумал, что ослышался. — Что удивляешься? Это мелочь, тьфу. Они у меня тут все, знаешь где? Я если захочу, они все скопом мне своих баб для утех приведут. Да только мне этого не надо, у меня есть боевая подруга. Мне других не надо.

Миша Колывань еще раз осмотрелся кругом, они сидели на травке за бараком и в пределах видимости были только два часовых на караульных вышках. Миша любил это место и частенько его посещал.

— Так вот, завтра или послезавтра, будет шмон и ты получишь таблетку. Глотай быстро. Потом ты вроде как помрешь. Тебя отвезут в морг. Придет фельдшер, законстатирует твою смерть. Потом придут двое и тебя помогут, один из них сделает тебе укол. Ты оживешь. Будет очень холодно. В морге есть часы с боем, когда они начнут бить двенадцать ты должен встать. Это будет трудно, но ты должен это сделать. В углу стоит шкаф, между ним и стеной найдешь черный чемодан. Там будет одежда, переоденешься и будешь ждать. Морг закрывается на очень хитрый замок, его нельзя просто так открыть, только снаружи. В половине первого начнется пожар и вот тут откроют снаружи дверь. В морге, в коридоре, будут стоять пять гробов, один облегченный. Ты попробуешь приподнять крышку и сразу поймешь какой. Как только начнется пожар, сразу ложись в гроб, — Миша Колывань говорил медленно и размеренно, как бы диктовал для лучшего запоминания. — Все запомнил?

Григорий кивнул, он запомнил даже интонации Мишиного голоса.

— В чемодане на всякий случай будет пистолет с двумя обоймами. Мало ли что. Если вдруг начнут открывать гробы, тогда не мешкая стреляешь, а дальше по ситуации, — Миша Колывань сделал паузу, закрыл глаза. — Но не должны начать открывать. Гробы вынесут и

тут же должны увезти на машине. Где-то через час машина заедет в сарай. Ты все будешь слышать. Когда все уйдут из сарая, аккуратно выходишь из гроба и из сарая. Если что, стреляй и уходи. Тут уже подумают, что ты простой грабитель.

Миша опять замолчал, на этот раз пауза была достаточно долгой. Глядя вдаль, он о чем-то думал, нахмуривая лоб и сжимая и разжимая кулаки. Что-то для себя окончательно решив, Колывань продолжил:

— Ну так вот, выйдешь из ворот и пойдешь налево, на повороте еще раз налево. Иди и смотри на ворота. Увидишь такие с навесом над калиткой, — Миша показал какой будет навес, сделав руками полукруг. — Зайдешь во двор, потом в дом. Оружие держи наготове, мало ли что, у тебя в правом кармане пиджака будет разорванная открыточка. Тебя баба молодая встретит, скажешь ей, мол Миша ей кланяется. И открыточку подашь. У нее должна быть вторая половинка. Пистолет из рук не выпускай, если что стреляй сразу и действуй по обстановке, — очередная пауза и вопросительный взгляд, все ли понятно? Григорий утвердительно кивнул.

— Когда баба дверь запрет, дом проверь на всякий случай. И жди, когда я приду. — Миша Колывань сально скривился. — Бабу можешь пользоваться, если будет желание. Ты парень все равно холостой, жена твоя сразу же развод оформила, я раньше просто не хотел тебе говорить, — Григорий и сам подозревал это, от своей супруги он не получил ни одной весточки.

— В чем дело сейчас рассказывать не буду, мало ли что. Если все срастется, на воле расскажу. Морг сгорит дотла, от трупиков ничего не останется. Одни обуглившиеся кости, — Миша Колывань встал с земли. — Мы тут засиделись уже, повторять времени нет. Все понял?

— Да, — уверенно ответил Григорий.

— Вот и хорошо. Особо рядом не светись, не надо вызывать подозрений, и не дергайся, все должно быть как обычно.

Следующий день начался как обычно строго по распорядку, но через полчаса внезапно всех вывели из барака, положили лицом на землю и начали по одному заводить в барак для обыска. Обыскивали крайне тщательно, стараясь при этом еще и унижить. Каждый раздевался догола и его тщательно осматривала молодая очень эффектная фельдшерица.

Дама эта славилась по всем северным зонам своим особо «чутким» отношением к зэкам, пару раз после её осмотров люди внезапно умирали, а год назад один зэк во время осмотра внезапно стал буйным и был просто ею застрелен. Он якобы попытался на неё напасть. Дама была мастером спорта по самбо и попытка напасть была просто смешна. Даже Миша Колывань с опаской относился в этой даме.

Осмотр интимных мест Григория дама совершила очень болезненно и унижительно. Сопровождалось это действие оскорбительными комментариями двух гражданских, которые тщательно наблюдали за действиями медички.

Осмотр производился снизу вверх. Григорию скомандовали встать на колени. Демонстрируя своё брезгливое отношение к зэку, дама осмотрела уши и нос.

— Пасть открой мразь, да пошире, — Григорий буквально на секунду замедлился с выполняем очередной команды. — Шевелись сука!

Удар сзади по спине плетью должен был стимулировать зэка. Кто ударил Григорий не видел, плети были в руках у всех присутствующих при экзекуции.

Дамочка очень грубо осмотрела рот Григория и он почувствовал запах крови во рту.

Подступившая тошнота сделала происходящее чем-то далеким, уши заложило.

— Если блеванешь, будешь ползать и всё тут языком вылизывать, — и в этот момент Григорий почувствовал, как глубоко на корень языка легла таблетка. Тошнота мгновенно прошла, все происходящее стало восприниматься ясно и четко. Григорий тут же проглотил таблетку.

— Закрывай свою вонючую пасть и пшел отсюда! — фельдшерица сапогом простимулировала Григория.

— Давайте следующего, а этому популярно объясните, что команды надо выполнять быстро и четко, — скомандовал один из гражданских.

Били его несколько минут аккуратно и очень больно: после объяснений болело все тело, но ничего не сломали и даже синяков не осталось. Большие мастера своего дела служили на этой зоне!

Через пару часов Григорий почувствовал какой-то туман в голове и через несколько минут неожиданно для всех упал без сознания.

На самом деле сознание не покинуло Григория, он как бы раздвоился. Его бездыханное тело лежало на траве и он как будто со стороны наблюдал за происходящим. Григорий совершенно ничего не чувствовал, всё происходило как-то замедленно и беззвучно.

Вот к его телу подошли какой-то офицер, дамочка-фельдшерица и один из гражданских, наблюдавших за осмотром. Дамочка брезгливо потрогала его тело кончиком сапога, затем слегка поддела сапогом его голову, чтобы увидеть лицо. Григорий лежал с открытыми глазами, все было в каком-то тумане и непонятного сине-зеленого цвета.

Дамочка что-то сказала, двое подошедших солдат раздели Григория, а затем бросили его на жесткие металлические носилки и отнесли в морг.

Слух вернулся к Григорию когда его несли на носилках. Через два часа, а в морге были часы с боем, в морг пришла медичка с теми же сопровождающими и еще раз осмотрела Григория. В этот раз осмотр не был демонстративно брезгливым и грубым.

— Время констатации 14.28 по московскому времени 12 июня 1952-го года. Зафиксируйте товарищ капитан и пойдёмте, мне надо успеть всё оформить до 15.00. Мне товарищи не нужны проблемы. Вскрытие, если будет надо, только завтра, — медичка понизила голос и язвительно продолжила. — Но не думаю, что оно кому-нибудь будет нужно. Переусердствовали наши орлы со своими объяснениями.

Еще через час пришли двое каких-то очень странных, Григория помыли и переложили на другой стол. Он не почувствовал укола, но понял что ему его сделали в плечо.

В девять вечера Григорий услышал чьи-то шаги по коридору. А затем раздалось клацанье закрывающегося замка. Еще через час начала возвращаться чувствительность и Григорий стал ощущать просто жуткий холод, он почувствовал, что его начинает трясти.

Григорий лежал на металлическом столе накрытый тонкой простыней. Через какое-то время он попытался сжать кулаки, с трудом после третьей попытки это ему удалось. А затем Григорий начал пытаться напрягать, а затем расслаблять отдельные группы мышц, задерживать дыхание, делать резкие форсированные вдохи и выдохи.

Он согрелся и два часа пролетели незаметно. Часы стали бить двенадцать. Григорий аккуратно отбросил простыню, прямо перед ним висели часы. Ровно двенадцать, полночь.

Аккуратно и не спеша Григорий встал. Упражнения, которые он делал почти два часа сделали свое дело, не было никаких неприятных ощущение, голова была абсолютно светлая, движения были быстрые и четкие.

Без труда Григорий нашел черный чемодан, быстро оделся, нижнее белье было удивительно приятным и нежным, какого-то редкостного качества. Григорий раньше никогда не сталкивался ни с чем подобным. Вся одежда удивительно подошла по размерам, наверное подбирал большой специалист своего дела. В правом кармане пиджака Григорий обнаружил половинку разорванной открытки, а под одеждой немецкий вальтер и две обоймы.

Григорий осторожно вышел в коридор. Вдоль стены стояли пять обычных гробов, обтянутых какой-то дешевой красной материей. Ровно в половине первого за окнами начался шум и Григорий увидел всполохи пламени, даже через закрашенные окна было понятно, что где-то начался пожар. Григорий быстро лег в нужный гроб, аккуратно закрыл его, изнутри для этого была ручка.

Сжимая пистолет, он с замиранием сердца ждал, что будет дальше. Вот его гроб подняли и куда-то понесли, заработал мотор какой-то грузовой машины, аккуратно и медленно машина поехала.

Все произошло так, как Григорию описал Миша Кольвань, без неожиданностей и проблем. Встретившая его женщин, видя его нежелание общаться, никаких инициатив не проявляла и была серой мышкой.

Ожидая Мишу, Григорий почти двое суток не спал и ни на секунду не выпускал из рук пистолет. Несколько раз хозяйка молча приносила ему сладкий чай и черный хлеб.

Миша Кольвань пришел глубокой ночью через двое суток. Молча протянул мешок с вещами. Развернув мешок, Григорий увидел знакомый по фронту комплект обмундирования войсковой разведки. Переодевшись, Григорий вопросительно посмотрел на Мишу. Тот махнул рукой и прошептал:

— Шмотки с собой. Уходим, — повернувшись к хозяйке, добавил. — Должок твой уплачен, обо всем забудь и живи спокойно.

Задами усадьба выходила на реку. Ночь стояла тихая, на небе практически не было ни одного облачка. При свете полной луны Миша Колывань без труда нашел спрятанную лодку, проверил, что лежит в ящике под брезентом. Григорий увидел два шмайсера, два вальтера, несколько снаряженных магазинов и обойм, несколько гранат Ф-1, четыре армейские фляжки для воды, два ножа НР-43, две малых саперных лопаты. Отдельно лежал мешок с сухарями.

Увидев такой арсенал, Григорий присвистнул.

— Расставляю все точки над и, как говорится. Возможно всё и нет никакой гарантии что мы не спалимся. Так вот, Григорий Иванович, живьем в руки наших друзей в погонах мы попасть не можем, — бывший зэк, оскалился, сжатые кулаки побелели. — Я лично смерти не боюсь, но что бы за меня терзали других, не хочу. Я тебе все карты раскрою, когда схоронимся. Волосы дыбом встанут, самому страшно во что на старости вляпался. Грести умеешь?

— Есть опыт, — кивнул Григорий.

— Давай на весла, ты первый, нам до рассвета почти пятнадцать верст надо отмотать. Хорошо хоть по течению, — Колывань посмотрел на небо. — Луна нам путь будет освещать, правда мы сами как на ладони.

По очереди меняясь на веслах, пятнадцать километров вниз по течению преодолели до рассвета. Несколько минут Миша высматривал где пристать. Лодку разгрузили молча и быстро. Затем Миша положил в лодку два десятка камней и открыл специальную пробку в днище лодки. Лодка быстро затонула.

— Намажь руки, шею, лоб, — Миша протянул флакон с жидкостью, пахнущей непонятно чем. Этот запах Григорий запомнил на всю жизнь, лишь на склоне лет он понял, что это был запах ладана, — а то комары живьем сожрут. Чуток по очереди передохнем и дальше двинем. Надо хотя бы по часику подремать.

Ровно через два часа двинулись дальше. Шли довольно быстро, несмотря на достаточно объемную и увесистую поклажу: помимо оружия и снаряжения Григорий нес мешок со своей одеждой, а Миша мешок с сухарями.

Шли молча и очень уверенно, Миша ни разу нигде не засомневался куда идти. Лишь однажды сделали получасовой привал.

— Открою тебе Григорий большой секрет. Я родился и вырос в Колывани в Сибири. Лес я не просто знаю, я его чувствую. Я однажды от чекистов босиком в одних кальсонах двое суток по тайге уходил, — Миша довольно улыбнулся. — И ушел-таки. Месяц потом на хате отлеживался. Нам всего-то пройти сотню верст. А потом отдохнем, отоспимся.

Шли весь световой день, отдохнули ночью поочередно по три часа и пошли дальше. На вторую ночь отдыхали по четыре часа и опять шли, шли, шли. Миша Колывань оказался просто железным, неутомимым человеком, а Григорий два раз упал и его напарник молча устраивал внеочередной привал.

Солнце уверенно шло на закат, когда вышли к высокому обрывистому берегу какой-то реки. По очереди перешли её вброд.

— Вот Гриша и пришли, там наверху небольшая заимка, даже банька есть, — Миша

Колывань мечтательно закрыл глаза. — Подняться к ней можно только вон по той тропке. Я тихонько пойду, а ты в кустах схоронись и жди. И смотри внимательно, как я иду. Тут с тропы слететь как два пальца об***ть. А ночью тропа вообще не проходима.

Когда Григорий поднялся наверх, он с огромным облегчением сбросил с себя казавшиеся уже неподъемным оружие, снаряжение, мешок со своими вещами и просто упал на траву возле большого плоского камня на котором его напарник колдовал с заваркой каких-то трав.

— Ты вообще-то, Григорий Иванович, молодец, — Миша одобрительно покачал головой. — Мои марш броски редко кто выдерживает. Я тебе если что, на себе бы попер. А так, паря, всякое бывало. Перед войной вот так как-то шли компанией по тайге. — Миша замолчал, прищурился глядя куда-то вдаль. — Один хлюпиком оказался, пришлось грех на душу взять.

Несколько минут беглецы молчали. Заварив травы, Колывань протянул Григорию кружку с горячим напитком.

— Тут мы, Гриша, будем отсиживаться и ждать нужных известий. Я тут уже пятый раз. Место это мне в двадцать первом году показал один мой товарищ. Мы с ним уходили от чекистов и здесь прятались два месяца. На этот утес подняться можно только по той тропинке. — Миша показал рукой на сторону тропы. — Что за тропа, сам видел, без шума по ней не пройдешь. А вот спустится с утеса можно во многих местах. Особенно если веревка есть.

— Альпинисты поднимаются в любом месте, — Григорий вставил свои пять копеек.

— Не спорю, но крючки будут заколачивать и ты их услышишь. Да и по тайге бесшумно не пройдешь, — Миша говорил непривычно медленно с расстановочкой, как бы смакуя каждое слово. — Ну так вот, место это хитрое, сам видишь. Утес весь лесом покрыт, а вокруг заимки почему-то деревья не растут. Кто её построил, не знаю. Моего товарища через год подстрелили и он умер у меня на руках.

Про товарища Колывань сказал с неожиданной горечью, Григорий никак не ожидал от него такого.

— Перед смертью он сказал, что место это знал только он, — взгляд напарника придавил Григория, он в буквальном смысле почувствовал его тяжесть. — Если нас тут накроют, то примем мы тут свой последний и решительный бой.

После неторопливого ужина Григорий услышал окончание рассказа:

— Я последний раз перед войной здесь был, принес сюда сахар, соль, крупы, спички, водку, посуду. Все стоит и лежит, как я оставил. Мы отдохнем, наведем здесь марафет, завтра вечером баньку истопим и я тебе, Григорий Иванович, все как на духу расскажу.

Ларчик открывался очень просто. Лагерь, куда «благодетель с Лубянки» определил Григория, был с двойным дном, чуть ли не со всего Урала туда тонкими ручейками стекалось левое золото. Каждый месяц в нескольких гробах его вывозили с зоны. Миша Колывань с помощью своей подруги все это узнал и держал начальство зоны на крючке. Подругой этой, как теперь Григорий и предполагал, оказалась фельдшерица, державшая в страхе всю зону.

Фельдшерица эта была ключевым звеном в схеме вывоза золота. Начальник местного управления лагерей, на котором замыкалась схема вывоза левого золота, имел свою личную выгоду в этом деле. Она была вообще-то очень незначительная, но сам факт её существования делал его положение крайне уязвимым. На свою беду начальник сей

воспылал нежными чувствами к Мишиной подруге и не успел и глазом моргнуть, как стал игрушкой в её руках.

Миша Колывань всегда очень внимательно и вдумчиво читал центральные советские газеты и в один прекрасный момент, когда началась подготовка к первому послевоенному съезду КПСС решил, что скоро все изменится и в мутном потоке, который обязательно потечет с зон, можно будет просто исчезнуть.

Перед Мишиным освобождением из зоны золото должны было уйти еще дважды. И Миша Колывань решил сделать то, что не делал ни разу за всю свою уголовную карьеру. Он потребовал от лагерного начальства организовать побег Григория и дал слово, что отойдет от дел после своего освобождения, просто исчезнет, и больше не будет шантажировать начальство зоны. Мишино обещание давало негодьям в погонах шанс избавиться от смертельно опасной зависимости от него и стороны ударили поручкам.

Побег Григорию организовали, Миша Колывань освободился и спрятался с Григорием на своей тайной заимке, ожидая свою подругу. Она должна была перед осенним золотым транспортом съездить в командировку в министерство, во время которой просто исчезнуть в Москве. Но неожиданно в ситуацию вмешался Гришин «благодетель с Лубянки».

Изучив бумаги о гибели Григория, он заподозрил неладное и в командировку Мишина любовь поехала не одна, вместе с ней вызвали начальника зоны и начальника местного управления лагерей.

Матерая уголовница, чуть ли не со школьной скамьи ведущая двойную жизнь, почувствовала какую-то опасность в поездке с такой компанией. Алкоголь и наконец-то обещанный доступ к вожделенному телу развязали язык начальнику управления и он посоветовал фельдшернице подготовиться к беседе на Лубянке.

В Горьком поезд стоял почти полчаса и там был запланирован арест фельдшерницы и начальника зоны. Командированные ехали с комфортом, каждый занимал отдельное купе СВ. Двери купе оказались закрыты изнутри, проводникам никто не отозвался. Когда двери взломали, озадаченные мgbэшники в одном из купе увидели тела двух обнаженных мужчин, убитых выстрелами в ухо. Женщина просто исчезла, двери всех купе были закрыты, эксперты в один голос заявили, что так закрыть купе можно было только изнутри.

Никто ничего не слышал и не видел. Про то, что женщина ушла не с пустыми руками, а унесла небольшой чемоданчик с многолетним наваром начальника управления лагерей, естественно тоже никто не знал.

Когда Мишина подруга была объявлена в розыск, она уже благополучно доехала до станции назначения и подходила к убежищу Миши Колывани и Григория. Её сопровождали два верных человека, жизни которых и их близких целиком зависели от Миши.

Не доходя пары километров до брода, бывшая фельдшерница приказала своим сопровождающим встать на привал и ждать её двое суток. Выйдя к броду, она зажгла условленный сигнал и стала ждать Мишу Колывань.

Григорий уже знал кто Мишина подруга, но все равно был изумлен, когда увидел её. Особенно Григория поразили её слова, что Мишеньку своего она любила всегда, сколько себя помнила. Разница в возрасте у них составляла почти двадцать лет.

Оставшаяся бесхозной, зона была взята в оборот целой кучей проверяющих. Оставшиеся на золотом хозяйстве вторые номера задачу отправки осеннего каравана провалили и были безжалостно пущены в расход. Так как в итоге ни грамма золота не пропало, то разгорающийся скандал компетентные люди быстро потушили, нашли других стрелочников,

которые якобы просто случайно совершили убийство и ограбление в поезде. Пропавшую женщину искать просто не стали. Гришин «благодетель с Лубянки» тоже оказался в числе стрелочников из органов. В итоге он покинул органы и после долгих мытарств сумел пристроиться в дальнем Подмоскovie в каком-то ВОХРе, где до конца своих дней сидел тихо не отсвечивая, опасаясь каждого шороха.

Перед расставанием в конце ноября 1952 года Миша Колывань выправил Григорию абсолютно железные документы. В Гришиных документах, которые он видел на зоне, была очень интересная отметка, которая значила, что отпечатки пальцев и фотография фигуранта есть только в этом деле. Отпечатки он уничтожил, а фотография была использована на новых документах.

Григорий Иванович сменил фамилию, став Каргиным, 1918 года рождения, уроженцем одной из белорусских деревень, полностью уничтоженной немцами, окончившим в сорок первом году пединститут в Минске. Всю войну Григорий Иванович Каргин прослужил в УВР-5, а после демобилизации работал вольнонаемным в УВС-1 полковника Павленко. Об эти воинские части были фальшивыми и их история, как и деятельность, закончились в ноябре 1952 года, когда органами был арестован создатель и командир этих частей Николай Павленко. Но товарищ Каргин по документам там честно служил, а затем работал. Таких, честно прошедших войну в этой фальшивой части, было немало.

Из УВС-1 Григорий Иванович Каргин уволился в начале ноября пятьдесят второго года и будучи по документам на этом свете один одинешенек, завербовался работать далеко за Урал.

Видя сомнения Григория, Миша Колывань успокоил его:

— Не сомневайся, Григорий Иванович, документы железные, тетка твой их нам сам продал, это наши дела, так сказать семейные. И жизни его никто не лишал. Твою фотографию в них еще в УВС вклеили и печати живые. А опознать тебя не кому, уж поверь мне на слово.

Михаил Петрович Сухов замолчал и совершенно неожиданно для Григория обнял его.

— Прощай, Гриша. Ты мне как сын стал. Никогда не думал, что на старости лет.... — Михаил Петрович замолчал, потрясенный Григорий увидел слезы в его глазах. — Всё, Григорий Иванович, уходи. Забудь, всё что с тобой до этого было. Живи с чистого листа. Чемодан около двери стоит. Я тоже сейчас же уйду через черный ход.

Одиночество Григория было не мнимым, а реальным, вся семья его погибла во время оккупации в сорок третьем году.

Весной пятьдесят третьего года Григорий Иванович женился и летом молодожены поехали в гости к родителям на малую родину жены, село Верхнеусинское на самом юге Красноярского края. Григорию родина супруги очень понравилась и они решили там остаться. Григория брат жены уговорил работать в школе небольшой соседней деревне, сначала учителем химии, а затем и физики. К концу своей учительской карьеры, совпавшей с потрясением августа 1998 года, Григорий Иванович был директором школы, учителем физики, химии, математики, историю, биологии, ОБЖ и учил детей уму-разуму на уроках труда. Новомодное название этой дисциплины он не признавал. Выход на пенсию совпал с закрытием школы, которая лет десять была совершенно некомплектной.

Своих детей у Григория не было, жена его была осталась вдовой в сорок третьем. Пасынок никогда не забывал, что Григорий ему не родной отец, с радостью уехал учиться в Москву и остался там, женившись на москвичке, внучке ректора своего института. С новой

родней как-то не заладилось, внуки сибирского деда практически не знали. Григория Ивановича это очень быстро перестало расстраивать, просто очередная жизненная потеря. Сколько их было уже. Гораздо большее было пережить смерть жены, да после выхода на пенсию часто стал Григорий Иванович вспоминать свое врачевание, которое пришлось прекратить после побега, так как бумагу о медицинском образовании выправить не удалось.

Во времена гласности и перестройки Григорий рискнул съездить и Москву и разыскать свою первую жену. К его удивлению это оказалось очень просто. Детей бывшая так и не завела, мужей и сожителей за эти годы у нее было не меньше десятка. Кроме жалости никаких чувств у Григория она не вызвала. Перед поездкой он рассказал жене всю правду о себе.

Последние лет пять-шесть Григорий Иванович много времени стал проводить с двумя семьями своих бывших учеников, вернувшихся после учебы на свою малую родину и осевших в достаточно большом селе, расположенном в паре километров. Физически он последнее время значительно сдал, если бы не постоянная помощь бывших учеников, то ситуация была бы просто караул кричи.

С головой последние годы то же начались некоторые проблемы. Пока что их Григорий Иванович достаточно успешно решал достаточно простым способом, он просто перестал куда-либо спешить, старался все делать пусть и медленно, но правильно. Но последний год проблемы, связанные с возрастом стали нарастать как снежный ком.

Старший сын одного из учеников, раскопал интересную местную легенду. Якобы через год или два после разгрома пугачевского восстания, в здешних краях пытались укрыться несколько сотен пугачевцев. Были они заводским населением одного из уральских заводов и присягнули самозваному императору. Спасаясь от преследования карательных отрядов, ушли в Сибирь и в итоге оказались в Минусинской впадине. Но царские каратели были неутомимы и непокорные бывшие заводчане ушли дальше, в Саяны. Скорее всего там они и погибли.

Неугомонный юноша очень хотел найти их следы и узнать судьбу почти пятисот человек. Григорий Иванович на старости лет этой идеей увлекся и стал в меру своих сил помогать молодому человеку, которого он как-то незаметно даже для самого себя стал называть внуком, в его поисках и реконструкциях событий восемнадцатого века.

В начале мая 2003 года местные краеведы на правом берегу Саяно-Шушенского водохранилища, почти напротив затопленного Большого Енисейского порога нашли остатки очень интересного лагеря, на первый взгляд века восемнадцатого. Григорий Иванович очень внимательно выслушал рассказ о находке и неожиданно даже для самого себя попросил своего "внука" свозить его на это место.

Ранним субботним утром 24 мая Григорий Иванович со своим «внуком» и его отцом прилетели в лагерь местных краеведов, разбитый недалеко от их находки.

— Григорий Иванович, вы тут в лагере располагаетесь, а нам надо срочно кое-что сфоткать. Погода вон видите портиться, а фотки нам край надо сегодня перекинуть, — руководитель краеведов был страшно обрадован прилету гостей. Дополнительные рабочие руки явно были не лишними, а уж внеплановый прилет вертолета вообще был просто сказочным подарком. Поэтому появление очень старенького посетителя не вызвало никакого негатива, хотя в другой ситуации этот товарищ был бы очень возмущен таким визитом. Но не сейчас, внеплановый полет был исключительно знаком личного уважения к Григорию Ивановичу.

— Давайте сынки занимайтесь своим делом, а я тут с палочкой по-стариковски поброжу, я ведь тут тысячу лет не был.

Григорий Иванович остался один. Прямо перед ним внизу, расстилалась гладь водохранилища, образовавшегося после постройки Саяно-Шушенской ГЭС и скрывшего страшный порог многометровым слоем воды. Хорошо был слышен шум Енисея. Конечно сейчас это шумом можно было назвать только с большой натяжкой. Вот до постройки ГЭС Енисей шумел, а сейчас он тихонько шептал, ведь он стал намного шире и спокойнее. Григорий Иванович для себя водохранилище называл Енисейским морем.

Где-то вдалеке прогремел гром, вызвав легкую досаду Григория Ивановича.

— Глядишь так и погода испортится, и не удастся тебе старый ничего посмотреть, — пробурчал он.

Погода испортилась просто стремительно. Подул сильный ветер, явно все шло к дождю. Григорий Иванович поспешил укрыться от надвигающегося в палатке, но не успел. Низкие дождевые тучи взялись просто ни откуда. Загремели раскаты грома, как будто орудийные разрывы, а потом ударила молния буквально в десятке метров от Григория Ивановича. Он с трудом устоял на ногах, в глазах потемнело, сердце стало биться с какой-то бешеной скоростью.

Следующая молния ударила буквально в паре метров от Григория Ивановича, но он это уже не увидел и не почувствовал. Какая-то неведомая сила подняла его вверх за мгновение до удара молнии, а затем бросила вниз и вперед.

Григорий Иванович увидел, как рядом с ним, буквально на расстоянии вытянутой руки, пролетел столб огня, он даже почувствовал его огромную температуру. Затем взрыв где-то под ним, он успел подумать, что это молния ударила в землю. А затем он начал падать куда-то вниз, последнее что он увидел было то, что очертания залива стали куда-то исчезать и мощно загрохотал Енисей.

Внезапно наступили полная темнота и тишина, сознание медленно начало покидать Григория Ивановича. У него даже возникла аналогия с процессом сдувания проколотого шарика. Последняя его мысль была совершенно дикой: «А очнусь я в восемнадцатом веке!»

Внезапный резкий звук, какой-то металлический, как по пустой бочке бьют. Григорий открыл глаза и медленно сел. Темнота, бывшая в первое мгновение, начала отступать, появилась какая-то расплывчатая картинка. Она тут же начала фокусироваться и достаточно быстро Григорий начал все видеть ясно и четко.

Он сидел на опушке леса, а впереди и внизу был берег широкой реки и это был Енисей. Но Енисейское море куда-то исчезло. Справа раздавался какой-то непонятный, но очень громкий шум. Через несколько секунд он понял, что это шум мощного падающего потока воды и грохот падающих камней.

Всё тело болело, особенно левое бедро и голова просто гудела набатом. Григорий осмотрел себя. Верхней одежды на нем было, лишь исподнее: грязные старые кальсоны и разорванная окровавленная нательная рубаша. Под ней самодельный крест на простой веревочке. На ногах непонятное подобие обуви из какой-то грубой невыделанной кожи. Посмотрел на свои руки, ногти коротко и не ровно не то обкусаны, не то все-таки подстрижены. Руки далеко не холёные, но молодая, чистая и гладкая кожа. Он погладил лицо и шею, кожа то же чистая, гладкая и упругая.

Очень хотелось пить и гудела голова. Григорий встал и пошел к воде. До берега Енисея он спускался, как ему показалось, целую вечность. На берегу Григорий огляделся. Да он не ошибся, рядом громыхал и бесновался Большой Енисейский порог. Реку ниже порога, спокойной называть можно было только с большой натяжкой, но насколько позволял взгляд, она была чистой и не несла ничего разбитого.

Григорий напился и еще раз осмотрелся вокруг. Боль в теле стремительно уходила, набат в голове стих. Приглядевшись, Григорий увидел, что справа за кустом лежат люди. Подойдя ближе, он разглядел два бездыханных тела, уже холодных, но еще не окоченевших. На обоих разношенные черные сапоги с высокими голенищами, в них заправлены красные шаровары, рубахи-косоворотки, бешметы и зипуны. На одном обшитый золотым галуном кафтан. Широкие черной кожи пояса, на левом боку сабли в ножнах. Расширенные кверху высокие барашковые шапки. Григорий решил, что это казаки, тот, что в кафтане — офицер.

Сзади раздались какие-то шаги. Григорий обернулся и увидел метрах в пяти двух казачьих лошадей. Привязав их к большой, торчащей как свеча, ветки лежащего на берегу поваленного дерева, Григорий осмотрел седельные сумки.

Оружие, ржаной хлеб, завернутый в чистых холщовые полотенца, четыре аккуратно упакованные деревянные бутылки с каким-то алкоголем, завернутые в тряпку огниво с трутом и берестой, соль в деревянных бутылочках, овес для лошадей, медные котелки, кружки и ложки, большие холщовые пологи, похожие на плащ-палатки.

Самой ценной находкой Григорий счел кожаную сумку с двумя комплектами чистого и свежего исподнего белья из тонкой льняной ткани, двумя чистыми рубашками-косоворотками, чистыми красными шароварами, двумя большими полотенцами, куском мыла, зеркалом и двумя комплектами чистых свежих портянок. Эта находка подтвердила его версию, что один из убитых был офицером. У второго казака был только запасной комплект простого исподнего, чистая рубашка и запасные портянки.

Григорий расстелил на траве холщовую плащ-палатку, разложил комплект белья,

рубашку, шаровары, полотенце, мыло и зеркало, оцениваяюще внимательно осмотрел себя.

— Должно все подойти, — сам себе сказал Григорий.

Подойдя к телам погибшим казакам, Григорий еще рез осмотрел их. Да, убиты они были несколько часов. Офицеру пуля попала в шею, простой казак был убит выстрелом в грудь. Затем Григорий раздел и разул погибших, ему ранее неоднократно приходилось это делать и каких-либо неприятных чувств и ассоциаций у него не возникло. Он вытряхнул сапоги и верхнюю одежду офицера, почистил от грязи и помыл сапоги. Все остальное и одежду второго казака он сложил во вторую плащ-палатку, связал её и приторочил к седлу одной из лошадей.

Мытьё в почти ледяной воде было занятием далеко не из приятных, но выбора у Григория не было и поэтому он разделся и тщательно помылся в речной воде. Особое удовольствие он получил смыв засохшую кровь.

Затем Григорий тщательно рассмотрел нового себя в зеркале. Короткие, прямые русые волосы, стрижен под горшок. Такая же русая борода и усы, тоже коротко стриженные. Прямой нос, небольшие уши. «Не лопухи», — подумал Григорий. Обычные карие глаза, губы. Как на картинке — русский Ваня.

Молодое, физически хорошо развитое тело. Огорчило большое количество синяков по всему телу, на спине множественные следы, старые и свежие, экзекуций плетьюми. Под левой ключицей и на шее следы свежих, только-только затянувшихся пулевых ранений, на шее пуля прощала по касательной, а вот под лопаткой прошла навывлет каким-то чудом не задев лопатку. Выходное отверстие Григорий нащупал на спине. На правом боку и левом бедре следы старых сабельных ран. На правой икре и стопе след старого ожога. На левом плече семь крестообразно расположенных родинок. Ощущения во всем теле силы и молодости, ничего не болит, как будто только что на свет родился.

Григорий одел свежее исподнее, шаровары и рубашку. Чистое и свежее белье приятно ласкало тело. Присел на поваленное дерево, намотал портянки. Высокие черные сапоги подошли почти идеально. Еще раз встрянул и одел бешмет, зипун и кафтан. Подпоясался черным ремнем казачьего офицера, поправил ножны с саблём.

— Ну что же, Григорий Иванович, поздравляю с прибытием в восемнадцатый век, — Григорий задумался, — год сейчас 1776-ой от Рождества Христова, раннее утро, солнце вон только взошло, тринадцатое мая.

Люди обычно знают какой год, какого числа и месяца, вот и Григорий просто это знал и высказанная вслух мысль была совершенно естественной, просто констатация факта. Григорий вспомнил свою последнюю мысль перед потерей сознания там, в 21-ом веке и усмехнулся. Последние две прочитанные им книги, были про попаданцев-прогрессоров, людей каким-то образом попадающих в прошлое и там резко двигающих прогресс, изменяя ход истории. Книги были написаны очень интересно и даже талантливо. И поэтому Григорий сразу понял, что с ним случилось и самое главное не удивился. Свое попадание в 18-ый век он расценил как абсолютно естественную вещь, в его прошлой жизни было много совершенно удивительного и невероятного. Раз бывает такое с другими, пусть в книгах, то почему это не может произойти с ним? А утверждение, что это всего лишь книжки, притом фантастика, это не аргумент. У Бога всего много.

Фантастика, а оказывается это может быть и не фантастикой. Да и кто сказал, что основной вопрос философии: что первично: дух или бытие, окончательно и правильно решен. Вот Григорий, например, теперь абсолютно точно знал ответ на этот вопрос.

Вот такие примерно мысли бродили в голове Григория. Для лучшего уяснения ситуации ему опять остро захотелось поговорить вслух с самим собой.

— Так Григорий Иванович, давай разберемся с собой. Кто мы такие? — Григорий запустил руку в свою бороденку.

Он физически начал ощущать как его душа и дух человека 21-го века, вытесняют душу и дух того, который из 18-го века. И мало того рядом еще один дух или сущность, вот этого неизвестного ему казачьего офицера! Буквально чуть-чуть и от бравого казачка останется только тело, а дух отлетит. А ведь кой-какие моменты обязательно должны остаться иначе будет жуткий когнитивный диссонанс.

— И останется только то, что я сейчас проговорю вслух, то что я услышу, то и останется, — Григорий затряс головой, жуть какая-то.

— Господин казачий офицер...Почему-то нет никаких его, как говорится в 21-ом веке, персональных данных, да они собственно говоря и не нужны. И так продолжим, — Григорий закрыл глаза, сосредоточился.

— Господин казачий офицер во главе дозора преследовал банду бунтовщиков ускользнувшую после разгрома самозванца в Киргиз-Кайсаковскую степь. Они прошли степями до Иртыша, а затем шли по Кольвань-Воскресенским заводам, освобождая, кстати много ссыльнокаторжных. Дошли они до Таштына, а затем пошли к Енисею и несколько дней назад вышли к нему немного выше Большого порога. От Таштына бунтовщиков начали постоянно преследовать и стычки были каждый день. В процессе погони подошли казаки из Саянского острога и команда из самого Красноярска. Пугачевцам хорошо всыпали, даже пленных взяли, — у Григория от напряжения перехватило дух. Он сделал вдох-выдох.

— В процессе они разделились. Меньшая часть куда-то пошла на юг, но через Енисей они не переправились. Казаки пошли за ними по пятам и постоянно их бьют. Большая часть отряда сумела на плотях переправиться через Енисей выше порога. Идут они на юг, они верят, что там, где-то в горах Саянских, есть таинственная страна — Беловодье, где они хотят укрыться.

Григорий почувствовал, что еще чуть-чуть и дух казачьего офицера улетит, надо попытаться поспешить.

— Казаки тоже переправились, но ниже порога и соединившись с партией, идущей по правому берегу, продолжили преследовать пугачевцев. Но тут возле Большого порога бунтовщики сумели организовать засаду и очень сильно потрепали казаков во время сильной грозы. Правда, за победу в этом бою бунтовщики заплатили очень дорого, они не успели полностью разгрузить плоты и упустили их. Плоты унесло на порог, где их скорее всего в хлам растрепало. Господин казачий офицер с одним из казаков после боя начал уходить от бунтовщиков по берегу Енисея, получил пулю в шею и благополучно помер. И там, в 21-м веке и здесь, в этот момент была гроза, били какие-то молнии. Вот и случилось в итоге попадание.

Григорий обессиленно замолчал, обдумывая только что сказанное. Какой-то похожий на тихий свист звук заставил Григория обернуться. Тело казачьего офицера задрожало и он наяву видел как отлетела казачья душа, оставляя ему, Григорию Ивановичу Крылову-Каргину, в наследство свои физические навыки и знания 18-го века!

— И так, — продолжил Григорий, когда улеглась буря в голове и успокоилась его душа, — теперь спокойно разберемся кто-же я. Тут спешить без нужды. Это от меня никуда не денется. Дело обстоит так, вы батенька беглый, толи из под Казани, толи из под Уфы, это

собственно абсолютно не важно, да и непринципиально. Также как и то, как вас тут звать. Будем мы тут Григорием Ивановичем, — Григорий внезапно почувствовал как бы легкий удар внутри головы. — А ведь вы, батенька, здесь действительно Гришка, сын Иванов. А фамилия вам не положена, рожей не вышли.

Григорий сжал руками виски, он физически ощущал, как в голове бродят мысли.

— Так фамилия пусть будет Крылов. Лет двадцать пять. Главное, что вы беглый и круглая сирота. Бегать начал с десяти лет, ловили, били и пороли. В пятнадцать лет сумел все-таки окончательно сбежать. И после этого скитался в основном на Урале или Камне как еще говорят в 18-ом веке.

Григорий еще раз сделал вдох-выдох. Наклонился и зачерпнул холодной воды. Вылил её на голову.

— Несколько лет назад подался в Сибирь, где почти три года скитался, опасаясь где-либо надолго задерживаться. А далее, вас батенька поймали и посадили в яму в каком-то остроге. Как водиться угостили плёточками. Убежать было дело техники, что и сделал, как только спина поджила, — всё, что Григорий проговаривал как-бы о себе его особо не трогало, типа кино смотрит.

— Сидя в яме вы прослышали что к Енисею идут люди, поверившие самозванцу, которые получили по соплям и дали деру в Сибирь-матушку и решили присоединиться к ним. В конце концов надо все-таки куда-нибудь хорошо спрятаться. Перед Большим порогом почти догнал беглецов, но казачки прищучили. И финита ля комедия! — он театрально развел руки.

Григорий перестал разговаривать с собой, молча посмотрел на Енисей, на леса кругом. Через пару минут понял, что голова стало пустой в буквальном смысле, просто ну ни одной мысли.

— Хорошо. Попадание вопрос интимный, глубоко личный. Что получается? Прищучили меня казаки, нет не прищучили, а почти прищучили. Но я сумел от них спрятаться в лесу. Слышал выстрелы, поэтому вышел, когда всё стихло. Нашел убитых казаков, разжился оружием и трофеями, взял казачьих лошадей и пошел дальше искать бывших пугачевцев. За время скитаний стал, как Миша Колывань говорил про себя, человеком таежным. Никто лучше меня не знает местные края, что является сущей правдой, вряд ли кто из местных может тут со мной тягаться. А вот как с мозгами у Григория Ивановича? — Григорий несколько минут напряженно думал, вспоминал, анализировал.

— Все в порядке, вроде все помню, все знаю, ничего не забыл. Даже вроде самбо помню. Отлично. — Григорий хлопну в ладони и потер их. — И так, сейчас 13-ое мая 1776 года. Сейчас должно быть раннее утро, мне так думается. Хотя я не прав, мне так не думается, я это просто знаю, да и по солнцу видно. Вот как дышу, так и знаю.

Григорий сам не заметил, как перестал говорить с собой. Он встал и подошел к лошадям. Ему больше понравилась молодая кобыла простого казака. На офицерскую он навьючил все доставшееся ему имущество.

«Интересно, а смогу я с лошастью справиться?» — подумал он. Навыки 18-го века остались с Григорием и с лошадьми он справился как заядлый кавалерист.

«И так, здесь неподалеку отряд пугачевцев, которые второй год от бегут карателей и ищут русскую землю обетованную, как его Беловодье или Белогорье. Собственно, это не важно. Их много раз казачки потрепали, а затем и Большой Енисейский порог. Где-то они должны быть недалеко.

В одиночку здесь не выжить. К какому-то берегу надо прибиваться. Идти к казакам нельзя, опознают и убьют. Получается вариантов нет. И задача получается такая: найти, присоединиться и возглавить. И дальше как в песне: мы наш, мы новый мир построим, кто был ни кем, тот станет всем. Вперед к победе коммунизма! А по-простому, куда кривая вывезет, просто жить и всё».

Для начала Григорий еще раз осмотрел порог и ниже, но никаких следов плотов он не увидел.....

... Через пару часов Григорий, на поляне в глухой тайге, нашел лагерь беглых пугачевцев. Они представляли жалкое зрелище. Несколько сотен людей оказались в совершенно ужасном положении. Большой обоз и крытые повозки пришлось бросить на том берегу Енисея, чтобы уйти от казаков. Сумели спасти только маленькую толику, только то, что смогли навьючить на лошадей, да унести в котомках за плечами. Самым ценным были запасы зерна, которых должно было им хватить на несколько месяцев. Но во время боя с казаками мужики упустили плоты с зерном, которые еще не успели разгрузить. Беда не приходит одна, пытаясь спасти плоты, в воду сорвался их предводитель и попал в водоворот. Они сумели вытащить его из водоворота, но он очень сильно пострадал. Лагерь пугачевцев Григорий обнаружил по далеко слышимому бабскому вою.

Отряд пугачевцев был очень своеобразным, его костяк составляли заводские люди одного из заводов восточного Приуралья. Когда отряд одного из атаманов самозванца занял завод, все как один присягнули новому-старому государю. Управляющий заводом бергмейстер Петр Сергеевич Маханов не был сторонником самозванного императора, но не даром жену сравнивают с шеей, которая головой вертит. Испуганная женщина чуть ли не силой заставила бергмейстера присягнуть Пугачеву, резонно опасаясь за себя и троих детей.

Весной 1774 года царские отряды начали нещадно бить пугачевцев, которые уходя с завода просто сожгли его, а заводских заставили пойти с собой. Несчастному бергмейстера и здесь пришлось подчиниться, правда он проявил характер и не дал уничтожить то, что можно было демонтировать и взять с собой. Проклятий в свой адрес он в результате услышал огромное множество, но его поддержали несколько десятков мастеровых.

Спасаясь от преследования, пугачевцы пошли на восток, затем на юг и смогли затеряться в казахских степях. Царские офицеры просто не рискнули углубляться в степи, где вдоль всей границы казахи начали нападать на русские крепости и посты.

Пугачевские атаманы к тому времени потихоньку рассосались и заводским пришлось самим решать свою судьбу. На царскую милость они резонно не рассчитывали и решили идти на восток, искать там русскую землю обетованную — Беловодье. Староврчешское рукописное «Путешественные» еще не было написано, но устные легенды уже начали возникать и беречь страдающие и обездоленные души многих русских людей.

Здесь же вообще семена упали на плодородную, хорошо обработанную землю. И несколько сотен русских людей двинулись в Сибирь. В процессе к ним присоединилась достаточно многочисленная русско-казахская семья, почти пятьдесят человек. Много лет назад казахи приютили семью беглого кузнеца из России, его многочисленные дети и внуки породнились с приютившими их степняками. Так как они в своей массе сохранили свою веру и вообще русскость, то неизбежно начались трения с соседними семьями. И когда в степи появились русские беглецы, то эти полурусские, полуказахи решили к ним присоединиться.

Для пугачевцев это был просто подарок судьбы: родоначальник семьи был просто

кузнецом от бога, его дети и внуки семейное мастерство приумножили. Вдобавок к этому у семьи было много лошадей, были коровы и много баранов. А самое главное, они знали степь. Поэтому их присоединение к отряду заводские только приветствовали.

Только благодаря им пугачевцы прошли по степям, а не сгнули там, так как пришлось зимовать посреди степей. Иртыш без каких-либо проблем пересекли по льду под Семипалатинском и пошли по степям северного Приалтайлья. В процессе отряд значительно увечился, на Колывань-Воскресенских заводах было освобождено несколько десятков сосланных пугачевцев и яицких казаков, да и просто заводские люди уходили от непосильных работ.

На вторую зимовку останавливаться не стали, а потихоньку шли вперед. На берега Енисея-батюшки пришли больше пятиста человек.

Как-то постепенно бывший бергмейстер стал в отряде первым номером, его мнение чаще всего оказывалось решающим. Петр Сергеевич Маханов был человеком для своего времени очень образованным, с любой современной ему техникой был просто на ты, никогда не забывал про свое «подлое» происхождение и в обхождение был очень уважительным и заслужено пользовался на заводе уважением.

В Кулиндинских степях к отряду присоединился по благословлению своего священноначалия иеромонах Филарет. Его появление вызвало большое недовольство староверцев, которых в отряде было достаточно много, но когда подошли к Енисею больше сотни твердокаменных староверцев откололись и ушли на юг, а в отряде установился религиозный мир.

И вот теперь почти все запасы зерна были на потерянных плотках...

Когда Григорий вышел из леса, все притихли. Подойдя, Григорий поклонился:

— Здравствуйте, люди добрые!

— А ты кто такой будешь, тать лесной наверное? — вместо приветствия ответил ему стоящий впереди всех здоровенный, похожий на цыгана, мужик.

— Тать лесной, наверное, ты будешь, а я добрый дедушка-лесовик, который пришел вас спасти.

— Да я тебя сейчас..., — мужик сжал свои пудовые кулаки и шагнул вперед.

— Молчи дурак! Ты Мефодий только лаеся можешь, да кулачищами махать, — маленький, сухонький, но бойкий стариченка неожиданно громким и повелительным голосом остановил мужика. — Здравствуй, добрый человек. Меня кличут дедушкой Фомой. А ты кто будешь? И чем ты нам пособить можешь?

— Я, Григорий Иванович Крылов, и расскажи-ка мне дедушка, что за беда у вас.

— Мы, милоч, на порогах плоты с зерном потеряли, да предводитель наш Петр Сергеевич плох, боимся помереть может. А нам без него вообще труба.

— Пойдем дедушка, я вашего Петра Сергеевича посмотрю, а потом про плоты погутаим.

Григорий осмотрел больного, ситуация ему не показалась критической.

— Вашему Петру Сергеевичу покой нужен. Положили вы его правильно, ему так очень удобно лежать. Я соберу кой-какие травы и заварю, — сказал Григорий, обращаясь к женебывшего бергмейстера, — потом объясню, как их вашему мужу пить. Травки мои его быстро на ноги поднимут. А вы, — это было уже поручение дедушке Фоме, — пока собирайте мужиков, пойдем на пороги.

Заварив нужные травы, Григорий подошел к собравшимся мужикам. Он уже знал, что маленький, сухонький стариченка был очень уважаемым и авторитетным заводским мастером. Но Фому Васильевича Иванова все звали дедушкой Фомой. Поэтому общаться пока Григорий решил исключительно с ним.

— Я к вам шел от Саянского острога, — это была маленькая ложь, не объяснять же как всё было. — И разбитых плотов ниже порогов не видел. Вы плоты вчера вечером упустили, а я часа два назад там был. Поэтому думаю, они на порогах застряли, — выражения лиц собравшихся мужиков мгновенно изменились. — Непонятно вы поступили, зачем сюда было от порога уходить. Ну да ладно. До порога тут верст пять, на дорогу час-полтора.

До порога на лошадях Григорий с мужиками добрался менее чем за час. Добравшись до порога, Григорий был сильно озадачен. Ни плотов, ни их остатков ни где не было видно, просто ни где: ни выше, ни ниже порогов, ни на самих порогах. Такого просто не могло быть!

И лишь осторожно подойдя к самой кромке воды, где по берегам среди камней было просто огромное количество гадюк, Григорий понял, в чем дело. Вход в порог преграждала огромная плита, с которой основное количество воды сваливалось в огромную яму. Из этой ямы вырывалась грохочущая и бурлящая пенная масса. Кроме шума воды, на пороге раздавался грохот от падающих в него камней. Справа от плиты неслись большие валы. На самой плите был большой завал, нанесенный только что закончившимся половодьем. Вот в

это завал плоты просто и уткнулись, а сзади в них, скорее всего тут же, приткнулись следующие плывущие по реке деревья. Они и прикрыли плоты так, что разглядеть все это можно было только от самой кромки воды.

— А вы что, к воде не подходили? — спросил мужиков Григорий.

— Гадюк то тут ого-го, мы и забоялись их. Да и ночь уже почти была. Кто же знал, что плоты только от самой воды видать! — виновато ответил один из них, остальные просто промолчали.

— Видели, как я шел? — мужики закивали. — Вот и вы так. Ежели кто босиком, идти сюда не надо, только в сапогах. Портки в сапоги. В руки берите палки и шумите ими побольше, змеи расползутся, — мужики тут же начали заправлять портки и искать палки. — Да под ноги хорошо смотрите.

Через полчаса удалось заарканить плывущий очень близко к берегу большой одинокий кедр. Помучавшись изрядно, его удалось причалить к завалу поперек реки. Течение быстро прижало его к берегу и завалу, образовав довольно шаткий мостик до завала, длиной почти двадцать метров.

Соблюдая осторожность двое мужиков аккуратно пробрались к завалу. Григорий хотел пойти сам, но приехавший к этому времени дедушка Фома не пустил его:

— Балбесов, которые на медведя могут пойти у нас хватает, а вот головастых ёк. Так что другие пусть идут, — дедушка Фома показал на мужиков. — А ты мил человек дальше кумекай.

Через пару часов работы соорудили достаточно широкий, а самое главное надежный мост от берега до плота, который последним уткнулся в каменную плиту порога.

— Ну что дедушка Фома, как думаешь лучше сделать, на руках перенести на берег мешкиили разобрать завал и вывести плоты с мешками? — спросил Григорий. — Я склоняюсь, чтобы сразу разобрать. День на закат пошел, до темноты можно не успеть. А тут на Енисее бывает так, налетит внезапно буря и таких дел натворит, что ого-го. Завал этот в миг на щепки разнесет.

— Ну тогда давай, Григорий Иванович, будем разбирать завал, да не мешкая.

Григорий представился по имени-отчеству, рассудив, что от этого его статус сразу же будет выше всех остальных, в восемнадцатом веке еще не было принято простых смертных именовать по отчеству. Петр Первый уже ввел в документооборот отчества, а Екатерина Вторая закрепила и вид отчества по рангам. Окончание «вич» и соответственно отчество Иванович как бы причисляло человека к одному из первых рангов, императрица таким видом отчества наградила только первые пять рангов. Или как знак особого уважения или каких-то суперзаслуг, например купцы братья Строгановы носили отчество Иоанникиевич. Право на такое отчество они получили за присоединение к Москве Урала и Сибири. То, что бывшего управляющего пугачевцы звали по отчеству, говорило об огромном к нему уважении и авторитете.

— Пошли, дедушка, гонца, пусть народ сюда потягивается, — дедушка Фома кивнул. — И давай, дедушка, команду, а я пойду тут по окрестностям жалом повожу.

— Жалом? Это как? — дедушка Фома озадаченно посмотрел на Григория.

Пчелы и осы, перед тем как ужалить, задом где жало, водят, — Григорий показал рукой и засмеялся, — туда-сюда.

— Надо же как ты сказал, жалом повожу, — дедушка Фоматоже засмеялся. — Ну что ж походи, поводи жалом, а мы поработаем.

Оставив начавших работать мужиков, Григорий направился к речке Казыр-Сук, устье которой было в нескольких сотнях мерах от порога и на южном берегу которой отряд разбил свой лагерь. Именно при попытке переправиться через эту речушку казаки и попали в засаду.

Григорий знал, что по южному берегу Казыр-Сука проложена торговая тропа, которая имеет несколько пересечений с Мирской торговой тропой, по которой можно было пройти в Усиновскую долину.

Григорий углубился в лес и сразу же вышел на торговую тропу, достаточно широкую и утоптанную. Когда он направился на поиски тропы у него возникло острое предчувствие чего-то необычного. Когда Григорий углубился в место, то это чувство просто стало его захлестывать.

И буквально через сотню метров Григорий наткнулся на три упавших дерева под которыми были очень объемные тюки. Приглядевшись Григорий увидел, что тюков было несколько десятков. Так же он разглядел человеческие останки, один из погибших был вероятно воином. Григорий видел в музеях китайские военные доспехи и ошибиться не мог, да и сабля в ножнах в ножнах была не декоративной. Кроме воина, Григорий увидел останки еще как минимум двоих человек. Блестящие отполированные кости людей и лошадей производили достаточно жуткое впечатление.

Верхняя плотная ткань доспехов была очень сильно повреждена. А вот плотная ткань тюков была совершенно не повреждена, на ощупь она ему чем-то напомнила резину. Григорий достал нож и хотел вскрыть один из тюков, но затем передумал: «Зачем портить хорошую вещь, достанем и узнаем.»

Григорий вернулся на берег Енисея. Увидев, что завал практически разобран, он поспешил к своим новым товарищам.

— Отлично братцы, отлично. У нас достаточно крепких веревок и ремней. Крепите их на плотах крепче, — мужики с веревками тут же начали крепить их. — Где дедушка Фома?

— Здесь я, Григорий Иванович, здесь.

— Сколько мешков на каждом плоту? — спросил Григорий.

— Много, по сотне без малого.

— Думается мне надо разгрузить первый плот, — Григорий показал рукой, — он сильно на камень сел, ну и обвязать его надо дополнительно.

— Твоя правда, Григорий Иванович, сделаем.

Еще два часа ушло на подготовку к буксировке плотов вверх по течению Енисея. И вот наконец все готово. Почти сотня человек приготовились кто тянуть плоты, кто наоборот держать.

— Ну что Григорий Иванович, начинаем?

— Начинаем, дедушка Фома, — Григорий глубоко вдохнул. — Командуй.

Все напряженно смотрят на Григория и дедушку Фому. Вот он снимает с головы потрепанный картуз, чинно и неторопливо трижды креститься, повернувшись лицом на восток, кладет три земных поклона и неожиданно громко и звонко кричит:

— Давай!

Мужики на берегу начинают медленно и аккуратно выбирать ремни, закрепленные на крайнем, третьем плоту. Два десятка мужиков со специально вырубленными жердями изготовились у края второго плота.

Ремни натянулись, кажется сейчас зазвенят.

— Мужики, тол-кай! — закричал Григорий.

Жерди дружно уперлись в край плота. Плот дрогнул и медленно двинулся против течения к берегу. Через полчаса его аккуратно завели в специально выбранный речной залив и надежно привязали к деревьям на берегу.

Второй плот вывели намного быстрее и проще. Подошла очередь третьего. Предварительно половину мешков с него перегрузили на первые два. Мужики с жердями с опаской подошли к краю плота, который он наполз на каменную плиту порога. В нескольких метрах от них страшно грохочет и бурлит страшный порог Енисея. Для гарантии они связались друг с другом веревками, уповая на помощь товарищей, если сорвешься.

Грохот порога заглушает все голоса. Команда на плоту видит, что ремни начинают подниматься из воды и натягиваться. Они понимают, пора и упираясь жердями в каменную плиту, дружно пытаются столкнуть плот с плиты порога. Но тщетно, порог не хочет отдавать свою добычу!

Люди на берегу упорно продолжают тянуть ремни, кажется еще мгновение и плот начнет разваливаться на отдельные бревна, но в этот момент он задрожал и медленно, очень медленно начал сползать с каменной плиты порога.

Григорий вместе со всеми тянул ремни на берегу Енисея. Заходящее солнце стало цеплять верхушки деревьев, когда третий плот причалили к берегу. Григорий в совершенном бессилии опустился на землю, его тошнило и было только одно желание — спать.

Григорий усилием воли поднялся на ноги.

— Так мужики, это не все. Человек пятьдесят, с лошадьми и топорами за мной.

Мужики дружно и быстро расчистили лесной завал, вытащили и погрузили на лошадей найденные Григорием китайские тюки. На берег Енисея лесная экспедиция вернулась в первых вечерних сумерках.

Сказать, что Григорий устал, это значит ничего не сказать. День великих потрясений и перемен для него лично, да еще и просто такие-то физические нагрузки. Прошлая жизнь, там в будущем, это какая-то сказка, какое-то кино. Хотя кино — это теперь тоже сказка. Короче это все было давно и неправда. А правда это то, что было сегодня и будет завтра, и послезавтра.

Сидя у костра, он пил теплый чай из каких-то душистых трав. Перед ним, на гладком камне на расстеленном чистом льняном полотенце, лежал нарезанный черный хлеб, стояли простая грубая глиняная тарелка с кусками жареного мяса и несколько вареных яиц. Отдельно в маленьком блюдце стояла соль.

Вместе с Григорием трапезничал дедушка Фома. Старик устал до безумия, но он не мог пойти спать. Ему надо было обязательно поговорить с Григорием.

Григорий чувствовал настроение Фомы и ему тоже надо было с ним поговорить.

— Какие ваши планы, дедушка Фома?

— Планы? — старик махнул рукой. — Да нет никаких планов. Шли куда глаза глядят, лишь бы убежать. Знаешь поди, что нас ожидало? — Григорий кивнул. — У меня, Григорий Иванович, вот от одного твоего вопроса в носу засвербило.

— Знаю, есть опыт. Я, дедушка, вот почему спрашиваю. Среди вас есть те, кто хочет найти Беловодье. Так вот, дело обстоит так. Россия и православные остались там, за порогом. Впереди, — Григорий показал в сторону верховьев Енисея, — нет ни одного православного. Там вообще много мест где людей нет. Если подняться выше по Енисею, то он свернет влево в горы и там живут эти как их, — Григорий хотел сказать тувинцы, но

вспомнил, что сейчас не двадцатый век, — урянхайцы. Они под пятой у Китая.

В горле у Григория запершило, он сделал пару глотков теплого напитка и затем продолжил.

— Недалеко отсюда в Енисей впадает река Ус. Так вот если подняться по ней вверх, то там есть долина, лучшего места для жизни здесь нет. Там можно выращивать хлеб, разводить скот, там хорошая охота и рыбалка. В горах есть золото и много еще чего. Это конечно не Минусинская впадина, которая за порогом вниз по Енисею, но там нет ни царских, ни китайских чиновников, — Григорий усмехнулся. — Почти Беловодье. И в той долине если что, легко можно обороняться от любого врага. Большую армию никто туда не пришлет. Вот, что я дедушка тебе хотел сказать.

— А ты, Григорий Иванович, кто такой, почему ты здешние места знаешь? — дедушка Фома хитро-вопросительно посмотрел на Григория.

— Я, дедушка Фома, хозяин здешних мест. Никто их лучше меня не знает, — Григорий про себя усмехнулся, это наверное было правдой. — Ты не смотри, что я молодо выгляжу, я в этих местах уже бывал. Я как ткацкий челнок, туда-сюда, туда-сюда.

— А товары китайские, это как так? — не унимался старик.

— Ты дедушка знаешь, что такое контрабанда? — дедушка Фома утвердительно кивнул. — Так вот её, контрабанду то есть, никто не отменял. Есть значит лихие люди в Китае. Это раз. Два, то, что это стародавняя торговая тропа, — Григорий устало прикрыл глаза. — Мне бы поспать, дедушка. Очень я притомился.

— Ты, Григорий Иванович, ложись, спи. А мы пока погутарим. Общество волнуется, сна ни у кого нет.

Через несколько минут Григорию принесли набитые сухой травой огромные мешки, два тряпичных одеяла и он мгновенно провалился в сон...

... Григорий проснулся с первыми лучами солнца. Открыв глаза, он увидел сидевшего напротив монаха, в черной очень потрепанной рясе и таком же черном и потрепанном клобуке. На левом запястье у него были четки, которые он перебирал пальцами обеих рук. Сидел он тоже на таком же огромном мешке, рядом с ним свернувшись калачиком спал дедушка Фома.

Увидев, что Григорий проснулся, монах слегка тронул дедушку Фому за плечо. Тот мгновенно проснулся и заговорил с Григорием как будто они только что вели беседу. Как говорится не здрасте тебе, не до свидания.

— Григорий Иванович, вот наш иеромонах, отец Филарет хочет с вами побеседовать.

Вид у дедушки Фомы был немного виноватый и Григорий улыбнулся, он мгновенно понял, почему монах хочет с ним побеседовать.

— Наверное в обществе возникли сомнения в моем происхождении, — Григорий решил, как говорить, сразу зайти с козырей, — и отец Филарет должен выяснить, не являюсь ли я колдуном или слугой нечистой силы, или более того — самим лукавым?

Отца Филарета слова Григория не смутили, даже более того, он просиял лицом, стремительно поднялся и с улыбкой, очень ласковой добро, обратился к Григорию:

— Григорий Иванович, пойдете к Енисею, там нам лучше будет беседовать.

На берегу Енисея отец Филарет несколько минут молча смотрел на величественную даже здесь реку, потом резко повернулся к Григорию:

— У вас, Григорий Иванович, есть нательный крест?

Григорий молча снял самодельный крест и протянул монаху.

— Когда я убежал из острога у меня не было возможности где-либо взять крест и я при первой возможности вырезал его сам.

Григорий, в той жизни, когда жена заболела, выполнил её просьбу и принял крещение. Жена его была похоронена в Минусинске и сначала он просто выполнял её предсмертную просьбу, регулярно посещая храм, каждый раз бывая на её могиле. А после выхода на пенсию стал стремиться простоездить куда-нибудь в храм по всем праздникам. Вернувшись на малую родину, его ученики помогали ему и в этом.

Отец Филарет внимательно рассмотрел крест, затем убрал его в карман рясы.

— Я хочу вам дать другой нательный крест, — отец Филарет протянул Григорию золотой нательный крест на красивой витой и, наверное, то же золотой цепочке. Григорий поцеловал руку иеромонаха и после его благословения принял крест, поцеловал и надел его, затем убрал под нательную рубаху.

— Григорий Иванович, я не стал ничего говорить людям, когда возник этот вопрос, тем более вы только что развеяли любые сомнения на ваш счет, — иеромонах говорил медленно и проникновенно. — Вам не надо знать, что за крест вы только что приняли. Достаточно знать, что лишь тот, на ком лежит благодать Божия, может его принять. Помните житие Марии Египетской?

Григорий молча кивнул.

— Так и крест этот может принять только человек, чистый от того, в чем вас заподозрили. Я мог бы развеять эти глупые подозрения сразу же, но сделать нужно было именно так, мы это сделали. Я же согласился поговорить с вами из других резонов.

Отец Филарет замолчал. Григорий вдруг понял, что этот иеромонах, которого он впервые увидел несколько минут назад, знает его тайну.

— Ваша жизнь поделилась на две части: до вчерашнего утра и после. Считайте, Григорий Иванович, что вам вчера утром только исполнилось семь лет и Господь вам покажет, когда и перед кем вам надо будет исповедоваться за то, что было до вчерашнего утра.

Когда мы с отцом Филаретом вернулись, кроме дедушки Фомы меня ждали еще четыре человека, среди них я увидел бывшего бергмейстера Петра Сергеевича Маханова и к своему огромному изумлению какую-то женщину. Трое были мне совершенно не знакомы, один из них резко отличался от всех слегка раскосыми глазами и совершенно прямыми, жесткими и черными волосами. Я предположил, что это представитель, а может быть и глава полурусского, полуказахского рода кузнецов.

Все они видели окончание нашей беседы с отцом Филаретом, поэтому вопросов никто не задавал. Отец Филарет молча благословил каждого, быстрыми шагами удалился от нас и начал отдавать какие-то распоряжения. Боковым зрением я увидел, как несколько человек опрометью бросились куда-то бежать.

После короткой заминки дедушка Фома, откашлявшись, сказал:

— Вот общество погудело и ...

Что и ..., почему-то сказать у него не получалось. Махнув рукой, дедушка Фома закончил:

— Петр Сергеевич, — он развел руками в сторону бывшего бергмейстера, — слава Богу поправились и пусть они теперь

— Петр Сергеевич, — я решил взять инициативу в свои руки, — при всем моем уважение, — я сделал легкий жест в сторону дедушки Фомы, — полагаю, собрание лучше вам вести, если конечно ваше самочувствие позволяет, — Петр Сергеевич лежал на деревянных носилках, которые принесли четверо мужиков. Закончив говорить, я сделал легкий поклон.

— Благодарю за доверие. Ваши травы вернули меня к жизни, не побоюсь этого сказать, но самочувствие еще желает лучшего, — Петр Сергеевич в свою очередь сделал легкий поклон в мою сторону.

В этот момент откуда-то слева мужики вереницей принесли два кресла в стиле Людовика XVI, несколько деревянных чурбаков, которые можно использовать как стулья, а самый большой вполне годился на роль стола. Мужики расставили их кружком, одно кресло поставили подле носилок Петр Сергеевич, другое рядом, в которое было предложено сесть мне. Чурбаки и кресла в землю не проваливались, их поставили на каменистом месте.

Большой чурбак поставили отдельно, шедший сзади всех мужчина средних лет, гладко выбритый, одетый в подобие рясы и в какой-то странного вида шапочке, типа тюбетейки, только черного цвета, накрыл стол однотонной серой скатертью, положил на него стопку толстых листов сероватой бумаги и какую-то шкатулку.

Подождав, пока все расселись на заботливо поставленных деревянных чурбаках, Петр Сергеевич продолжил, обращаясь ко мне:

— Как тут сказано, общество выбрало пять человек, можно сказать это наши лучшие люди, — бывший бергмейстер сделал паузу, закашлявшись. — И поручило нам всё решать. Отец Филарет сказал, что должны быть не только мужики, но и бабы от тех семей, где нет мужиков. Никто не сказал против отцу Филарету. Полночи шумели, пока выбрали, — Петр Сергеевич опять сделал паузу, теперь он правда улыбался, наверное много было интересного на тех выборах. — А шестым решили выбрать вас, Григорий Иванович, если отец Филарет

скажет да. Слово отца Филарета все видели.

Господин Маханов обвел взглядом всех присутствующих. Всё молча кивнули.

— Еще отец Филарет велел не лается и во всем слушаться вас, Григорий Иванович. Слово ваше должно быть решающим, — Петр Сергеевич неожиданно перешел на «ты». — Только ты, Григорий Иванович, можешь нас спасти, считает отец Филарет. По следам за нами идут казаки, пощады от них не будет. Они за нами идут неотступно чуть ли не от Алтая. Так что, давай Григорий Иванович, говори.

— Петр Сергеевич, вы расскажите мне, кто здесь кто, — такого начала я не ожидал и решил немного потянуть время. Надо просто собраться с мыслями..

— Да, да, вы правы. Начинать надо с этого. Это, — Петр Сергеевич запнулся и после короткой заминки продолжил, показывая на женщину, — Лукерья Петрова, дочь Сергеева.

Говорил Петр Сергеевич медленно и тихо, видно было что ему даже говорить еще тяжело.

— Григорий Иванович, давайте дальше сами. Мне еще даже говорить трудно.

— Хорошо. Вы сказали, общество выбрало лучших людей совет держать и решать, я правильно говорю? И общество будет подчиняться нашим решениям и выполнять их?

Все подтвердили мою правоту.

— Отлично. Давайте поступим так, — я вспомнил, как еще вчера собирался просто жить, похоже просто не получится. — Всех нас давайте будем называть Обществом. Собрание Общества, где выбираем и что-то решаем всем миром, называть Вече, как в старину на Руси было. — я сделал паузу. Еще секунда и я предложу просто невероятное для 18-го века. — Одинаковое право голоса у всех, и мужчин и женщин. Совершеннолетие с шестнадцати лет, — я посмотрел поочередно на каждого присутствующего. Молчание знак согласия, но все немного ошарашенны. — Нас всех, кого выбрали, так и называть, Лучшие Люди. И поэтому Лукерья Петровна Сергеева. Согласны?

— А наше собрание Советом Лучших. Я лично согласен, — поддержал меня Петр Сергеевич. Остальные молча стали кивать в знак согласия. Лишь Лукерья, зардевшись, громко выдохнула:

— Ой, батюшки, да что же деется!

— Да Лукерья, переименовали тебя, теперь ты не Лушка, а Лукерья Петровна, — со смехом сказал дедушка Фома, подняв кверху указательный палец.

— А ты, дедушка Фома, теперь, Фома Васильевич Иванов. А это Василий Иванович, фамилия как будет? — Петр Сергеевич вопросительно посмотрел на полурусского-полуказаха.

Тот пожал плечами:

— Не знаю, Кузнец наверное.

— Тогда лучше Кузнецов. И ваши все тоже пусть будут Кузнецовы. Согласен?

Новоиспеченный Кузнецов развел руками:

— Как скажешь Петр Сергеевич.

Петр Сергеевич обратился к последнему неназванному человеку:

— А вы кто такой? Я вас не знаю.

Я внимательно посмотрел на этого человека. Как говорить за версту было видно, что это человек военный, был он чисто выбрит, короткие черные волосы тщательно расчесаны назад. Свою треуголку и офицерские перчатки он аккуратно положил на стол. Чистый темно-зеленый сюртук был застегнут на все пуговицы. Сидел прямо, держа свою офицерскую

трость между колен.

— Я солдатский сын Ерофей Кузьмич Пантелеев. Мне двадцать пять лет. Был капитаном пехотного полка. Мне было приказано расстрелять ваш дозор, захваченный в плен, когда вы шли к Енисей. В плен взяли пятерых, их пытали, а потом решили расстрелять, — капитан рассказывал монотонно и без какого-либо выражения. — Расстреливать я их не стал, а решил перейти на вашу сторону. У меня было пять солдат, трое пошли со мной.

— Ерофей Кузьмич нас догнал и только благодаря ему мы перед порогом отбились от казачья, — Фома Васильевич продолжил рассказ бывшего капитана.

— Хорошо, вот и познакомились, а теперь давайте я продолжу. Ерофей Кузьмич, письмом владеете? — спросил я.

— Да.

— Если вам не трудно, ведите протокол нашего заседания, — я понятия не имел как это должно было звучать в 18-ом веке и поэтому сказал в стиле 21-ого. Но капитан Пантелеев меня прекрасно понял, пересел на чурбак возле импровизированного стола и достал из шкатулки перо и чернильницу.

— 14 мая 1776 года, суббота. Я весь внимание, Григорий Иванович.

План действий у меня практически был готов, да и собственно, что там планировать, мне лично все было ясно как белый день. Местность я знал прекрасно, а это самое главное.

— Ерофей Кузьмич, незваные гости сегодня могут нагрянуть или нет? — это было первое, что меня волновало.

— Нет, не могут, — а теперь капитан говорил уверенно и категорично. — Драка с казаками была вчера. Им в итоге досталось хорошо, казаки попали в нашу засаду и потеряли чуть ли не десяток людей. Здесь не Россия, тут десяток потерять трагедия. Они отошли и будут готовиться. Раньше завтра их не жди, но и тянуть не будут. Сейчас вдоль реки можно пройти только в одном месте. Обойти нас нельзя ни по воде, ни по суше. Там я оставил два дозора, если что предупредят. Но все равно, уходить надо не мешкая. Куда не знаю.

— Вот что я предлагаю, — я махнул куда-то на юго-восток. — Там верст пятьдесят-шестьдесят напрямую, есть благодатное место. Не Минусинская долина, но в здешних местах самое лучшее место для жизни. Это долина на реке Ус. Её называют Усинской, но можно еще как-нибудь. Народ там с Минусинских степей иногда бывает, но постоянных жителей нет. Проездом бывают пограничные казаки к своим столбам. Урянхайцы постоянно там тоже не живут.

Я закрыл глаза, вспоминая ставшую мне родной долину.

— Добраться до долины можно плывя по Енисею, а затем по Усу. Порогов больше нет, но плыть надо против сильного течения и на Енисеемного неожиданностей. До устья реки Ус верст шестьдесят пять, а затем вверх по реке больше сто. От устья Уса по реке можно идти только зимой по льду. Также есть путь по казачьей пограничной тропе, — проплыть вверх по Енисею можно конечно только теоретически, но сказать об этом было нужно.

— Но пройти туда можно по торговым тропам. От Большого порога начинается торговая тропа. Караваны, остатки одного из них я нашел в лесу, тут бывают крайне редко, — я честно говоря совершенно не знал была ли здесь торговля в 18-ом веке. — Тропа идет в основном вдоль мелких речек. Везде она более-менее проходима на лошадях. Я по ней много раз ходил, туда и обратно, — Григорий Иванович Каргин каждое лето со своими учениками два-три раза в год совершал какой-нибудь пеший поход и знал все дороги, тропы

и тропинки чуть ли не от Минусинска до Кызыла. Естественно я не стал уточнять, когда я тут ходил. — Тут на самом деле много троп, надо просто их знать. Нужная нам тропа начинается от устья речки Казыр-Сук, оно здесь рядом. Верст через семь-восемь будет река Табель-Сук. Тропа до этого места хорошо проезжая, у устья Табель-Сука тропа раздваивается, одна идет дальше по реке, другая сворачивает и идет по этому Табель-Суку. Вдоль него мы идем почти до истока, тропа там похуже, но есть. Это еще верст семнадцать-восемнадцать.

Я сделал передышку, выпил несколько глотков вчерашнего напитка, принесенного тем же человеком.

— Вот потом начинается самый сложный участок, верст двадцать. Тропа идет просто через тайгу, пересекает реку Большой Тапсель, до него восемь верст. Потом еще столько же вдоль какого-то ручья, затем версты две через Мирский хребет, зима закончилась и он сейчас свободно проходим. После хребта, наверное, тоже версты две и будет ручей Подъемный, вдоль которого и идет Мирская тропа. Ручей вскорости впадает в реку Мирская. Там тропа вообще хорошая, идет она вдоль реки. До реки Ус тридцать верст. Всего семьдесят верст, может чуть больше, — Рассказывать приходилось по памяти, надо обязательно нарисовать карту. — Я предлагаю идти этими тропами. Думаю, за месяц-полтора пройдем. Как только пройдем по тропе вдоль реки верст десять, никакой враг нам не будет страшен. Обойти слева или справа тропу невозможно, да и слышно будет за версту. А на тропе и десяток против пары сотен сможет держаться, как триста спартанцев, — я посмотрел на бывшего господина капитана, он понимающе кивнул.

— Нам надо успеть до зимы дойти, — я начал загибать пальцы, — обустроиться, сена скотине заготовить, да на зиму кедровыми орехами запастись. Орехи в тайге это всё. Зерна я смотрю много, должно хватить, не вволю, но должно. Только вот я боюсь, не намокло ли?

— Не переживайте Григорий Иванович, — ответил мне Петр Сергеевич, он за время моей речи существенно приободрился. — Если вы заметили, зерно на плотках было в кожаных мешках. Я заранее этот вопрос продумал, всё просчитал и мы подготовились к подобному. Но все равно зерно надо просушить. Я распорядился и народ шьет большие кожаные пологи, благо у нас кожи есть, будем расстилать их и сушить.

— Основательно вы смотрю к походу в свое Беловодье готовились.

— Что есть, то есть. Ну что люди, как решим? — Петр Сергеевич взял на себя инициативу.

— Тут чего решать, Григорий Иванович все растолковал, объяснил. По-другому не можно, — Фома Васильевич махнул рукой.

С моим планом согласились все. Да и как было не соглашаться, других вариантов не было.

— Решено. Вы, Григорий Иванович, будете нашим головой. Все согласны? — Петр Сергеевич по очереди посмотрел на каждого. Убедившись в общем согласии продолжил. — Вот тебе и карты в руки, Григорий Иванович, командуй.

«Как я там пошутил, те, те и возглавить. Просто жить не получится, глядишь и правда пойдем к победе коммунизма», вслух я сказал другое:

— Ну что же, спасибо за доверие и еще два слова. Южнее в верховьях Енисея живут урянхайцы, они подданные Китайской империи. Эти края принадлежат Российской империи, но от Саянского острога постоянного населения ни где еще нет. Это пограничные земли. Урянхайцы тоже как и казаки, в Усинскую долину только захаживают. Когда

освоимся, никто нас тревожить не будет. По местным понятиям нас очень много, только должны быть сплоченными и много трудиться. Власти российские года через три сделают вид, что мы хорошие, если сможем там освоиться и не будем лезть на рожон. Это все, что я хотел сказать. А теперь давайте побыстрее готовиться к походу, на тропу надо уйти побыстрее.

Петр Сергеевич начал готовить народ к переходу через тайгу и горы. Я с Ерофеем и тремя его солдатами, поехал провести разведку тропы. Последний раз я здесь был перед затоплением Большого порога почти тридцать лет назад.

По тропе мы проехали до речки Табель-Сук. Тропа действительно оказалась проходима и имела ответвление по Табель-Суку, по которому мы проехали еще пару верст. Убедившись, что она проходима, мы вернулись в лагерь.

На обратной дороге я спросил Ерофея как он оказался среди, по сути, бунтовщиков.

— Случайно, Григорий Иванович. У каждого батальона полка отдельная денежная касса. Наш батальонный командир проигрался в карты и решил поправить свои дела из батальонной кассы, — Ерофей горестно вздохнул, видно было болело еще у него. — Я и еще один офицер, узнали об этом и хотели доложить в полк. Но не успели. Мой товарищ якобы был убит этими несчастными, которых я должен был за это расстрелять после пыток. Меня же хотели обвинили в краже денег.

Ерофей несколько минут ехал молча, я подумал, что, если не расскажет, то настаивать не буду. Собственно, и так все было ясно. Но он продолжил свой рассказ:

— Когда мне приказали вывести пленных из острога и расстрелять, один из солдат, вон тот крайний слева, фельдфебель Шишкин, — бывший капитан показал на едущих впереди трех солдат, — рассказал мне это, он случайно слышал разговор батальонного с каким-то незнакомым офицером. Я заявил, что не хочу расстреливать рядом со стеной острога, посадил несчастных пленных на две телеги и вывез из острога. Никто ничего не заподозрил, я заявил, что расстреляю их на берегу Енисея, — Ерофей ухмыльнулся и покачал головой.

— Отъехав с полверсты, я спросил пленных, где они были в день гибели моего товарища. Они назвали другое место, не то, где погиб мой товарищ. После этого я решил освободить их и уйти с ними, трое солдат пошли со мной. Двоих я разоружил и отпустил. Нас никто не преследовали мы спокойно ушли.

— Не жалеете? — спросил я.

Ответ бывшего капитана меня просто потряс. Он широко улыбнулся и радостно ответил мне:

— Уже нет. Я полюбил дочь кузнеца, а после вашего появления тем более не жалею, — последние слова капитан произнес даже с какой-то задорной улыбкой.

— Поздравляю, — да, неожиданная концовка, нечего сказать.

Несколько минут мы ехали молча, видно было мой спутник о чем-то сосредоточенно думал. Неожиданно он опять заулыбался.

— Я вам, Григорий Иванович, расскажу то, что никому не хотел рассказывать. Но сейчас почему-то хочу рассказать вам.

Ерофей огляделся по сторонам и начал рассказ.

— Мой батюшка прожил больше семьдесят лет, начал служить при Петре Алексеевиче, первая его битва была Полтава. Служба его закончилась после ранения в 1742-ом году при штурме крепости Вильманstrand. Ему было больше пятидесяти, когда я родился. Матушку свою я не знал, она умерла в родах. Так вот, мой батюшка рассказывал мне о многих

удивительных карьерах при первых русских императорах, — капитан грустно улыбнулся, видно вспоминать отца ему было приятно.

— Когда я узнал правду о гибели моего товарища, гнев просто затмил мой разум. Я даже плохо помнил, что произошло и был в ужасе от случившегося. Я даже хотел застрелиться, но, — Ерофей осенил себя крестным знаменем — Господь уберег. Когда же мы догнали отряд, я увидел, как ликовали эти люди, увидев своих товарищей. Одна из девушек подбежала ко мне и расцеловала меня за спасение брата. Я в нее влюбился с первого взгляда. В голове моей просветлело и представьте себя, внезапно я подумал, что чудеса бывают, поживем-увидим. Сожалеть о случившемся я перестал тут же.

Ерофей приосанился в седе, даже ростом стал выше, мне подумалось, что богатырь былинный рядом едет. Правду говорят — любовь чудеса делает.

— Уже вечером позвал её замуж, она согласилась и её батюшка нас благословил, правда срок испытательный назначил, — про испытательный срок было сказано с большим огорчением.

Несколько минут мы ехали молча, я вспомнил как сам когда-то любил, в груди заняло от воспоминаний о своей погибшей фронтовой любви.

— Ну что же, Ерофей Кузьмич, действительно поживем-увидим. А теперь давай о насущном. Здесь у Большого порога что с севера, что с юга по одни тропы, особенно на нашем берегу Енисея. — моё знание ситуации имело большой изъян, это были книжные знания истории, в которой были большие пробелы. — Китайцев нам опасаться я думаю нечего. У них своих проблем хватает, а самое главное, тут реально с юга ни пройти, ни проехать. Как я ситуацию представляю, сотня казаков, солдат или драгун — это максимум что нам угрожает с севера, силенок реально у императорского величества тут раз-два и обчелся. Я прав?

Ерофей неопределенно тряхнул плечами, попридержал лошадь. Снял треуголку и вытер платком пот со лба.

— Гарнизонов тут много, но они куцые, сотня — это огромная сила. Да и нет смысла за нами гоняться. Самое главное, чтобы смута не вносилась. С глаз долой из сердца вон, — капитан аккуратно сложил платок, надел треуголку.

— Шум почему поднялся? Потому что стали на заводах народ мутить. Оно понятно почему, к отряду пристало несколько яицких казаков, они конечно своих товарищей захотели освободить. А тут еще выяснилось, что и приверженцев самозванца на эти заводы сослали, — Ерофей развел руками, как бы говоря, а что вы ожидали. — Да еще и шли с ленцой. В отряде начался разброд и шатание, староверцы свое гнуть стали, — слово «староверцы» меня удивило, но я тут же вспомнил, что именно так говорили в том времени, куда попал, а всякие старообрядцы появились в речи много позже. — Несколько освобожденных каторжных оказались самыми настоящими разбойниками. Вот и сумело местное начальство гонцов куда надо послать и силы собрать..

Ерофей остановил лошадь и двумя короткими криками какой-то птицы остановил своих далеко уехавших солдат.

— После дурацкого боя под Ташгыном до Большого порога шли целую вечность. Два дня потеряли, когда выясняли отношения. Правда хорошо, что в итоге смутьяны-староверцы ушли, никто не будет теперь из-за двух или трех перстов с ножами друг на друга бросаться, — про персты он сказал с большим раздражением. — Да и избавились от этих освобожденных разбойников. Вот и успели в Саянском остроге и нашу команду позвать, и

собрать сотню казаков. Благо преследователи шли по обеим берегам Енисея. Я догнал отряд просто чудом, в последнюю минуту, можно сказать. Они уже на последний плот садились.

Мы догнали солдат и остановились. Ерофей внимательно осмотрел тропу, я поймал его острый оценивающий взгляд.

— Я так думаю, если уйдем в тайгу дремучую или горы высокие и не будем рыпаться, успокоятся быстро. Забот и так полон рот. Пару дозоров в итоге вышлют, чтобы удостовериться и всё. Народу здесь бесследно пропадает не счесть, — мы медленно двинулись дальше. — А на тропе, действительно, десяток против сотни сможет держаться. А мы можем, если прижмет, сотню мужиков вооружить.

— Просто вооружить это мало, надо что бы еще и умели драться, — уточнил я.

— Таких десятка два-три, если поскрести. Было больше, одних казаков почти полусотня. Да в глупых стычках сколько-то потеряли, на моих глазах на пороге потеряли пятерых, благо убитых всего двое. Несколько казаков ушли с упертыми, — Ерофей задумчиво перечислил потери.

— В итоге вот и осталось не больше трех десятков, раненых и больных не считаю. Самое печальное нет офицеров, даже казачьих, те кто были — полегли, двое ушли с упертыми. Сабельному бою не обучен никто, это правда, — капитан показал на себя, — по себе сужу.

Ерофей опять остановил лошадь и повернулся ко мне подбоченившись.

— На пороге мы отбились просто по их глупости. Казаки навалили нашему дозору, ноги только один унес. Ну и полезли буром. А как говорить, не зная броду, не лезь в воду. Вот они и замешкались перед речкой и мою засаду не увидели, — Ерофей самодовольно хмыкнул. — Мы сумели дать два залпа и положили их не меньше десятка. Пока мы ружья перезаряжали они забрали своих и ноги унесли. Потом я аккуратно в разведку ходил и на тропе вдоль Енисея перед самым дождем еще двоих подстрелил.

— «Так вот кому я обязан новымгардеробом», — подумал я, но сказал другое.

— Я выстрелы слышал и из леса вышел чуть попозже, опасался очень с казаками повстречаться еще раз. У меня все тело в синяках и отметилах после бесед с ними. Подстреленных казаков я нашел и приделся, я ведь из острога в лохмотьях ушел. Рядом я нашел глубокую яму и похоронил в ней убитых казаков, — было это сущей правдой.

Ерофей неожиданно вернулся к прежнему разговору.

— Вот вы, Григорий Иванович, спросили жалею ли я о случившемся. Я ведь сын солдатский, вырос в слободе, в пятнадцать лоб забрили. Повезло, на войне с бусурманами быстро выслужился, — с гордостью говорил Ерофей, — в офицеры произвели. А вот про порядки заводские, да разные каторги — только слышал. А пока сюда из России шли понагляделся и наслушался. А уж когда увидел как терзали пленных, — Ерофей махнул рукой. — Батюшка рассказывал, как Петр Алексеевич пленных шведов за свой стол посадил. А тут...!

Капитан помолчал и поставил жирную точку:

— И казаков я бил без какой-либо быто жалости.

Несколько минут мы ехали молча.

— Я думаю, Ерофей, вот что теперь надо делать. Ты у нас получается единственный, кто в ратном деле понимает, — мое понимание здесь пока не совсем то. — Те, кто просто умеет из ружья палить и саблей махать не в счет. Самым первым и срочным делом сколоти полусотню. Два десятка, меняясь, должны идти в авангарде. Их главная задача разведка, я

буду в основном с ними. Два десятка в арьергарде. Ты, в основном, я думаю там будешь. Задача я думаю тебе понятна. Один десяток в резерве. Что скажешь?

— Ничего не скажу, просто согласен. Вот мы и доехали. Проверю-ка я наши дозоры, а то мало ли что.

Ерофей со своими бойцами поскакал наводить инспекцию, я же поспешил в лагерь. Увиденное меня просто обрадовало. Работа просто кипела и причем все было по делу и очень толково. Чувствовалась рука мастера, то есть хорошего организатора. Люди встречали меня с улыбками и абсолютно все кланялись в пояс. Мне это было конечно приятно и диковато, но вероятно к этому надо привыкать. 18-ый век на дворе, идеи всяких там равенств только-только стали проникать в массы.

Ничего критически не правильного я не увидел и решил пока не вмешиваться, а просто познакомится с ситуацией и людьми и заодно бегло осмотреть раненных и больных.

Человек двадцать под руководством кузнеца Василия Ивановича занимались подготовкой ходовой части: подковами лошадей, седлами и всем таким. Лукерья заправляла ревизией запасов продовольствия, в первую очередь зерна, сотни две женщин и старших детей проверяли его влажность. К моему сожалению влажного зерна оказалось достаточно много.

Фома Васильевич руководил подготовкой седельных сумок, упаковыванием в них багажа.

— Фома Васильевич, сколько у нас лошадей! — поинтересовался я.

— Почти четыре с половиной сотни. У нас своих было сотни полторы. Да благодаря семье Василия Ивановича еще разжились. У них лошадей тоже полторы сотни было. А покажи, лошадок где прикупили, где в степи прихватили. Перед тем злосчастным боем у нас обоз был ого-го, лошадей раза в два поболее.

— А что случилось? — другую версию событий не вредно знать, особенно в моей ситуации.

— У нас сразу было много староверцев, особенно среди бывших казаков, а эти, степные Кузнецовы, вообще сколько лет попов не видели, — Фома Васильевич начал рассказывать с удовольствием, видно ему очень хотелось проинформировать меня по данному вопросу. — Ну иногда и бывали споры, глотки драли оё-ё. Но когда появился отец Филарет, все успокоились. Он сказал негоже друг на друга кидаться, надо жить в мире, уйдем в Беловодье, а там Господь управит.

Фома Васильевич сделал паузу и дальше заговорил с совершенно неожиданной мною злобой:

— Потом к нам прибились веткинские староверцы, сосланные в Сибирь. А тут еще освободили на свою голову смутьянов и разбойников, с ними некоторые веткинские сразу дружбу завели. И давай воду мутить, народ против Петра Сергеевича настраивать, захотели сами верховодить, — Фома Васильевич горестно махнул рукой. — А потом они начали безобразничать и чужих баб на блуд подбивать, тут и схватились. Отец Филарет их к порядку хотел призвать, а они на него с топором.

Возмущенный воспоминаниями, Фома Васильевич несколько секунд даже не мог говорить и как хватал ртом воздух.

— Надо было от казаков отбиваться, а тут баб делить начали. Еле ноги унесли, обоз весь потеряли. Самые упрямые староверцы ушли. И осталось у нас лошадок четыре с половиной сотни. Хорошо телеги кузнецов, да Петра Сергеевича уцелели.

Фома Васильевич успокоился и продолжил рассказ:

— Если бы не кузнецы, всех лошадей потеряли бы. Они слово какое-то знают. Скотина за ними как привязанная через Енисей пошла. С нами еще алтаец Ванча был, он все с кузнецами вась-вась. Так вот Ванча походил по берегу и говорит, вот в этом месте надо плыть. И правда там почему-то течение слабже оказалось. — Фома Васильевич удивленно развел руками. — Там и переправились. Лошади сами плыли, десятка полтора самых слабых да жеребят на плотях с другой скотиной переправили. Потому и успели от казаков уйти. Ванча вот только пропал, — старик горестно покачал головой.

— А что за телеги? — поинтересовался я.

— Инструменты всякие, от станков там разное, что Петр Сергеевич с завода забрал, кожи много, — Фома Васильевич начал перечислять спасенное. — Четыре пушки. Да, слава Богу, зерно почти всё осталось. Правда подмочили его сильно. Но Лукерья вон говорит, не страшно, просушить можно.

— Понятно, — я решил сменить тему. — И когда выступать можно будет?

— Да вот как Лушка с бабами закончит зерно перетряхивать, можно и выступать. — Фома Васильевич неожиданно поклонился мне в ноги. — От общества тебе, Григорий Иванович, спасибо за тюки с мануфактурой, как на постой станем можно будет одежду какую-нибудь пошить. Добра то у каждого осталось то, что в котомке за спиной. Как зимовать ума не приложу.

— Надо дойти к концу июня. Тогда успеем к зиме подготовиться, — про лирику надо быстрее заканчивать и ближе к делу, время поджимает. — Каким порядком пойдём, есть план?

— Погодь, Григорий Иваныч, я могу что-нибудь и запомнить, мне годов много, в голове уже дырки есть. Степка, иди сюда, — Фома Васильевич позвал мальчишку лет двенадцати, который молча свечкой стоял метрах в трех. — Это мой внучок, шустрый, а башковитый, — Фома Васильевич последнее слово произнес в растяжку и нараспев, покачивая головой. — Одно плохо, дробненький очень, а ведь уже пятнадцатый годок.

— Фома Васильевич, ты из-за этого сильно не переживай. Придем на место, я его быстро на откорм поставлю, — пообещал я, — он быстро о-о какой станет.

— Это хорошо было бы. Давай внучок рассказывай.

Внучок действительно оказался башковитым. Первым делом он доложил, что всего нас шестьсот тридцать шесть человек, сто восемьдесят шесть мужского пола, двести одна женского и двести сорок девять от двух лет до шестнадцати обоего пола. Четыреста пятьдесят три взрослых лошади, жеребята, коровы, быки, овцы, свиньи, козы и всякая птица.

Народ весь разбит на пятнадцать компаний, в каждой компании есть старший. Багаж весь проверен еще раз и уложен. Осталось только зерно засыпать. Самая большая компания — кузнецы. Пять телег пока поедут, а когда нельзя будет ехать, они разберут телеги и погрузят в седельные сумки и понесут все на руках.

Петр Сергеевич будут идти своейкомпанией. Пока он слаб, его будут нести на специальных носилках. Имущество его пока будет ехать на телеге, а потом тоже на лошадях и на руках.

У отца Филарета тоже своя компания, пять лошадей и пять человек. В отряде есть раненые и больные. Некоторых надо будет нести. Для этого сделаны специальные носилки.

Слушая доклад внучка Степана, я в буквальном смысле чувствовал, как лишаюсь дара речи. Молодой человек абсолютно владел ситуацией и обладал просто феноменальной

памятью!

Когда внучок замолчал, Фома Васильевич с большим огорчением в голосе прокомментировал информацию о раненых и больных:

— Вот только кто лекарем будет? У нас лекарей нет, одна молодуха-повитуха, — про неё Фома Васильевич сказал с большим сомнением в голосе. — Её бабка была в этом деле мастерица, да померла не вовремя. А нам без лекаря ох как туго.

— Я буду лекарем, в этом деле я дока, — успокоил я старика.

— Кто, кто? — удивился он очередной раз.

— Дока, это значит хорошо разбираюсь в этом деле, — разъяснил я. — Я посмотрел народ, тяжелораненых трое, тяжелобольных нет. Еще несколько человек должны будут просто несколько дней не идти, а ехать. А теперь, давай я тебя, Степан, нарисую как сделать еще кое-что.

На земле я нарисовал как надо сделать разборный стол для моих медицинских целей и медицинские ящики.

— Степан, я буду говорить про наш расклад по лошадям, а ты меня поправь, если ошибусь. И так. Примерно двести пятьдесят лошадей будут нести багаж; сто лошадей для детей, женщин и тех, кто слаб. Так? — Степан кивнул в знак согласия. — Пятьдесят заберет Ерофей Пантелеев для своего войска. И около полусотни получается резерв. Я всё правильно изложил?

— Да, — с огласился со мной Степан.

— Вот и чудненько. И как тебя по батюшке?

Степан такого вопроса явно не ожидал, очень смутился и покраснел.

— Гордеевич, — отчество свое он буквально выдал из себя. Ничего, пусть привыкает.

Подошел вернувшийся в лагерь Ерофей.

— Всё спокойно, пока. Но мне как-то тревожно, — тревога в буквальном смысле была написана на его лице. — Я после нашей беседы подумал, всё взвесил. Мы чудом отбились без больших потерь, рассчитывать на повторение ошибки с их стороны не стоит. Надо срочно уходить.

— Уверен? — спрашивать об этом собственно и не надо было, ситуация, как говорится, и ежу понятно.

— Да, уверен. В правильном бою даже против полусотни у нас шансов нет, — капитан покачал головой. — А полусотню они собрать смогут.

— Невеселую картинку ты нарисовал однако, — я на самом деле настроен был более оптимистично.

Ерофей пожал плечами и развел руками. Я повернулся к дедушке Фоме:

— Фома Васильевич распорядитесь растопить бани, — я знал, что есть две походные бани, — думаю вечером и ночью перед походом она потребуются. Мы сейчас с Ерофеем побеседуем с Петром Сергеевичем и займемся каждый своим делом, — первое, что меня интересовало, вернее не что, а кто, будет моим помощником по медицинской части. — Мне срочно нужна эта самая молодуха-повитуха. Да и как её звать?

— Дунькою её кличут, — Фома Васильевич мнения видать о ней был никакого.

— Не порядок, повитуху Дунькою звать.

— Евдокия она, Евдокия Васильевна Воробьева, — неожиданно правильно ответил внучок.

— Вот правильный ответ! — я указал в небо указательным пальцем. — Молодец,

Степан Гордеевич, молодец!

В центре лагеря были поставлены четыре палатки. Назначение одной из них было понятно с первого взгляда, это был походный православный храм, что подтверждалось укрепленным спереди православным крестом.

Во второй палатке располагался Петр Сергеевич. Вокруг него хлопотала супруга Анна Петровна, которой помогали две молодых женщины. Назначение еще двух палаток мне было не ведомо. Видя мое недоумение, дедушка Фома поспешил дать разъяснения.

— Общество решило, что нам нужен храм; военный штаб, где Ерофей Кузьмич будет заседать. И две резиденции, твоя, Григорий Иванович и Петра Сергеевича.

— Фома Васильевич, да это перебор! — возмутился я.

— Молод ты еще, Григорий Иванович, общество так решило. Стоянки да привалы по любому будут. Палатки эти собрать и поставить обратно не сложно, раз-два и готово, — Фома Васильевич сдаваться не собирался и стал настаивать на своем. — Петру Сергеевичу разве полезно сейчас на ветру, да под солнышком лежать, а?

— Не полезно, Фома Васильевич, не полезно, — я улыбнулся, логика железная, не поспоришь.

— Соглашаешься, а зачем тогда споришь? — возмущению старика не было предела, казалось сейчас пар из ушей пойдет. — Тебе на большом привале тоже палатка нужна и не спорь. И идите вы на пару к Петру Сергеевичу, думайте, что дальше делать. Через леса и горы идти дело не шутейное.

— Фома Васильевич, а откуда слово такое мудреное знаешь — резиденция? — удивился я.

— Это годов пять назад на завод приезжал какой-то князь, вот его лакей и объяснил мне что за слово такое.

— А теперь давайте по серьезному поговорим, — свою резиденцию я решил использовать для другого. — Мне приятна ваша оценка и забота, но делаем немного по-другому. Внутри моей резиденции делали что-нибудь?

— Не успели еще, да и не знаем, что тебе надобно.

— Отлично. Я её в первую очередь буду как госпиталь использовать, — продолжил я свою мысль. — Пока ничего не надо делать.

— А мы тебе разборный топчан смастерили, стол и стул, — огорченно сказал Фома Васильевич.

— Ну что же, еще раз спасибо за заботу. Это в госпитале пригодиться, — я повернулся к капитану. — Ерофей, давай свои указания по штабной палатке, да пошли к господину Маханову.

Петр Сергеевич очень обрадовался вашему визиту. Он возлежал на очень удобных носилках, которые после установки на подставки становились кроватью.

— Ваши травы конечно подняли меня, но сейчас наступает полное обессиление, — вид у него и правда был не очень. — Честно говоря, не могу даже на ногах стоять. Наши умельцы вон мне какое ложе соорудили. В вашей и господина Пантелеева палатках такие-же. Они кстати разборные.

— А для раненых и больных? — этот вопрос меня интересовал больше.

— Василий Иванович, говорит такие же будут. Я удивился, когда они их сделали, — Петр Сергеевич заботой о себе был доволен и не пытался это скрыть. — Говорит, придумали давно, а делать начали потихоньку еще зимой.

— Это замечательно, но как говорить-ся доверяй, но проверяй. Посмотрю на эти чудеса инженерной мысли обязательно.

В распахнутый полог палатки я увидел, как жена Петра Сергеевича с четырьмя детьми начали разбирать телегу с вещами, им стали помогать двое мужиков.

— Вот главная забота сейчас у меня, — Петр Сергеевич показал на ящики. — Книжки, инструменты, записи разные, еще там всякое разное. Боюсь все в седельных сумках вести не получится. Опять на телеге везти придется, а как там на тропе, даже не представляю.

— Не переживай Петруша, самое нужное и ценное будет в сумках. На телеге останется только большое и тяжелое, а при необходимости на руках понесется, — входя в палатку сказала госпожа Маханова.

— Мне твои слова, Анечка, бальзам на душу. Господа, поужинать не изловите?

— Не извольте беспокоиться, я лично в буквальном смысле на пару слов, — Ерофей вопросительно посмотрел на меня.

— Спасибо, Петр Сергеевич, я лично совершенно не голоден, да и честно говоря, некогда. Если на рассвете уходить дорога каждая минута, — поддержал я Ерофея.

— Хотя бы присядьте. Неудобно как-то, я лежу, а вы стоите, — от этого предложения мы не отказались.

Я изложил свои предложения по созданию наших «вооружено-полицейских» сил и спросил Петра Сергеевича о наличии оружия и так далее.

— С этим у нас негусто, сотни полторы сабель, около сотни ружей, семь или восемь штыцеров, четыре заклепанных пушки. Немного пороха и запас пуль сотни три. Это не считая того, что у нашего войска на руках, — Петр Сергеевич быстро по памяти перечислил наше оружие. — Всё это хозяйства у новоиспеченного Кузнецова, туда же соберут всякую амуницию и прочее военное снаряжение. Это все, что у нас есть.

Ерофей достал из своей сумки, типа гусарской ташки, лист бумаги и что-то типа карандаша, какой-то графель обернутый плотным холстом.

— Наши дозоры ничего подозрительного пока не видят. На опушке леса, около порога, есть очень высокий кедр, мы на него поднялись и осмотрели окрестности. Казаки стоят лагерем, верст десять ниже по Енисею. Думаю, их не больше трех десятков. Напротив, на другом берегу еще десяток. Уже вечерет, поэтому самое раннее, когда их ждать, это завтра через пару часов после рассвета.

На бумаге у капитана были какие-то заметки, он поставил какую-то галочку и продолжил:

— По тропинке вдоль реки в темноте не пройти. Дозор я оставил один, там, где тропинка поднимается от реки и сливается с верхней тропой. Обзор в том месте хороший. Старшим остался фельдфебель Шишкин. С ним еще четыре человека, все надежные и опытные, — Ерофей замолчал и вдруг спросил совершенно неожиданную вещь. — Помните древнюю историю? Так вот, я в караул снарядил четырех гусей. Посмотрим, какие они сторожа.

Такого хода я откровенно не ожидал, поэтому только развел руками.

— Пятьдесят человек я себе подобрал. За пару часов со всеми переговорю. К утру всех экипирую и сразу начнем службу. Командиром десятка будет урядник. Моим заместителем будет фельдфебель Шишкин. Он вернется в лагерь и будет здесь с резервом. Самые подготовленные бойцы в двух десятках арьергарда, кроме людей фельдфебеля. В авангарде будет два опытных охотника-разведчика, я их хочу назвать егеря-разведчики. Когда наши

мастеровые приведут в порядок пушки, создать артиллерийскую команду. У меня всё.

— У меня один вопрос. А пушки реально на лошадей навьючить? — очень не хотелось бросать их.

— Думаю реально, это стволы однофунтовых пушек.

— Тогда у меня вопросов больше нет, — докладом Ерофея я был полностью удовлетворен.

— У меня тем более, я в этом полный профан, — честно признался Петр Сергеевич. — Полагаюсь на вас, Григорий Иванович.

— Тогда я вас покидаю, господа, — Ерофей встал, отсалютовал нам коротким кивком головы и вышел.

Несколько минут мы молчали, невооруженным взглядом было видно, что Петр Сергеевич очень устал.

— Петр Сергеевич, не буду вас сильно утомлять. У меня всего один вопрос: на ваш взгляд мы готовы к походу?

— Думаю да, — Петр Сергеевич ответил быстро и уверенно. — По большому счету с телег переложить в сумки, да зерно перетрясти. И скажите честно, вы верите в возможность такого сложного похода и что мы сможем пережить следующую зиму? — он поправил волосы и покачал головой. — Я с ужасом об этом думаю, особенно памятуя прошлую зиму.

— Я вообще поражен, как вы сюда дошли, но уверен, что все в наших руках, — у меня почему — то была твердая уверенность в успехе предложенного мероприятия..

— Вас, наверное, поразило такое количество лошадей? — Петр Сергеевич удовлетворился моим ответом и переключился на другое.

— Да.

— А лошадей у нас было намного больше. Те, что ушли, ушли не с пустыми руками. Лошади были нашим спасением. Вы таких лошадей раньше видели?

— Конечно видел, — мне приходилось много общаться с тувинцами, да и в школе ребята очень коняшками интересовались и предмет я этот очень хорошо знал. — Те, что самые низенькие, это горные ойротские лошади, вы где-то сумели их подхватить, но их немного. Вы шли через киргизские и ногайские степи и основная масса лошадей оттуда, они немного повыше горных лошадей, — я решил конский вопрос Петру Сергеевичу разложить по полочкам. — Те, что посуше и постройнее, это тоже степные лошади, но скаковые. И несколько десятков всяких разных, даже есть ахалтекинские и карабахские лошади. Я сильно сомневаюсь, что они здесь выживут, но посмотрим, — среди ахалтекинцев и карабахцев я заметил совершенно чудные экземпляры, обидно будет потерять. — А степные и горные лошади могут даже зимой жить на подножном корме, что для нас очень зер гут, как говорят немцы.

— Вы однако, Григорий Иванович, знаток лошадей, — я явно удивил Петра Сергеевича.

— Немного есть, — оценку моих познаний мне была приятна. — Будем надеяться что поголовье лошадей удастся сохранить и преумножить. И очень надеюсь, что удастся сохранить и всю остальную скотинку.

— Если вам не трудно, подайте мне верхний лист из стопки на столе. — я взял исписанный лист и протянул Петру Сергеевичу. Он быстро прочитал написанное и вернул его мне. — Я постарался подробно написать то, что вам необходимо знать. Вы его себе возьмете, при необходимости пять чистых листов могу выделить, больше извините просто нет, и черный свинец себе возьмите.

Слово графит появиться позднее, а сейчас люди еще не знают разницы между свинцом и графитом и называют пишущие стержни черным свинцом.

— Спасибо Петр Сергеевич, мне внук Фомы Васильевича самое важное уже изложил на бумагу с написанным под рукой иметь конечно лучше, — Петр Сергеевич явно устал и мне пора прекратить его мучать. — Не буду вас больше беспокоить Петр Сергеевич, вам надо отдыхать. Сон для вас сейчас лучшее лекарство.

Петр Сергеевич мгновенно заснул. Я несколько раз, в той жизни, читал документы 18-го века. Но в реальном 18-ом веке это оказалось далеко не простым делом. Непривычно толстая бумага непонятного цвета, с какими-то полосами, текст написан чернилами просто ужасного качества, почерк, некоторые слова даже близко непонятно о чем.

Приложив титанические усилия, я с грехом пополам разобрал написанное Петра Сергеевича и остался очень довольный этим фактом.

Молодуха-повитуха Евдокия оказалась черноволосой, худой как щепка особой, одетой как и многие в отряде в какие-то лохмотья, совершенно неопределенного возраста. Тусклый, загнанный взгляд, невозможно даже понять цвет глаз. Она сидела на какой-то чурке, горестно опустив голову. Её усталость и безысходность я ощутил просто физически и засомневался в своей идее сделать её своей помощницей по медицинской части.

Увидев меня, Евдокия встала и поклонилась в пояс.

— Здравствуйте, барин, — голос Евдокии был под стать её виду, тусклый и унылый, без каких-либо эмоций. — Мне сказали, что вы велели прийти к вам.

— Почему ты называешь меня барином? С чего ты это взяла?

— Потому-то что вы барин, а как вас еще называть? — эту тему я решил дальше не развивать, а всё-таки заняться делом.

— Мне сказали, что ты повитуха?

— Повитухой была моя бабушка, — уточнила Евдокия, — она не успела меня научить всему что нужно. Я чуток знаю и умею из того, что она знала.

— А почему бабушка не успела тебя всему научить? — вопрос это принципиальный, бабушка не успела или Евдокия не хотела.

— Мой муж и родители весной на реке провалились под лед и утопи, — в голосе Евдокии появились какие-то эмоции. — Я осталась одна с ребятишками и бабушка взяла меня к себе. До того она меня не учила. А прошлой зимой она умерла.

— Расскажи мне все подробнее.

— В пятнадцать лет меня выдали замуж, когда мужа не стало, мне было девятнадцать. Я родила троих, младшенькую уже после смерти мужа, — В глазах Евдокии появились слезы. — Еще у меня есть брат, ему четырнадцать.

— Все трое живы? — уточнил я.

— Да, мы с мужем слушались бабушку и делали все, как она говорила, — по мере разговора голос Евдокии стал меняться, в нем появились эмоции и оттенки.

«Очень интересно, надо будет подробно об этом её расспросить», — подумал я. Евдокия после небольшой паузы продолжила, как-бы отвечая на мой немой вопрос.

— Мы с бабушкой зимой сильно болели, я выздоровела, а она нет, — голос Евдокии задрожал. — А потом заболел мой брат, он надорвался, пока я болела. Три месяца прошло, а он всё чахнет.

— Ты будешь мне помогать в лекарском деле, — я решил прекратить пытаться несчастную женщину, выбора все равно у меня нет.

— Как скажите барин, — голос Евдокии опять стал тусклым и унылым.

— И называй меня Григорий Иванович, — вопрос принципиальный, я на миг представил картину: у постели больного медсестра называет доктора барином.

— Хорошо барин, — копя я решил по этому поводу не ломать, решив, что всему свое время. А начать я решил с другого.

Начал я того, что попросил Анну Петровну Маханова организовать моей будущей сотруднице элементарную баню и смену гардероба. И если с первым проблем не было, так как в отряде было целых две юрты-бани, то второе представляло достаточно большую

проблему. В отряде не было практически никаких запасов одежды, люди донашивали в буквальном смысле последнее. В найденных мною тюках, а их оказалось ровно двадцать, оказалось такое количество хлопчатобумажных и шелковых тканей, что мы без проблем сможемшить нужное нам количество одежды. Но это в будущем, а сейчас просто катастрофа. С огромным трудом Анне Петровне удалось выполнить мою просьбу и через два часа Евдокия присоединилась ко мне.

Передав Евдокию на попечение госпоже Махановой, я начал «предстартовый» медосмотр, первым делом осмотрев брата и детей моей будущей помощницы. Я еще раньше отметил, что основная масса детей, в особенности мальчишки-подростки не выглядят на свой календарный возраст и имеют дефицит веса. И осмотр брата Евдокии подтвердил мое предположение, четырнадцатилетний Илья просто хронически недоедал, также как и трое его маленьких племянников.

Осмотрев детей, я поспешил к Фоме Васильевичу. Подготовка к походу заканчивалась и Фома Васильевич начал расставлять отряды в походный порядок. Внук Степан все фиксировал и контролировал. Я попросил семью Евдокии включить в наш отряд. Нашим отрядом я стал называть себя, Петра Сергеевича, Ерофея и отца Филарета.

— Григорий Иванович, можешь не сомневаться к утру будет все готово, настроение Фомы Васильевича было отличное и он добро покрикивал на своих молодых помощников. — Кузнецовской команде осталось десяток лошадей. Плотники тоже всё заканчивают. Лукерья считай сортировку закончила, а сушить надо будет всю дорогу по возможности. — Фома Васильевич прищурился и посмотрел на солнце. Мне показалось, что он там имеет ответ на какой-то свой вопрос.

— Я вот что думаю, Григорий Иванович, завтра надо начинать трогаться прямо с рассветом, — Фома Васильевич опять посмотрел на солнце и ни мгновение превратился в дряхлого старикашку, но именно на мгновение. Он взял веточку и стал рисовать на земле.

— Пусть Ерофей первый десяток на тропу высылает. А я буду за ним ставить отряды. Степка, — дедушка Фома обернулся, подзывая внука, — будет следить что бы шли по порядку. И потихонечку на тропу будем втягиваться. Мы ведь в струнку будем идти, вытянемся версты на две, а то и три.

— Думаю не меньше, — согласился я.

— Ваш отряд в середине пойдет. Ерофей сказал, ты собираешься с разведчиками идти? — поставил крестик впереди в голове своего рисунка и посмотрел на меня.

— Поначалу да, — подтвердил я. — Дальше видно будет.

— Конечно это правильно, риска так меньше, — одобрил Фома Васильевич. — Скотину всю надо гнать после обоза. Поросята маленькие, их в сумках придется везти. Трудностей с быками не жду, у всех кольца в носу.

— Только ты, Фома Васильевич, вместе с Ерофеем должны диспозицию строго обеспечивать. Иначе будет полная неразбериха, тайга штука серьезная, а впереди и горы. — попытожил я, увидев приближающую Евдокию. — Я вижу вон Евдокия идет, мы с ней народ осмотрим, кто здоров, кто болен.

Подошедшая Евдокия поразила меня своим преображением. Абсолютно все в нашем отряде ужасно выглядели после потрясений последних дней: тяжелая переправа через вдоль Енисей, преследование казаков и многое другое. Люди были очень уставшие, измотанные непрерывными многомесячными потрясениями, всех страшила неизвестность ближайшего будущего. Элементарный поход в баню и возможность переодеться во что-нибудь чистое и

свежее, были просто недоступны. Не было для этого ни сил, ни возможности, оборудование походных бань закончили буквально перед переправой через Енисей.

Но главным были не внешние изменения моей помощницы. Она шла ко мне с улыбкой, уверенной походкой и я увидел, что у нее глубокие голубые глаза.

— Вот это другое дело, — все сомнения в правильности выбора улетучились. — Начинаем работать. Вопрос номер один. Баня я вижу работает.

— Работает, барин, — «барин» Евдокия произнесла после некоторой паузы.

— Отлично. Читать и писать умеешь? — вопрос я задал почти на все сто будучи уверенным в ответе, но неожиданно услышал другое.

— Умею, барин. Меня бабушка научила.

— Я смотрю твоя бабушка была передовым человеком, — иногда ошибаться очень приятно. — Иди к Петру Сергеевичу и возьми у него бумаги пять листов, перо и грифель.

— У меня всё есть, Анна Петровна позаботились, — Евдокия положила руку на сумку висящую на плече.

— И так, господа хорошие, план такой, — жестом я попросил Евдокию, Фому Васильевича и Степана подойти ближе. — Пока я с Евдокией осматриваю народ, ты, Фома Васильевич, организовываешь санитарную обработку раненых и больных, кто будет в госпитале. Госпиталем будут те, кого надо нести на носилках. На стоянках размещать в моей палатке. Все это в моем отряде, — я вопросительно посмотрел на своих помощников, понятно-ли.

— Объясняю, что такое санитарная обработка. Сейчас это помыть и переодеть людей просто в чистое исподнее. Лежать они будут в исподнем. Дополнительно нужны четыре помощника, по два обоего полу, называть их будем санитарами. Они в баню первыми и переодеть просто в чистое, если конечно есть. Если нет, почистить то, что есть. Понятно?

Евдокия кивнула головой:

— Понятно, барин.

Фома Васильевич повернулся к своему племяннику. Тот просто кивнул головой.

— Будут нужны бинты. Для этого нужно взять мягкую ткань, желательна хлопчатую, постирать её, а затем нарезать полосами, шириной в ладонь, длиной в сажень. Для обработки взять кастрюли, почистить, помыть. Затем прокипятить. И в этих кастрюлях сделать отвар чая и цветков ромашки. В этом отваре бинты прокипятить, высушить, свернуть трубочкой и уложить в чистую сумку. Её тоже обработать, как и бинты. Это понятно? — вроде всё понятно, никто не переспрашивает, только головой кивают.

— Дальше. Таким же образом обработать несколько больших бутылей, чашек и кружек. Приготовить еще отдельные отвары чая и ромашки и запас простой кипяченой воды. Всё это без меня не делать, когда всё подготовите, позовете, — я сказал о главном и решил пора этим ограничиться. — Много еще чего будет приготовить. На первый раз под моим руководством все будем делать.

Как говорится, кадры решают всё и у нас кадровый вопрос также был одним из главных. Санитаров потребовалось в итоге в два раза больше. Осмотр и выявление раненых и больных мы провели достаточно быстро. Никаких неприятных сюрпризов не оказалось, больных к моему удивлению не оказалось вообще, а раненых полтора десятка, трое из которых были достаточно тяжелые. И множество всяких ссадин и синяков.

А вот с санобработкой и подготовкой бинтов и всего необходимого пришлось повозиться. Но своего я добился. Всем раненым я обработал раны, наложил повязки. Трех

положил в свой госпиталь, остальным просто выделили лошадей для поездки верхом.

Одному раненому пришлось вскрывать абсцесс бедра. Евдокия ассистировала мне и вполне успешно справилась.

После полуночи, а Анна Петровна передала с Евдокией еще и часы, все медицинские манипуляции были закончены. Двое санитаров остались дежурить, остальных и Евдокию я отпустил отдыхать, распределив между ними дежурства и проинструктировав, в каком виде нужно приходить на службу.

Выйдя из госпиталя, я увидел Ерофея.

— Григорий Иванович, пойдем до Енисея прогуляемся.

Легко сказать, да трудно сделать, но при свете луны мы пробрались на берег Енисея. Прямо напротив нас казаки при свете факелов готовили плот.

— Место для высадки они легко определили, над нашим лагерем тоже зарево стоит.

Обернувшись, я убедился в этом.

— Я полусотню сколотил, людей по местам расставил. Резервный десяток на всякий случай у тропы стоит. По лагерю проехал, считай все готово. Кузнец с Лукерьей и дедушкой Фомой всех по номерам расставляют. Каждый знает свое место в караване. На рассвете можно уходить.

— Ты мне, Ерофей, вот что скажи, штуцера у нас естьштуцера?

— Семь штук, да вот только заряжать их умеет только фельдфебель Шишкин, да я немного.

— Фельдфебеля отзови сюда, пусть он штуцера подготовит. Думается по утру они нам пригодятся. Ты тут выстави дозор. Как казаки начнут переправу, надо будет обстрелять их.

— Дозор у меня тут стоит, можно сказать рукой подать. Ты даже их не увидел, — с гордостью сказал Ерофей.

— Замечательно. Пошли к Петру Сергеевичу, подведем итоги.

Перед рассветом наш лагерь потихоньку начал гудеть как растревоженный муравейник. Вчерашняя подготовка не прошла даром: первыми проехали десятки авангарда, а затем в лес начинали спешно входить и въезжать люди, согласно своим номерам в караване. Все разговоры с первыми шагами по тропе сразу стихали, дети брали старших за руку, а взрослые начинали держаться ближе к друг другу.

Я с фельдфебелем Шишкиным и одним из бойцов, прихватив все семь штуцеров, поспешил к дозору на берегу Енисея. И надо сказать пришли мы очень вовремя.

Утреннего тумана над рекой почти не было и мы хорошо видели, как казаки начали готовиться к переправе. Послав гонца к Ерофею, мы с фельдфебелем изготовились к стрельбе.

Казачки действовали быстро и слаженно. Не прошло и десяти минут, как они начали переправу. Подпустив плот метров на сто, мы с фельдфебелем открыли огонь. Штуцер есть штуцер, а Шишкин действительно оказался хорошим стрелком. Я сделал три выстрела, он четыре. Казаки в итоге потеряли пять или шесть человек, а самое главное плот, стал неуправляемым и течение стремительно понесло его к Большому порогу.

— Ну что фельдфебель, мы свое дело сделали. Дозор пока пусть тут остается, а мы возвращаемся в лагерь. И ты давай сразу же заряжай штуцера. Думаю, они нам сегодня еще пригодятся.

— Как скажете, ваша светлость.

— Это почему ты меня в светлости произвел? — я от удивления чуть рот не открыл.

— Как почему? Капитан Пантелеев благородие по чину, а вы светлость.

— Это почему?

— Вы князь, — фельдфебель сказал веско и категорично. — А раз князь, значит светлость.

Возражать фельдфебелю я не стал, здесь 18-ый век, а не 21-ый. Да и сословность в свое время появилось не просто так.

За двое суток сложился как бы симбиоз человек 21 и 18 веков. Я, Григорий Иванович Крылов образца времен Очакова и покорения Крыма как бы уже прожил две жизни, одну здесь в 18-ом веке, другую там в 20–21 веках. И теперь я живу здесь третью жизнь здесь, и в этой новой жизни безвестный беглый, в чью плоть перенеслась мою душу и разум человека из будущего, никуда не исчез. Исчезло только его я. А вот его знания, умения и мироощущения остались и мало того, со мной еще поделились этим же и душа убитого казачьего офицера: я без проблем измеряю расстояния в верстах и сажнях, понимаю значение абсолютно всех слов что слышу, не просто понимаю почему я «барин» и «светлость», но и согласен с этим. Проблемы у меня возникли лишь с чтением рукописного текста восемнадцатого века, но связано это было лишь с одним: и беглый товарищ и казачий офицер были просто неграмотными. А вот в той армии, которую я создам, будут привычные мне звания и должности и обращение «товарищ».

И приятный бонус, сегодня я окончательно осознал интереснейшую штуку: у меня появилось прямо какое-то магическое чувство ощущение опасности. Когда ко мне подошел фельдфебель с известием о готовящейся переправе казаков, я уже знал, что он мне скажет. И после короткого, но успешнейшего боя с казаками, я не ощущал больше никакой опасности, поэтому в лагерь мы возвращались не спеша.

К моему возвращению Ерофей успел лично проинспектировать основной дозор и к штабу мы подъехали одновременно.

— По вашим лицам я вижу, что на реке все отлично, — наш вид говорил сам за себя.

Шишкин довольно улыбнулся, а я ответил:

— Не то слово, батенька. Казаки потеряли самое малое пять человек, плот не удержали и их понесло на порог. У тебя как? — это было намного важнее.

— Командир у них видать хороший, казаки вдоль берега потихоньку пошли. Но остановились, когда увидели остатки плота.

— Неужели так быстро их донесло? — я был просто поражен этим фактом.

— Представать себе, донесло, — Ерофей показал, как именно это произошло. — Я слышал, как вы палили и глазам не поверил, когда увидел плот. На берег выбралось двое. Казачки спешили и совет держат.

— Гуси как? — мне было интересен результат исторического эксперимента Ерофея.

— Ни как, молчали. Я их забрал за ненадобностью.

— Как думаешь, полезут? — спросил я о самом главном для нас в данную минуту.

— Полезут, не могут не полезть, — категорично ответил Ерофей. — Казачье это я знаю, как облупленных.

У меня не было никаких плохих предчувствий, но береженного бог бережет.

— Давай выдвигай резерв на позицию и помоги Шишкину со штуцерами. Я к Маханову. А потом к твоим орлам, плюс три бойца не помешают, — бой с казаками был неизбежным и я должен принять в нем участие. — Служивые, что знают поворот у Табель — Сука, где?

— Впереди. Один из них за командира. Да ты не переживай, — решил успокоить меня

Ерофей, — место приметное и я там еще меточку оставил. Мои орлы видели, так что ну никак не пропустят.

Сергей Петрович с Фомой Васильевичем осуществляли общее руководство нашим выходом на тропу, Лукерья вся была в хлопотах о хлебном выюках, а Кузнецов перестраховываясь, проверял еще разподковы и седланекоторых лошадей.

— Сергей Петрович, прогноз какой? — Сергей Петрович недоуменно посмотрел на меня, но смысл незнакомого слово все-таки понял.

— Час-полтора и караван весь будет в лесу, голова идет уже по тропе. Ваш госпиталь в лесу, я проконтролировал их, не переживайте. Главная проблема будет скотину гнать, боюсь в лес плохо пойдет. Надеюсь часа за три управимся.

— За три часа казачки обязательно сунуться, — я протянул Петру Сергеевичу два листа бумаги с нарисованной мною картой маршрута и долиной. — Возьми. Война, даже такая маленькая, штука дурная, все может быть. Здесь все написано, мало ли что. Я с Ерофеем к дозору на тропе.

— А может тебе, Григорий Иванович, не надо? — Петру Сергеевичу моя затея явно не понравилась. — Ты ведь самый ценный у нас.

— А как я буду людям в глаза смотреть? — вопросом на вопрос ответил я. — Настоящие вожди рождаются в бою, об этом говорит вся мировая история. Казаки ползут, а опытнее меня бойца нет, поверь мне, — я успокаивающе улыбнулся. — Мы обязательно отобьемся.

Через час мы были на позициях дозора, оставив лошадей с двумя коноводами в пятидесяти метрах сзади в небольшой ложине, почти свободной от леса. Коневоды были молодые братья-близнецы Кузнецовы, что было сразу видно, оба были на одно лицо и очень похожи на Василия Ивановича.

— С лошадами совладаете? Надо что бы они помалкивали, — Ерофей решил еще раз уточнить их главную боевую задачу.

— Не беспокойтесь, ваше благородие, в лучшем виде все будет, — ответил один из братьев, наверное тот кто считался из них старшим. — Мы же с лошадушками почти братья, они нас любят и уважают. Просьбы наши всегда выполняют. Куда мы туда и они.

— Это точно, куда вы туда и они. На Енисее так и было, — Ерофей обернулся ко мне, — я думал ну ни за что лошади в Енисей не пойдут, а они постояли с ними на берегу, пообнимались и поплыли лошадики через реку.

Слушая Ерофея, я подумал: «Голову ломаю, как правильно обращаться? А работа с личным составом уже проведена. Раз командир, то, как минимум, благородие».

Дозор замаскировался на опушке леса и наша позиция была почти идеальной, развилка тропы была перед ним, слева был уже непроходимый берег Енисея, а справа совершенно непролазный бурелом, что было проверено Ерофеем лично.

Рисковать мы все равно не стали и резерв оставили у переправы через Казыр-Сук. Так что у казаков получалось численное превосходство, которое я надеялся свести на нет прицельным огнем из штуцеров.

Ерофей неожиданно достал из своей походной сумки две подозрительных трубы.

— Подарок Петра Сергеевича, — одну он протянул мне, другую засунул за пазуху и полез на высокий кедр за нашей позицией.

— Диспозиция такая, — Ерофей спустился с дерева очень быстро, — я попал на самую интересную часть казачьего совещания. Короче их сейчас тридцать два человека. Версты полторы до них, штуцеров у них нет. И думается мне, они знают, где мы. Я видел, как один из казаков вышел из леса. Сейчас они садятся на лошадей. До них верст восемь не более. А знаете, что самое интересное я увидел? — видя наше недоумение, он засмеялся. — Угадать просто невозможно. Они монетку кидали, видать жребием решали, выступать или нет.

— Нам надо выиграть три часа, час уже прошел, — я решил взять инициативу в свои руки. — Ерофей ты не против? — Ерофей молча кивнул. — Делаем так, подпускаем их на расстояние выстрела, бьем из штуцеров...

— Ваше светлость! — перебил меня Шишкин, показывая назад. В десятке метров от нас из-за дерева вышел один из наших коневодов и с ним одетый в меховую одежду какой-то человек. За его спиной я увидел лук и колчан со стрелами.

— Подкрепление прибыло. Это Ванча, — доложил коневод. — Он к нам прибил, когда вдоль Алтая шли. Потом потерялся, думали погиб. А он только что пришел в отряд и сразу нам на помощь поспешил, — коневод был очень рад появлению Ванчи.

— Здравствуй Ванча. Русский знаешь? — спросил я.

— Немного знаю, я пять зим с русскими жил, — легкий, непонятный акцент. — На сто саженой из лука белку бью в глаз без промаха, — я кивнул в знак согласия, посмотрим на деле возможно ли такое.

— Продолжу. Поляна как раз саженой сто-сто пятьдесят. Нас я думаю, они по любому обнаружат. И если они не дураки, то сразу из леса лавой пойдут. Это их единственный шанс. Мы втроем, фельдфебель, капитан и я успеем пальнуть из штуцеров, трех-четыре должны завалить. Ванча, ты бьешь из лука, — алтаец молча кивнул.

На противоположной стороне леса раздалось конское ржание.

— Вот они и подходят. Коневоды ведите коней, — отдав команду коневодам, я повернулся к остальным. — Кусты видите? Это пятьдесят саженой. Как лава поравняется с линией кустов, залп. И сразу на коней. Сабельного боя не избежать, — а теперь надо узнать все-таки мнение нашего командира, а то как-то не хорошо. — Ерофей Кузьмич, согласен?

— Полностью, — капитан бросил руку к труголке.

— С Богом!

Через полчаса на противоположной стороне опушки из леса выехали казаки и казачья лава пошла в атаку. Я выстрелил из штуцера, кажется попал, схватил приготовленное ружье и скомандовал:

— Пли!

Треск залпа наших ружей! Обернувшись я увидел коневода сзади в паре метров и тут же вскочил в село. Казачья лава метрах в сорока. Я выхватил саблю из ножен. Все у меня получалось на каком-то автомате, но быстро и правильно. Тот казачий офицер был добрым воякой.

Когда-то один из моих учеников после прочтения «Тихого Дона» обратился ко мне с совершенно неожиданной просьбой. Он, как и я был левшой и, прочитав про то, как Григорий Мелехов перебрасывает в бою шашку из правой руки в левую, предложил мне попробовать проделать этот фокус. Пробовали мы это с ним сидя на стульях. И у нас что-то даже получалось.

Сегодня ночью я вспомнил про ту забаву и несколько раз попробовал сделать это на скаку. И вот сейчас я в реальном бою хочу применить этот прием.

Я выбрал ближайшего ко мне казака. Почему-то я был уверен, что это офицер. Он тоже выбрал для атаки меня. Новое, недавно обретенное чувство подсказало мне, что он не уверен в себе, монетка просто убила его уверенность в себе!

Еще мгновение и будет сшибка, он хоть и не уверен в себе, но биться будет. И он был здоровее меня и намного. Казак сместился в седле, я как в замедленном кино увидел, как его рука с саблей пошла вверх. Но я оказывался быстрее, всего чуть-чуть, но быстрее. Я перебросил саблю в другую руку. Получилось! И не смещаясь в седле для замаха, сделал колющий удар в незащищенный бок казака.

Я проскочил лаву и когда начинал разворачиваться увидел, как мой противник медленно упал с лошади. И тут же на меня налетел один из казаков. Они начали отступают, но мне сейчас придется туго, я не готов к новой сшибке, но она не состоялась. В паре метров от меня стрела Ванчи остановила казака. Он вылетел из седла и упал под ноги моему коню с торчащей в шею стрелой.

Бой закончился. Казаки ретировались. Мы потеряли одного зарубленного и троих ранеными. Потери казаков много больше. Шишкин и Ерофей, оба живы и не раненые лихорадочно заряжали штуцера. Мой коневод был ранен, кто-то из казаков успел выстрелить и пуля навывлет пробила ему правую руку.

— Ваше светлость! Казаков вон в лесу видать, — я сразу не увидел казаков и Шишкин показал на них. — Может предложим им забрать своих побитых, да раненых. И пусть чешут восвояси.

— Парламентером кто пойдет? — спросил я.

— Я и пойду, — сразу же вызвался Шишкин.

Казаки сразу же согласились без всяких уговоров. Их потери были несравнимы с нашими: четверых мы уложили из штуцеров, а потом сказался навык залпового огня, полученный в прошлом бою и еще плюс шесть казаков. Уже равенство в численности бойцов. И тут во всей красе показал себя Ванча.

До начала сшибки он успел сделать четыре метких выстрела, а затем еще три. Именно его меткая стрельба позволила нам успеть сесть в седла и принять конный бой как полагается. Я действительно заколол офицера, после чего казаки начали разворачиваться и отходить. В сабельном бою казаки так же понесли потери.

Забрав с поля боя своих, казаки скрылись в лесу, но через минуту в нашу сторону направился уже их парламентер. Он остановился метрах в десяти от нас.

— Кто ваш командир? Поговорить надо.

Ему ответил, укрываясь за деревом, Ерофей:

— Говори, я тебя слушаю.

— Это ты, капитан? Не прячься, я тебя узнал.

— Говори, не тяни.

— Если мы уйдем, со штуцеров палить вслед будете?

— Если уйдете и оставите нас в покое, то нет.

— Тогда мы уйдем.

— Но ты должен сказать, сколько вас побили.

— Четырнадцать. Убитых половина.

— Видит Бог, мы этого не хотели.

— Мы тоже. Все знают у нас, почему ты изменил. Но наш офицер очень хотел вашей крови, особенно твоей капитан, — парламентар ухмыльнулся. — Теперь правда он ничего не хочет. Вы хотите забиться здесь в какой-нибудь медвежий угол, может у вас и получится. Мы все будем ходить в пограничные караулы, если столкнемся где, давайте сначала говорить.

— Как скажешь, — Ерофей махнул рукой, — езжайте с миром. Вслед мы вам стрелять не будем.

Началось напряженное ожидание вестей из лагеря. Я перевязал раненых, раны все оказались на удивление легкими, скорее всего казаки к моменту сшибки уже были совершенно деморализованы и внутренне готовы бежать. Ничем другим я не мог объяснить такие низкие потери у нас. Да и характер ранений очень интересный, коневода нашего подстрелил убегающий казак, у двоих были сабельные раны были какие-то странные, как будто плашмя били.

— Я такого фокуса, Григорий Иванович, никогда не видел, — комплемент подошедшего Ерофея был очень приятен. — Как ты его славно уложил. Казаки сразу сникли и начали разворачиваться, сабельного боя в общем-то и не было, — мне стало понятно почему такие странные раны у нас, казаки просто отмахивались от нас. — Мы бы скорее всего все равно сдюжили, но потери бы были ого-го.

— Всё очень просто, надо всего лишь быть двуруким, — объяснил я.

— Понятно, я к сожалению правша.

— А ты тренируйся, развивай правую руку, — посоветовал я. — Погибший, он кто?

— Шишкин его нашел и привел ко мне. Знаю только, что казак яицкий, в отряде был одинокий, молчун.

Пока суд да дело, я пообщался с Ванчей. Он оказался из какого-то горного алтайского племени, которое сильно потрепали джунгары. Раненного Ванчу спасли русские горные инженеры и он пять лет прожил на одном из алтайских заводов, научился говорить по-русски и был очень доволен своей жизнью. Там его стали называть Ванчей, имя ему понравилось. Но когда на завод приехал служить новый казачий офицер, который ненавидел алтайцев, его спокойная жизнь кончилась.

Ванча случайно оказался на месте боя, когда отряд отбивал каторжан пугачевцев и яицких казаков. Офицер-ненавистник хотел зарубить его, но бойцы отряда спасли его и Ванча ушел с ними. Во время переправы через Енисей отстал от отряда, но сумел в одиночку переправиться и разыскать своих товарищей.

Выслушав рассказ Ванчи, я спросил его:

— А наделать нам луков сможешь?

— Наделаю, — алтаец погладил свой лук.

— Договорились, — а сейчас надо ценным кадром правильно распорядиться. — Ерофей, Ванчу возьмишь к себе?

— Если пойдет, конечно возьму разведчиком в авангард. Ему там самое место.

Гонца от Петра Сергеевича мы ждали целых два часа. Когда мы догнали караван, он уже весь был на тропе. Авангард достиг поворота тропы у устья реки Табель-Сук, притока Казыр-Сука, и остановился. Петр Сергеевич решил дожидаться меня, да и в караване появился некоторый беспорядок.

Увидев нас, он просиял лицом:

— Вот теперь я совершенно здоров. Хорошие новости лечат лучше любого лекарства.

— Твоя правда, Петр Сергеевич. Давайте поступим так. Ерофей вам тут все расскажет, а я к авангарду, — нельзя терять время на непродуктивные остановки. Дорога впереди длинная и тяжелая.

— Григорий Иванович, а компас не нужен? У меня случайно обнаружился! — с лукавой улыбкой спросил Петр Сергеевич, когда я собрался уходить.

— Не помешает, батенька, компас явно не будет лишним, — компас тут же переключал в мои руки.

— У меня есть еще один прибор, но я не успел его освоить. Секстант называется. Вы слышали о таком? — Петр Сергеевич наверное решил поиграть в доброго волшебника.

— Слышал, и даже знаю, как им пользоваться. Очень удивлен его наличием у вас, — в бытность мою учителем в 20-ом веке, любознательные ученики проявили большой интерес к измерению географических координат и мне пришлось заниматься этим делом. — А хронометр у вас случайно ни где не завалился? — если есть секстант, то почему не быть и хронометру.

— Целых два, они показывает время Астрономической обсерватории Петербургской академии наук, — шутливо ответил волшебник. — Я вам как-нибудь на досуге расскажу, как я обзавелся этими приборами. Некогда просто сейчас этим заниматься.

Вернувшись с десятком бойцов Ерофея к началу тропы, я измерил координаты тропы, направление нашего движения и нанес все это на мою импровизированную карту. Точная карта местности край как нужна будет уже через несколько месяцев. Торговлю с русскими поселениями Минусинской котловины нужно будет наладить как можно скорее.

За первый день мы прошли просто рекордное расстояние, целых десять километров. Весь наш караван прошел поворот тропы у устья реки Табель-Сук. Но я знал, что дальше будут очень трудные участки, местами тропы будут практически непроходимыми.

Вернувшись в наступающих сумерках из авангарда в наш отряд, я первым делом осмотрел наших раненых, а затем поспешил в палатку к Ерофею. Он только что вернулся из нашего арьергарда и ожидал меня.

— Давай Григорий Иванович, мы с тобой сначала потрапезничаем, — капитан начал выкладывать на походный стол мясо и хлеб. — Не знаю как ты, а я голоден, аки пес.

Я тоже был очень голоден и с удовольствием принял предложение Ерофея.

— Я все пытался вспомнить, кто этот казак, что с нами переговоры вел. А потом вспомнил, урядник это с Саянского острога. Он часто ходит старшим в пограничных нарядах, поэтому мы с ним еще встретимся, — капитан усмехнулся. — Я кстати не поверил ему и секрет в начале тропы оставил.

— И каков результат? — неприятностей я не ждал и спросил скорее для проформы.

— Казачки аккуратненько приглядели за нами, три человека. Я думаю они видели, как

ты измерения свои делал. За нами они верстыполторы шли, — Ерофей замолчал, а потом каким-то странным голосом закончил. — Может быть я не прав, но не стал я их убивать.

— Конечно не совсем хорошо, что они видели куда мы пошли, но они все равно сообразили бы, — махнул я рукой. — Ты мне вот что скажи, как твоё войско называть будем? Казаками, я думаю вы не захотите называться.

— А давай мы будем гвардией называться? — предложил капитан.

— Давай. Ты Ерофей, будешь капитаном гвардии, — я решил взять быка за рога и сразу начать создание армии нового типа, — десятками пусть командуют сержанты. А заместитель Шишкин будет лейтенантом гвардии.

— Непривычно это как-то, — Ерофей покачал головой, — но пусть будет так. В авангарде в каждой десятке должно быть по два егеря-разведчика.

— Хорошо. А Ванча пусто будет сверх штата, как придем, пусть он луками займется. И еще, в гвардии обращение к друг другу будет товарищ.

— Это как так? — Ерофей в буквальном смысле вытаращил на меня глаза.

— Ну, ты не благородие, а товарищ капитан, — начал я разъяснять свое предложение. — Шишкин товарищ лейтенант, и соответственно товарищ сержант и товарищ гвардеец.

— Ну не знаю, не знаю, я конечно попробую, но не знаю получиться ли, — в голосе Ерофея я услышал большие сомнения.

— Постарайся, Ерофей Кузьмич, постарайся. Надо что бы получилось.

— А вот себя, Григорий Иванович, даже не пытайся переименовывать, — капитан ответил мне с ехидцей, как бы в отместку, — народ тебя очень уважал. И называют тебя только князем и светлостью.

Ерофея не открыл мне ни какой военной тайны, Евдокия уже мне рассказала, что к концу первого дня нашего перехода в Усиновскую долину, все поголовно стали называть меня князем и светлостью в глаза. Я просто растерялся и не понимал, как относиться к этому. Единственное, что я сделал, попросил Ерофей с Петром Сергеевичем тет-а-тет называть меня Григорием Ивановичем.

Трудности начались утром следующего дня. Несколько часов, практически до полудня, мы не могли начать движение. Наше стадо категорически отказывалось идти, а затем неожиданно для нас просто пыталось разбежаться. Итог дня, не прошли и версты. Затем третий день — две версты, на этот раз наша скотина несколько часов двигалась вперед черепашими шагами. А потом три дня дождей и двухдневное ожидание пока просохнет земля. В итоге истока Табель-Сука мы достигли на исходе двенадцатых суток нашего перехода.

К нашему выходу к истоку Табель-Сука, госпиталь опустел, абсолютно все были на ногах. Евдокия ежедневно обходила с санитарями караван, осматривая абсолютно всех, её появление пред моими очами я каждый раз ожидал с трепетом в душе, вдруг мои предчувствия меня обманули и сейчас я услышу о новых больных или раненых. Но пока Бог нас миловал.

Интересную особенность я заметил в себе. После «попадания» я мозгами как-то помолодел, даже думать и разговаривать стал по другому. Много лет назад, в тюрьме и лагере, а затем и просто в обычной жизни, я привык разговаривать сам с собой. Многие годы у меня не было возможности поделиться с кем-нибудь своим сокровенным хотя бы одним словом. И беседы с собой стали просто второй натурой. И лишь во времена Горбачева я

рассказал всю правду о себе своей жене, да потом во время исповеди батюшке. Но моя вторая натура от этого не изменилась.

Я ни как не мог придумать, как наименовать мои новые способности предчувствовать опасности в частности. И в один прекрасный момент мне пришла в голову отличная идея! «Товарищ Нострадамус», вот как я решил называть свои появившиеся способности предчувствия опасности или какой-нибудь ситуации.

Отец Филарет с первого дня стал главным стержнем нашего предприятия. Весь день отец Филарет был среди народа, поддерживая моральный дух людей. Каждый вечер и утро он служил в нашем походном храме. Каждый утро я заходил к отцу Филарету и он вручал мне четверть с темно-зеленой жидкостью, которую по каким-то своим рецептам еженощно готовил. Отвар имел легкий запах ладана и великолепно спасал всех от комаров и иже с ними. Евдокия разводила отвар в двух ведрах воды и во время обхода окропляла всех. И вуаля, летающую и ползающую публику просят не беспокоиться.

С первых километров нашего маршрута нашей главной проблемой были поваленные деревья, да кое-где поврежденная ими тропа. Местами тропы почти не было, дорогу приходилось просто прорубать через тайгу и идти в некоторых местах вдоль самой кромки воды. Риск был просто огромный ведь берега речки и её русло были усыпаны камнями. К моему сожалению без потерь не обошлось, нам пришлось зарезать трех лошадей, переломавших себе ноги. Если бы не это, мы бы по пять километров в сутки делали бы смело. Благо лошадей было достаточно и где возможно мы использовали лошадей для растаскивания завалов и распиленных стволов. В результате наших трудов тропа получалась немного шире и верховые везде могли свободно проезжать.

И вот на исходе двенадцатого дня нашего перехода мы дошли до истока реки Табель-Сук и решили сделать привал.

Достигнув истока Табель-Сука, нам пришлось сделать привал и абсолютно все с утра до вечера занимались подготовкой к предстоящему сложному переходу. Впереди от истока Табель-Сука до Мирской тропы верст двадцать, форсирование Большого Тепселя и переход через Мирский хребет. Конечно две с не большим тысячи высота так себе, но горы есть горы, даже такие.

Кузнецы и все мастеровые готовили всяческий инструмент для расчистки и расширения тропы. Лукерья со своей командой сделали еще одну ревизию мешков с зерном. Все остальные занимались ремонтом одежды и обуви, несколько десятков людей у нас уже были совершенно босые.

Главной причиной нашей остановки было то, что в месте нашего расставания с Табель-Суком был редкостный бурелом. Я много видел буреломов, но такой первый раз. Тропу под ним совершенно невозможно было проследить, также как и найти исток реки. Почти целый день мы потратили на то, чтобы хоть как-то безопасно перебраться через завал. Его ширина составляла не меньше полукилометра. А когда мы пробрались через завал, то обнаружили, что тропы нет, было лишь несколько пешеходных троп, уходящих в разных направлениях.

Пока караван с черепашьей скоростью полз к истоку Табель-Сука, я с Ванчей и двумя егерями-разведчиками лихорадочно искал нужную нам тропу. Трое суток мы весь световой день безрезультатно искали её в достаточно густом и болотистом лесу. Я уже стал подумывать, что нам придется просто тупо прорубать практически новую тропу строго на юг до реки Большой Тепсель. Задача не из простых, но восемь километров вполне можно и осилить.

Каравану до намеченного расставания с рекой оставалось пройти последние полторы версты, когда рано утром мы с Ванчей выехали на очередную разведку. Подъехав к повороту тропы, мы с Ванчей остановились. Оставив лошадей перед завалом и соблюдая максимальную осторожность, мы перебрались через него, не хватало еще что-нибудь сломать на этом проклятом буреломе.

— Ванча, нужная тропа есть, она где-то вот тут. Не могу тебе объяснить, но я знаю, она есть. Вот только я не знаю какая из них, — что-то мешало мне понять, какое именно разветвление искомая тропа. Чувство опасности работало как часы. А вот с этим тоже новым чувством предчувствия, которое я стал для себя называть «товарищем Нострадамусом», взаимопонимания пока не было. Оно просто давало мне сигналы с точностью плюс, минус километр. Хотя и на том спасибо.

— Ваша светлость! Ты присядь вон на то дерево, — Ванча показал мне на огромную упавшую пихту, — а я попробую поискать. Лес, он же живой! С ним надо уметь разговаривать. Меня отец учил этому, да подлые джунгары поселили в душе злобу, потом казаки добавили. И лес не хочет со мной говорить. Но сейчас злобы у меня в душе нет. Я попробую поговорить с ним.

Ванча положил лук и колчан и отошел от меня метров на десять, видеть я его не видел, только иногда слышал, как он протяжно что-то поет на своем языке.

Ожидая Ванчу, я достал лист бумаги со своими заметками и нарисованной схемой местности, и еще раз прочитал намеченный мною план перехода, пытаюсь найти в нем

ошибку. Почему я был так уверен в наличие тропы? В своей жизни в 20-ом веке я очень много общался со старожилками этих мест. В конце 50-х годов еще были живы те, кто слышал рассказы первых русских поселенцев Усинской долины. И все они как один рассказывали мне о Мирской торговой тропе вдоль Мирской реки. У истоков реки тропа заканчивалась, разветвлялась и западная ветка шла вдоль Подъемного ручья, через Мирский хребет, а затем вдоль ручья с ка ким-то дурацким названием до Большого Тепсея. Потом тропа отклонялась на запад и выходила к истоку Табель-Сука, шла вдоль него до Казер-Сук и выходила к Енисею выше Большого порога.

Восточная ветвь Мирской тропы тоже выходила к Казер-Суку, но выше Табель-Сука и вновь раздваивалась опять же на западную, которая шла вдоль Казер-Сука к Енисею и восточную ветки. Восточная ветвь шла вдоль Казер-Сука к его истокам, обходила Араданский хребет и в итоге выходила к Енисею севернее Шушенского. Именно по этой тропе от реки Ой до Енисея и был проложен в последствии Усинский тракт, с появлением которого Мирская тропа и утратила свое значение и стала в итоге охотничьей. И по этой охотничьей тропе я три раза ходил до Усинского тракта, который стал федеральной автодорогой «Енисей».

По преданию в 1218 году, хан Джучи, сын Чингисхана, при подавлении восстания кыргызов против Монгольской империи, шёл до Минусинской котловины не только по льду Уса и Енисея, но и по этим торговым тропам. В моей реальности 20-го века эти тропы уже или не существовали или стали охотничьими.

Я сразу же обнаружил выход этой древней тропы у Большого порога и мы по ней прошли до истока Табель-Сука, а дальше путь нам преградил бурелом. Товарищ Нострадамус не подавал мне сигналов об ошибке или опасности, но не даром говорят, доверяй, но проверяй.

На этом месте я вернулся из своего внутреннего мира в грешный внешний. Ванча в метрах в десяти от меня вышел на одну из тропок и жестами стал подзывать меня. Когда я встал с дерева, он приложил палец к губам и опять же жестом пригласил меня к себе.

— Вот она тропа, только здесь надо её прочистить, — еле слышно прошептал он, когда я подошел к нему. — Лес ответил мне. По ней недавно, еще по снегу, последний раз прошел караван оттуда, — Ванча показал на юг. — Давай поднимемся вон на тот кедр и посмотрим.

Через несколько минут мы забрались на выбранное Ванчей дерево. Кедр и с земли казался мощнее и выше других деревьев, а на деле он оказался просто могучим великаном. Взобравшись по его веткам вверх насколько это возможно, мы увидели и наш ползуший по тайге караван и наконец-то нашу тропу.

— Да, это тропа. Я вижу её! — Ванча говорил громко и радостно. Тропа под завалом просто разворачивалась строго на восток и мы её искали немного не там. Примерно через версту тропа опять выходила к какому-то безвестному ручью и вдоль него шла на юго-восток к Большому Тепсею.

Вернувшись с трассы еще засветло, я поехал к Ерофею. Тропа, после прохождения нашего каравана, превращалась в достаточно проезжую лесную дорогу и верховые спокойно проезжали вдве нитки. Петр Сергеевич с первого дня установил строжайшее правило, левая сторона каравана по ходу его движения должна быть свободной для проезда верховых в обратную сторону.

Ерофей последние двое суток был безвылазно в десятках арьергарда. Увидев меня, он сразу же предложил немного проехаться назад по тропе.

— Впечатляет? — проехав полверсты, мы остановились у небольшого поворота, за которым было видно еще не меньше версты пройденной нами тропы. — Тут после нас даже колонна по трое пройдет. Шишкин сегодня с утра осторожненько почти до самого Енисея проскакал. Верст тридцать в один конец и уже вернулись.

— Боишься казаки могут сунуться? — спросил я.

— Бояться не боюсь, но опасаясь. Я вот что думаю. Караулы постоянно держать на тропе, это понятно. Что как, будем на месте смотреть и решать, — Ерофей хитро прищурился. — Но вот лучшее оружие для боя на этой дороге это лук.

— А еще есть арбалеты, — продолжил я его мысль.

— Знаю.

— Вот этим и займешься, как придем.

— Как придем ... Да я Григорий Иванович, только об этом и думаю, — и после паузы неожиданно добавил, — с суженной, почти ведь не видимся.

На этом мы с Ерофеем расстались, он остался со своими бойцами арьергарда.

Целых три недели мы черепашьими шагами продвигались к Мирскому хребту. Пять дней от восхода до заката пятьдесят человек под моим чутким руководством рубили, пилили, растаскивали огромный лесной завал. Трижды нас останавливали дожди, из-за чего мы потеряли целую неделю.

Два дня мы потратили на сооружение более-менее приличной переправы через речку Большой Тепсель. Берега и дно речки в этом месте были хоть и каменистыми, но болот все равно хватало и я, не мудрствуя лукаво, решил просто дополнительно засыпать берега и дно мелкими камнями, которых по берегам речки было в избытке. В итоге получилось сорок метров дороги, отсыпанной камнем. Устье Рямистого ручья, вдоль которого от Тапселя нам предстояло идти дальше, было в нескольких десятках метров от устья безвестного ручья.

От Большого Тепселя дело пошло веселее. Тропа хорошо была видна, она была прилично наезжена, сразу было видно, ей кто-то пользуется. Количество упавших деревьев правда от этого не уменьшилось. Почти все упавшие деревья вдоль всей тропы были повалены скорее всего одной и той же бурей. Ванча еще в начале нашего похода определил, что буря была несколько дней назад. Я резонно предположил, что она была во время моего попадания.

Когда мы начали отсыпать дорогу, я с Ванчей еще раз поднялся на самое высокое дерево, теперь уже возле переправы через Тепсель и несколько минут смотрел в подзорную трубу, тщательно изучая местность. Надо сказать, за последующие двести лет тут мало что изменилось. Почти как двадцатый век. Только в будущем тропы все и эти лесные дороги почти исчезли за ненадобностью.

И так передо мной километрах в восьми был невысокий, две тысячи метров, поросший редким лесом Мирский хребет. Он тянется строго с юго-запада на северо-восток. Местами леса не было, особенно на вершинах и в некоторых распадках. Прямо перед нами были две двухтысячные вершины хребта и широкий достаточно крутой распадок между ними. А вот левее была еще одна, более низкая вершина. Именно она мне и нужна. Её высота меньше двух тысяч. Справа от неё очень широкий и достаточно пологий распадок. Снег кое-где еще лежит. Мы вообще идем по лесам, которые только-только освободились от зимнего плена. Это на мой взгляд существенно облегчает нам путь, так как земля уже подсохла, а вот растения только начинают просыпаться.

Верхняя линия леса значительно ниже, затем узкая полоса субальпийских лугов, а выше

островки альпийских лугов, горной полутундры и кое-где на щебнистых почвах возле самого гребня хребта плешины горной тундры. То, что зеленка и стланик, в основном березовый, только оживают, значительно облегчают нашу задачу.

Вот где-то там, петляя по оживающей зеленке и обходя труднопроходимые места стланика и курумника, куда же от него денешься, должна идти наша тропа. В распадке, который я рассматривал в подзорную трубу, она должна перевалить через гребень хребта и пойти вниз, к Усинской долине. От края леса, который скрывал нашу тропу, до гребня недалеко, не больше двух километров. Тропа есть, я это знаю, но я не могу её найти, может просто она далеко.

— Дай мне, Григорий Иванович, я посмотрю, — Ванча неожиданно назвал меня по имени-отчеству. — Тропа там, — Ванча несколько минут молча смотрел в трубу. — Я её найду.

Вернувшись с разведки, я еще раз Ванче и двум егерям-разведчикам подробнее по своей нарисованной карте объяснил как им надо идти до тропы вдоль Мирской реки.

— Смотрите внимательно на карту. Мы находимся здесь, — я показал на точку на карте. — Ручей у вас за спиной. Вы должны идти по тропе вдоль ручья, — я показал ручей на моей карте, — до его истока. Ручей идет более-менее на юго-восток. Исток ручья у самого края леса. Если есть тропа через хребет, она скорее всего идет в том же направлении что и до этого шел вот этот ручей, — я еще раз на карте показал нужный ручей.

Через три-четыре версты упретесь в другой ручей. Он называется Подъемным. Переходите на другой берег и идете вниз по ручью, пока не выйдете на тропу. Как только вы выйдете на нее, разворачиваетесь и назад. Понятно?

— Понятно, — дружно ответили все трое.

— Если выйдя из леса вы не найдете тропу, то просто идете в том же направлении через гребень хребта пока не упретесь в Подъемный ручей. — троица внимательно следили за моим палочкой, которой я водил по карте. — Также переходите на другой берег и идете вниз по ручью, пока не выйдете на тропу. Там действуете также, разворот и назад. Этот ручей несет свои воды вниз, сначала в реку Мирскую, а затем и в Ус. Старший Ванча. Вопросы?

Ванча хорошо ориентировался на местности и я был уверен, они не заплутают.

С начала нашего похода прошло ровно пять недель, все устали, я физически ощущал появившееся напряжение, и оно начало стремительно нарастать. Люди стали очень раздражительными, пару раз даже произошли драки.

Ванчи с егерями не было два дня. Их возвращение просто потушило готовый вспыхнуть огонь. Наши разведчики прошли по указанному мной маршруту до Мирской тропы и по ней спустились до реки Мирской.

Я предложил на переправе через Большой Тепсель сделать однодневный привал. Но неожиданно меня не поддержали, вернувшиеся разведчики рассказали, что за переправой тропа вполне проходима для нашего каравана, не говоря уже о Мирской тропе. Лесных завалов разведчики не обнаружили, просто ни одного.

И в итоге получился почти марш-бросок к скалам Мирского хребта и вот там мы семнадцатого июня встали на привал. Я кликнул добровольцев и не отваливаясь на привал, следующим утром направился к Мирской тропе. Со мной поехали Ванча, двое егерей, два десятка мужиков и десяток гвардейцев авангарда. Мои опасения перехода через хребет оказались беспочвенными, и мы, нагруженные всякой всячиной, топорами, пилами и оружием в том числе, не без проблем прошли до гребня хребта, а затем и до Мирской тропы,

достигнув которой я послал одного из егерей обратно к Петру Сергеевичу.

Через Мирский хребет караван шел целых двадцать дней. В месте выхода на Мирскую тропу, на берегу Подъемного ручья, Ерофей поставил сторожевую заставу. Что бы застава была постоянной, гвардейцы сразу начали валить лес, чтобы на берегу ручья поставить острог.

Переход хребта оказался самой трудной частью нашего перехода. В иные дни через хребет удавалось провести не больше двух десятков людей. Чуть ли не через день шли кратковременные дожди, часто налетал сильный порывистый ветер, особенно на гребне хребта. Несколько раз, откуда ни возьмись, налетал снег. А вот скотина наша прошла чуть ли не бегом, без каких-либо проблем.

Выходя на Мирскую тропу люди останавливались еще на один привал, последний перед тридцатикилометровым маршем к реке Ус. Гвардейцы Ерофея за несколько дней расчистили большую площадку для будущего острога и продходящие партии свободно останавливались на привал на этой площадке. Все понимали, что цель нашего похода близка и у людей сразу повышалось настроение. Но все это я узнал позже из рассказов других.

На Мирскую тропу мы вышли поздним вечером 25 июня 1776 года и встали на привал перед последним броском в долину. Настроение всех было радостное и приподнятое. Мужики и гвардейцы нашего отряда расспрашивали меня об Усинской долине. В итоге я всю ночь не спал. И не только из-за расспросов о долине. На душе у меня была просто буря. Еще несколько часов и я вновь увижу ставшие мне родными места. Но там дикая, первозданная природа, нет никого и ничего. Возможно, что там сейчас нет ни одной человеческой души. И уже завтра мне надо будет начать там строить новый мир.

На рассвете мы тронулись в дальнейший путь. Километров через двадцать пять-тридцать мы должны достигнуть долины, а еще через километров пять и реки Ус.

Около полудня мы достигли долины. Мрачная темнохвойная тайга, в которой преобладали кедры, голые стволы которых как колонны античных храмов уходили на большую высоту и там перекрывали кроной небо, постепенно сменилась светлохвойной тайгой. Несколько раз тропа переходила с берега на берег. Броды были не глубокими и мы без труда их преодолевали. В узких долинах ручьев, впадающих в Мирскую рек, появлялись пихты и ели. По старым пожарищам, по площадям ветрового повала к ним примешивались березы и осины.

И вот в полдень воскресения, 26 июня 1776 года, я со своими людьми выехал из леса на берег реки Ус.

Выходя на равнину Мирская река распадалась на несколько рукавов, которые поочередно впадали в Ус. Справа и слева от покрытой густым хвойным лесом треугольной поймы реки Мирской были большие участки поймы Уса, покрытые лиственными лесами.

Стоя на берегу Уса, мы смотрели на множество островов, плоских и низких, покрытых ельниками и осинником, березой и черемухой, ольхой и лиственницей, которые омывались рукавами реки, на которые Ус разбивался в котловине.

Долина Уса на противоположном левом берегу была шире, там были большие участки злаково-разнотравных степей, на окраинах которые в предгорьях Куртушибинского хребта были лиственнично-берёзовые лесостепи и огромные сосновые массивы. Где-то там, в этих предгорьях проходила и казачья пограничная тропа. И везде в лесах много кедров, местами кедровые были сплошными массивами.

Ну что же сю-си-пуси в сторону. Пора заниматься делом.

Я обернулся к своим спутникам. Выстроившись за моей спиной в одну шеренгу, они стояли и молча разглядывали долину.

— Мы достигли своей цели. Здесь, в этой долине, нам предстоит жить. Через четыре месяца придет зима и нельзя терять ни одной минуты, — интересно, а что говорили своим людям персонажи мировой истории, когда открывали новые земли?

— Кто-то из вас захочет поселиться на этом берегу, но это будет потом. Сейчас же нам надо держаться вместе. Сегодня нам предстоит найти броды на ту сторону. Искать надо вон там, — я показал на место ниже устья Мирской. В будущем именно там будут построены мосты через рукава Уса, соединившие его два берега.

Через пару часов мы нашли в небольшой излучине Уса, между устьями рек Мирская и Пасечная, удобный брод, немного ниже которого в последствии можно будет построить и мост.

Среди вывезенного с завода имущества у Петра Сергеевича было два мотка толстой медной проволоки, которая изготавливалась на заводе. Петр Сергеевич её сохранил, несмотря на все перипетии. Зная о предстоящих нам проблемах с переправами в Усинской долине, я один моток проволоки прихватил с собой. И поэтому мы для облегчения переправы и естественно безопасности натянули поперек реки медную проволоку.

Переправившись на остров между рукавами Уса, мы быстро нашли другой нужный нам брод, и оказались на самом большом острове, с которого было на правый берег Уса два удобнейших брода.

Проволоки нам хватило на все три брода. Вечером мы уставшие, но довольные прошедшим днем, разбили лагерь на левом берегу Уса и в наступающих сумерках сели лакомиться жареным хариусом. Наш Ванча оказался еще и первоклассным рыбаком.

Следующим утром с первыми лучами солнца двое егерей и трое гвардейцев отправились на правый берег Уса встречать наших людей у начала Мирской тропы. Я же составившись людьми начал валить лес на левом берегу возле брода и на островах среди рукавов Уса. Острова я решил назвать Рукавными, Большим и Малым. Стоящая задача была просто колоссальной для нас, успеть за четыре месяца построить необходимый нам жилой фонд. А ведь еще надо успеть заготовить кедровые орехи, грибы и ягоды. Одно сено для наших

животных чего стоит. Временно наш народ будет размещаться в шалашах, которые мы стали сооружать на правом берегу Уса.

28 июня с первым отрядом в долину спустился дедушка Фома. Он после здравств сразу же взял бука за рога.

— Григорий Иванович, расскажи мне старому, как ты думаешь зимовать тут? Зима тут мне думается месяца через четыре точно нагрянет.

— Может и раньше, — уточнил я.

— Вот и я про то. Твой план избы настроить, да боюсь не успеем. Изб много надо, надо же не просто куда-то распахать народ. А ведь еще много чего надо, — дедушка Фома начал перечислять. — Кузнеца, всякие амбары, скотину где-то ставить надо. Не успеем мы Григорий Иванович, не успеем.

— И что ты, Фома Васильевич, хочешь предложить? — Хитрового старика я видел насквозь. — Не тяни, я же тебя насквозь вижу.

— Прошлую зиму мы, Григорий Иванович, зимовали в юртах, — Фома Васильевич начал немного издалека. — У нас их было почти две сотни, да вот осталось пшик. Все кошмыбыли в обозе.

— Ну не пшик, Сергей Петрович, говорил кошмы шгук на пятьдесят осталось, не меньше. И четыре каркаса, в смысле основы, — разговор об этом был перед моим броском в долину.

— Я вот что думаю, — продолжил старик. — Деревянную основу юрты мы быстренько сами смастерим. Ума тут большого не надо. Степка мой чертеж нарисует и все объяснит. Я на заводе помощником механика был. — Фома Васильевич наклонил голову и посмотрел на меня с прищуром, внимательно ли я его слушаю. — Так вот со мной последнее время Кондрат Тимофеев работал. Он молодой, но башковитый. Кондрат завтра попробует делать деревяшки для юрт. Ты, Григорий Иванович, говоришь тут рядом, эти как их, живут?

— Урянхайцы, — подсказал я.

— Во. А с ними торговлюшку если наладить и купить у них сколько-нибудь юрт?

— Идея конечно неплохая, да вот как это сделать? — идея конечно интересная, но

— Ты мне нарисуй как до них добраться, а я попробую с ними столкнуться.

— Фома Васильевич, ты же ни языка не знаешь, ни товара у нас нет, — предложение старика чистая авантюра на мой взгляд и товарищ-подсказыватель молчит.

— За пару дней Кондрат дело наладит и начнем юрты ставить, мы пяток штук кошмы прихватили. Затем я на разведку съезжу к твоим урянхайцам, а там глядишь к зиме ближе и сторгуемся чем-нибудь, — Фома Васильевич поставил точку в нашей дискуссии.

В юртах я был не большой специалист. Конечно, я знал, что это такое и неоднократно бывал в традиционных и современных тувинских юртах. Но не более того. И к словам дедушки Фомы я отнесся с огромным скептицизмом, но он оказался прав. Вечером дедушка Фома с Кондратом и своим Степкой все подробно обсуждали целых два часа. Специалистами по изготовлению каркаса юрт были Кузнецовы, но они были в последнем отряде и Фома Васильевич разработал собственную конструкцию каркаса.

Утром следующего дня Фома Васильевич собрал десяток мужиков. Кондрат Тимофеев, стройный двадцатилетний юноша, чем-то похожий на Василия Ланового, с внуком Степаном быстро и доходчиво все подробно объяснили и вскоре бригада Кондрата Тимофеева весело и с огоньком приступила к выполнению поставленной задачи.

В ста метрах от берега разметили ровное место для установки юрт. На земле начертили

круг диаметром три сажени, то есть чуть больше шести метров, по которому установили двенадцать двухметровых толщиной в руку кольев. Нарезанным тальником, растущим в огромном количестве по берегам Уса, скрепили жерди обычным плетнем. Эта была самая сложная и кропотливая работа при сооружении каркаса юрты, плетень должен быть гладким и ровным. Затем в центре круга установили трехметровый столб на котором закрепили двенадцать купольных жердей от каждой кола стены юрты.

После этого натянули на этот каркас войлочные кошмы и стянули их кожаными ремнями. Сооруженная юрта была конечно кривовата и неказиста, но в нашем положении это было для нас спасением. За целый день бригада Кондрата Тимофеева поставила целых три юрты, каждая могла служить временным жильем для десятка наших людей.

Через три дня дедушка Фома с тремя мужиками отправился на разведку в Урянхайский край. Я лишь ориентировочно знал, где дальше проходила торговая тропа, но наши разведчики поехали с огромной уверенностью в успехе своей миссии. Для будущего обмена они взяли пять топоров, мы могли позволить себе пожертвовать таким количеством.

Вечером 15 июля я ожидал последний отряд наших людей, спускающихся в долину. В нашем основном лагере за меня остался лейтенант Шишкин, спустившийся в долину с предыдущим отрядом во главе десятка гвардейцев. В последнем отряде не было женщин и детей, а только мужчины. Возглавляли этот отряд Сергей Петрович и капитан Пантелеев. Отряд состоял из двух десятков гвардии, десяти взрослых мужчин Кузнецовых, двух десятков мужиков-пастухов, отца Филарета со своими помощниками и семьи Махановых. Анна Петровна наотрез отказалась покинуть своего мужа и максимум на что она согласилась, было ждать мужа в строящемся остроге.

Ерофей Кузьмич время даром не терял, благо рук рабочих оказалось достаточно. За то время пока наш караван спускался в долину, он со своими людьми заложили на тропе сторожевой острог, где на постоянной основе остался десяток гвардейцев для контроля за тропой. Острог был тридцать на сорок метров. Ерофей успел возвести тын вокруг острога, обозначить достаточно большую надвратную башню и поставить навес для лошадей. Для своих гвардейцев он планировал поставить отдельную избу. Но пока суд да дело, решено было идти по пути наименьшего сопротивления и поставить две испытанные юрты. После ухода в долину нашего скотоводческого отряда одну юрту сняли.

В месте слияния Мирской с её последним правым притоком, примерно в версте от берега Уса мы поставили две юрты, одну «настоящую» и одну по технологии дедушки Фомы. На этом месте захотели поселиться две наших семьи. Но их новоселье я решил осуществить через несколько дней, а пока в юртах должны будут разместиться после спуска в долину семья Махановых и несколько мужиков, уже просто от усталости не стоящих на ногах.

В первых сумерках отряд весь вышел к юртам и разбил для отдыха временный лагерь. Закончив все работы со скотиной, мужики и гвардейцы стали располагаться на ночлег возле разведенных костров. Невооруженным глазом было видно, как все устали, но то там, то там слышался смех и радостные громкие голоса.

Возле юрты, где Анна Петровна укладывала своих детей, отец Филарет, Петр Сергеевич и я, удобно расположившись вокруг ласкового костра, ожидали капитана Пантелеева, который выставил два караульных поста и должен был вот-вот присоединиться к нам.

Ерофей не заставил себя долго ждать.

— Ну что господа, Григорий Иванович выполнил своё обещание, — капитан сделал легкий поклон в мою сторону, — и мы пришли, правда еще не понятно куда. Я, господа, хочу

вам честно сказать, подвергал большому сомнению успешность нашего предприятия. По долгу службы мне доводилось по всяким дебрям скитаться и я хорошо представлял трудности нашего похода. Но мы не просто дошли до нужного места. — Ерофей сделал паузу и пафосно закончил. — Мы не потеряли ни одного человека! Даже больных не было! Это самое настоящее чудо!

Такой восторженной тирады я от капитана Пантелеева не ожидал. Но последующие слова Петра Сергеевича меня поразили, как говорится, в самое сердце.

— Силу и веру нам предавало то, что мы шли в Беловодье, это как бы земля обетованная. И по нашим молитвам Господь явил нам чудо, мы дошли и дошли все, — Петр Сергеевич посмотрел на отца Филарета, как бы ища у него подтверждения своих слов. Но отец Филарет лишь молча улыбнулся.

Несколько минут царила тишина, лагерь практически весь спал. Глядя на потрескивающие в нашем костре горящие поленья, я подумал о логическом продолжении слов Петра Сергеевича. Мы пришли в Беловодье, благословенную страну, где нет произвола властей, а люди живут мирно и счастливо, как в раю и где вера одна — христианская, православная. Внезапно я почувствовал взгляд иеромонаха, он смотрел на меня не улыбочиво и сурово. Я почувствовал, что он прочитал мою мысль как открытую книгу.

— Расскажи-ка нам Григорий Иванович, какие тут у нас расклады получаются, — прервал затянувшееся молчание Ерофей.

Я достал свою нарисованную карту-схему и лист с написанным накануне предполагаемым планом действий.

— Вот Енисей. Вот Большой порог и наш путь. Это Мирский хребет. Здесь острог. Как его назовем? — обратился к Ерофею, резонно полагая, что это его пререготива.

— Мирский пойдет?

— Возражения господа есть? Тогда пойдет, — тут же на карте появилось новое название. Мы сейчас находимся тут на левом берегу. Это река Ус, это её долина. Она в длину верст семьдесят. Начинается она в этом месте, — я показал на карте точку, — тут река Иджим, спустившись с гор, делает поворот и идет вдоль Уса. А заканчивается вот здесь, где река Терешкина впадает в Ус.

Карту я нарисовал по памяти используя естественно все произведенные в пути измерения. Компас, секстант и хронометр позволили мне четко зафиксировать наш путь. Мне конечно пришлось немало потрудиться пока я освоил эту премудрость. Одно дело теория, другое практика.

— В долине Ус распадается на несколько рукавов, — все, что говорил, я показывал на карте. — Тут много островов, два самых больших я назвал Большой и Малый Рукавные. На правый берег мы уже наметили дорогу через острова. Для удобства поперек рукавов на бродах натянули проволоку, — Петр Сергеевич довольно улыбнулся.

— Село предлагаю начать строить на левом берегу Уса, — продолжил я. — Напротив брода заложить Соборную площадь, на ней храм и от него вдоль берега две улицы. Название предлагаю Усинск, — мое предложение было принято и на карте появилось еще одно название. — Кузницу и всякое такое расположить ниже по течению, там, где в Ус впадает река Терешкина и заканчивается долина.

— И это станет нашим заводом, — Петр Сергеевич вопросительно посмотрел на меня.

Я кивнул и закончил географический вопрос.

— По долине идет русская пограничная тропа. На ней надо будет поставить два острога,

верхний где начинается долина и нижний, где она заканчивается.

Я сделал паузу, посмотрел еще раз на карту, не забыл ли что сказать. Вроде не забыл.

— А теперь господа о наших проблемах. Я тут кое-что начал писать, ожидая вас. Сейчас доложу, — с взял в руки написанный ночью лист. — И так, господа, через три месяца может прийти настоящая зима. Она здесь часто бывает очень суровой и бесснежной. Надеяться на русский авось смерти подобно. У нас две огромных проблемы: где нам банально зимой жить и что мы будем есть. Решение первой проблемы предложил Фома Васильевич, — затем я подробно рассказал про предложение дедушки Фомы и его воплощение в жизнь.

— То-то я смотрю, что за диковинная юрта стоит, — Петр Сергеевич показал на юрту конструкции Фомы Иванова. — Я её внимательно осмотрел и уверяю вас господа, использовать эту конструкцию вполне можно. Сколько таких основ соорудили?

— Думаю, когда придем в Усинск будет штук семьдесят. Больше пока не имеет смысла. Если с поездки Фомы Васильевича будет толк, еще поставим.

— Согласен, — Петр Сергеевич достал свои записи. — Войлоков у нас на пятьдесят семь юрт. Правильных основ юрт или как вы, Григорий Иванович, их назвали, каркасов, нам удалось сохранить четыре штуки. Один остался в остроге, второй пока поставили тут и еще два везем несобранных. Один из них давайте отдадим под храм, один войлок под госпиталь. И в наличие у нас пятьдесят четыре юрт для проживания. В крайнем случае будем размещаться в том, что есть.

Предложение Петра Сергеевича возражений не вызвало. Во время его речи к нам присоединилась его супруга.

— Если возражений нет, то я продолжу, — я поставил галочку перед первым пунктом моего пункта. — Мы начали валить лес и готовить бревна, для строительства домов этот материал конечно не годится. Но из него можно будет построить простые клетки три на три сажени. Потом использовать для каких-нибудь хозяйственных целей. Опять же дрова нужны. Основательные дома надо по-хорошемуначать строить не раньше, чем через год, по-хорошему вообще через два. Лес для этих целей начать готовить осенью и зимой.

Я сделал отметку на карте и надписал её.

— Ниже по течению мы решили создать завод. В первую очередь это кузнеца, — Петр Сергеевич кивнул соглашаясь. — А потом и все остальное. Плохо, что с нами сегодня нет Василия Ивановича, с ним бы все сейчас и обсудили.

— Утром они должны быть, — сказал капитан. — Им там делов оставалось на чуть-чуть, — глава кузнецовской фамилии с двумя сыновьями задержались в остроге, они заканчивали «оживление» одной из наших пушек.

— К утру, так к утру, без них дальше не тронемся. Анна Петровна, я слышал вы очень любите шить и достигли в этом больших успехов? — обратился я к госпоже Махановой.

— Любить, да люблю. А вот насчет успехов, не мне себя оценивать.

Неожиданно в разговор вступил отец Филарет.

— Мастерца вы, Анна Петровна, редкостная. Я хотел вас попросить кое-что сшить для храма.

— Вот видите Анна Петровна, отец Филарет подтверждает мою информацию. Поэтому я прошу вас, сударыня, возглавить важнейшее для нас дело— на этом моя напыщенная тирада была прервана самым наглым образом.

— Я думаю Анечка, их светлость желают поручить вам швейное дело, — Петр Сергеевич вопросительно посмотрел на меня, лукаво подмигнув при этом.

— Именно так. Люди у нас жутко пообносились. На некоторых просто без слез не глянешь. А у нас много хлопковых тканей, особенно бязи и бумазеи или бамбазеи. Не совсем понятно как она у китайцев оказалась, — я удивленно развел руками. — Её вроде в основном в Европе делают. Но это собственно не важно. Так вот надо до зимы народ приодеть. Причем господа, считаю нужным сделать революцию в женском гардеробе, — я замолчал, собираясь с духом, делать революции, даже положительные, дело не простое. — Зимы здесь суровые. Поэтому бабы и дети тоже должны ходить в исподнем. Для каждого человека надо сшить пару холодных подштанников из бязи. В холода еще дополнительно из бумазеи теплые. По возможности нашить новых рубах мужских и женских, порток. Отремонтировать зипуны, кафтаны и все остальное что есть. А ближе к осени посмотрим, как у нас обстоит дело с зимней одеждой.

Мое революционное предложение не вызвало ни каких возражений. Я несколько раз закидывал удочки и получается не зря.

— Каким-то образом надо будет и с обувью что-то делать, — добавил к сказанному Ерофей. — Когда шли мимо острога, я заметил что половина народа почти босиком. Здесь в Сибири в лаптях никто не ходит, только кожа да мех. Пошить ума большого не надо. Вот только наверное не с чего.

Из темноты неожиданно к нам вышел помощник отца Филарета. Увидев его иеромонах встал.

— По нашим молитвам Господь управит, Ерофей Кузьмич. Я вынужден вас покинуть.

Несколько минут после ухода отца Филарета мы молчали, почему-то совершенно не хотелось больше говорить.

— Давайте отдыхать, господа, — прервал молчание Ерофей. — Время уже позднее. Я пойду проверю караулы, что бы служба медом не казалась. Да расположусь со своими гвардейцами.

— Я собственно все что хотел, вам доложил. Поэтому предложение отдыхать поддерживаю.

На рассвете меня разбудил помощник отца Филарета.

— Ваша светлость, отец Филарет просит вас срочно к нему прийти.

На каждой стоянке мужики ставили палатку, в которой наш иеромонах разворачивал походный храм. В отряде отец Филарет появился со всем необходимым для совершения служб и таинств, престолом ему служила принесенная из монастыря специальная столешница, примерно метр на метр. С собой у него было три иконы: Спасителя, Богородицы и святителя Николая.

Все иконы были очень темные и если лики Спасителя и Богородицы все равно просматривались, то в отношении иконы Николая-чудотворца приходилось просто верить священнику на слово. Икона была просто черной и ничего на ней не просматривалось.

Зайдя в наш походный храм, я в буквальном смысле потерял дар речи. Икона святителя Николая просто сияла, как свежее написанная!

— Это произошло за ночь, ваша светлость, — отец Филарет одним из первых, вслед за еще фельдфебелем Шишкиным, стал называть меня светлостью и очень часто так ко мне обращался, легитимируя таким образом моё княжеское достоинство.

Надо сказать, что это уже я воспринимал как должное и никакого внутреннего протеста по этому поводу уже не было. Да, я князь и светлость.

Через полчаса весть об обновлении иконы собрала возле храма весь отряд. Отец Филарет отслужил благодарственный молебен. После молебна ко мне подошел капитан Пантелеев с одним из гвардейцев, стоящих ночью в карауле.

— Придется нам, ваша светлость, менять наши планы. Дементий Сычѳв, — Ерофей кивнул на стоявшего рядом гвардейца, — сегодня ночью подозрительный шум слышал в лесу. Как рассвело, мы осторожненько глянули там. Думается, медведь это был.

— Рисковать не будем, займись Ерофей разбором юрт. Рановато тут кого-нибудь оставлять.

Вскоро к нам присоединился Василий Иванович Кузнецов.

— Рад вас видеть, Василий Иванович. Вот теперь можно сказать, что наш переход успешно закончен. Готовы идти дальше или отдохнете?

— Нет, ваша светлость, отдохнуть будем, когда к своим придем. По бабам да деткам соскучились, аж скулы сводит.

В нашем лагере прибывших в последнем отряде ждал огромный сюрприз. Назывался он одним словом: баня!

В окрестных лесах было большое количество упавшего сухостоя. Мое распоряжение наготовить из них бревна для бани вызвало большое непонимание и ропот:

— Ваша светлость, кто же из такого дерева бани ставит?

— Объясняю. Это вариант временный. Через год-два, когда мы заготовим правильный лес, будем строить так как надо. То, что мы построим сейчас позволит нам пережить зиму. Потом все это можно будет использовать для хозяйственных целей или просто сжечь как дрова.

Всѳ это я повторил несколько раз и немного другими словами, более понятными и доходчивыми. В итоге возражений по данному поводу больше не было.

На берегу Уса была построена просто шикарная общественная баня с моечным

отделением на двадцать человек и парной. Наши умельцы сделали десять ведерных шаек и пять двух ведерных. На берегу реки мы набрали ровных и гладких валунов, они в костре раскалялись до красна и кузнечными клещами погружались в шайки с водой. Воду таким образом удавалось нагревать почти до кипения. В парной из раскаленных валунов выложили горку и она успешно давала нужный нам пар.

Смотрителем бани стал Мефодий, который когда-то крайне неласково меня встретил. Он был и первым посетителем. Процесс испытания длился почти час и его восторженные вопли были слышны на весь лагерь, а пар валил казалось из всех щелей нашей бани. Его оценка, в переводе на привычную мне пятибальную систему, была десять баллов.

Одна из юрт, сооруженных Кондратом была почти безукоризненного качества и перед отъездом на встречу последнего отряда я поручил Евдокии поставить юрту-госпиталь и оборудовать её, нарисовав план. Место для госпиталя я временно отвел на будущей Соборной площади.

Моя помощница блестяще справилась с поставленной задачей. Юрта была разделена на четыре зоны: небольшой тамбур на входе, из которого направо была палата на четыре кровати-топчана; прямо была оборудована манипуляционная-смотровая, где Евдокия установила стол, шкаф и топчан, стол предполагалось и как операционный; налево служебное помещение. В нем Евдокия установила два топчана для персонала, что-то типа двухстворчатого шкафа и небольшой столик, эту часть госпиталя я стал называть ординаторской. Получилось как говорится, в тесноте да не в обиде.

Санитаров Евдокия задействовала, как говорится, по полной программе. За первый день моего отсутствия был оборудован госпиталь, а утром следующего дня Евдокия просто в бешеном темпе принялась кипятить воду, готовить бинты и отвары зеленого чая, ивовой коры, цветков ромашки, обрабатывать наши медицинские кастрюли, чашки и все прочее.

В полдень наше медицинское везение к сожалению закончилось, сразу трое мужиков-лесорубов получили травмы. И если с двумя случаями Евдокия справилась без меня, то у третьего мужика оказался перелом костей правой голени со смещением и глубокая колотая рана опять же правого бедра, причем мужики большую щепку, вонзившуюся в бедро, вынимать не стали. И прямо с ней притащили раненого в наш госпиталь.

Во время нашего похода в районе Большого Тепселя я неожиданно для себя увидел заросли серебристой ивы, растения совершенно не характерного для Западного Саяна. Этот биологический казус очень меня обрадовал и мы заготовили целых два мешка ивовой коры и нарезали три десятка черенков для укоренения. Беседы-занятия, которые я при любой возможности проводил с Евдокией, не прошли даром. Моя помощница правильно оценила ситуацию: первым делом она послала гонца ко мне, затем подготовила все к предстоящей операции. Гонец застал меня на марше, мы уже были около первого брода.

На будущий операционный стол Евдокия постелила чистую простыню. Раненого лесоруба раздели, по возможности аккуратно помыли и уложили на стол. В отряде был две четверти хлебного вина, попросту говоря водки. Одну из них Петр Сергеевич отдал мне, так сказать для медицинских целей. Во время нашего перехода я обнаружил еще и несколько небольших полянок редкого вида мака, мака хакасского. В 20-ом веке растения редкого и в наших краях не встречающегося. Я аккуратноенько, стараясь не уничтожить растения, нарезал небольшое количество маковой соломки. Высушил и при первой же возможности сделал водный экстракт и настойку, приготовив таким образом примерно по литру и того и другого.

Раненому лесорубу Евдокия дала внутрь около пятидесяти грамм настойки, чисто

эмпирически я определил, что это терапевтическая доза моего препарата, и к моему приезду наш страдалец крепко спал. Ожидая меня, Евдокия прокипятила две больших иглы и по сажени шелковых ниток двух размеров...

— Молодец Евдокия, считай успешно экзамен сдала, — осмотр сооруженного госпиталя и лежащего на операционном столе раненного меня удовлетворил, — не забоишься помогать во время операции?

— Не забоюсь, ваше светлость.

Я еще раз проверил все ли готово к предстоящей операции. Две иглы с шелковыми нитками, два мотка запасных шелковых ниток, приготовленные бинты, ножницы, два острых ножа, две ложки, большая и типа чайной, что-то типа пинцета. Интересно, что это и откуда, надо будет расспросить Евдокию. Маленькая стопка с еще одной дозой опиата, кастрюли с отваром ивы и зеленого чая, неширокий кожаный ремень в качестве предполагаемого жгута. Заготовленные деревянные лангетки. Раненный привязан к столу. Евдокия полила мне на руки водки, то бишь хлебного вина, для дезинфекции.

— И так, Евдокия, действуем так. Сначала фиксируем нашего страдальца: привязываем руки, здоровую ногу и туловище. Потом я аккуратненько убираю щепку. Ты на готове, держишь жгут. Если начнется сильное кровотечение, по моей команде пытаешься зажать. Вы, — я повернулся к два стоящим у входа санитарам, вид у обоих мягко скажем был испуганный, — знаете, как тут что называется?

— Знаем, ваша светлость, знаем, Евдокия все объяснила.

— Смотрите, не растеряйтесь, а то начнете сопли разводить в самый нужный момент. Если сомневаетесь, лучше уйдите. Ругать не буду.

Санитары посмотрели друг на друга и остались.

— Ну что же, с Богом!

Я осторожненько удалил из раны торчащую щепку. Кровотечение не началось. Рана оказалась достаточно чистой, пинцетом и ложечкой я удалил всю грязь и мелкие деревянные крошки, промыл рану отваром зеленого чая и ивы. После этого я просушил рану бинтами и начал ушивать её. Наш раненый до этого момента спокойно спал, когда же я начал орудовать иглой, он стал беспокоиться и стонать, хорошо что мы его зафиксировали.

Я серьезно опасался за свои хирургические навыки, прошло столько лет, да и руки в буквальном смысле не те. Но к моему огромному удивлению, ни каких проблем не возникло, руки мои почти на автомате делали все что надо. Я оставил в ране два дренажа, приготовленных из лубка ивы и закончил шить.

— Так, Евдокия, одно дело сделали. Тут ничего страшного пока не оказалось, сосуды целы, остальное детали. Главное, чтобы рана не нагноилось. Теперь давай ногой займемся.

Раненый лесоруб перестал стонать и беспокоиться и я спокойно осмотрел его ногу.

— Смотри Евдокия, — я показал на видимое глазом смещение отломка большой берцовой кости, — вот эту кость я попробую поставить на место и буду держать её. А ты должна будешь прибинтовать её очень плотно к лангетке. Вы, — санитары подошли ко мне, — один держит голову, наш раненый очнется от боли и будет метаться и кричать, другой на подхвате, по ситуации. Всё понятно?

Санитары кивают, похоже с речью проблема. По ходу посмотрим, как понятно.

Я максимально аккуратно, стараясь не беспокоить раненного, подвел под сломанную ногу длинную лангету, от пятки до середины бедра. Это почти до раны на бедре. Манипуляция не из простых, лангета была достаточно толстой, а сделать это надо было

максимально щадяще. Раненый опять начал стонать и беспокоиться, но мне удалось завести лангету как надо.

Закончив, я сделал паузу. Надо было дождаться пока лесоруб опять заснет.

— И так, теперь самое сложное. Я ставлю кость на место. Держу её. Ты, — я ткнул пальцем в стоящего ближе ко мне санитару, — помогаешь мне поднять за лангету ногу, что бы Евдокии было удобно бинтовать. Ты, держишь голову, он очухается и будет вопить как резаный.

Я выдохнул. Закрыв глаза. Господи, помоги!

— Начали.

Я обхватил руками голень ниже места перелома и пытаюсь сопоставить костные отломки. Процедура вообще-то садистская, в нормальной медицине так не делают. Но где эта нормальная медицина!

Раненный проснулся и дико кричит, ему очень больно, ужасно больно. Но тут же замолкает, я понимаю, что от боли он теряет сознание. Наверное, это даже хорошо.

Мне удастся выполнить репозицию и удерживая костные отломки, я начинаю поднимать лангету.

— Помогай! — это санитару. — Выше!

А теперь Евдокие:

— Евдокия, бинтуй! Туже бинтуй! Туже, мать твою! — крик мой слышен наверное всей округе.

Евдокия заканчивает накладывать повязку до раны на бедре. Дело почти сделано.

— Молодец, а теперь давай еще раз, только сверху вниз, — раненый приходит в себя, но он не кричит, а тихо стонет. — Всё милейший, больше мучить тебя не будем.

Через полчаса я выхожу из госпиталя на свежий воздух. Раненый лежит в палате и опять спит. С ним один из санитаров. Второй вместе с Евдокией наводит порядок в операционной.

— Ваша светлость!

Я поворачиваюсь к Евдокии. В руках у нее поднос, на нем стопка хлебного вина, то есть водки, аккуратно нарезанные кусочка хлеба, мяса и соль.

— Спасибо, Евдокия. Не серчай, что закричал.

Стопка крепкого алкоголя срубила меня просто на корню. Практически моментально я захотел спать и заботливые Евдокия с санитарями уложили меня спать в ординаторской.

Четыре часа сна оказались для меня просто животворящим бальзамом. Проснулся сам и своё состояние после пробуждения я охарактеризовал банальной фразой: как заново родился. Ничего не болит, голова свежая, полон сил, настроение на все сто.

И готов ответ на вопрос, который у меня возник во время операции: почему товарищ Настродамус не предупредил меня о ожидающей меня такой «приятной» неожиданности? Я просто напросто настолько мозгами и душой устал за последние два месяца, что никаких тонких материй уже не воспринимал. Особенно пагубным было недосыпание, я спал последнее время реально три-четыре часа в сутки, то дела какие-нибудь, то просто бессонница. Делайте выводы, сударь мой.

Все-таки молодое тело — это неплохо. Посмотрев на часы, я убедился, что внутренний хронометр меня не обманул. Ну что же, сегодня есть еще время заняться делами.

Зайдя в палату, я осмотрел раненого. Визуально все было в порядке, признаков гноя на дренажах не было, лоб был не горячий. Как-то надо термометр придумать, полагаться на

ощущения это не зер гут.

— Как самочувствие? — интересно, что он ответит?

— Хорошо, ваша светлость, — ответил бодро.

— Болит?

— Терпеть можно.

— Терпеть не надо. Евдокия, половину дозы дай ему. И такой вопрос к тебе. У нас вроде было восемь санитаров? Ты всех под свое крыло вернула?

— Да, ваша светлость.

— Этих отправляй отдыхать, — отдых мужики честно заслужили. — Установи дежурство в госпитале сутки через трое, то бишь постоянно здесь двое, мужик и баба. Меняться утром, в восемь часов. Ты по необходимости. Сегодня дежуришь, пока я не вернусь, — я немного подумал, вроде ничего не упустил. — По возможности буду вести занятия. Всё понятно?

— Я, ваша светлость, в часах не разбираюсь, — виновато сказала Евдокия.

— Не забивай голову, решим, — махнул я — Остальное понятно?

— Понятно.

В нашем лагере царило просто праздничное настроение. Все кого я встретил, выйдя из юрты-госпиталя, улыбались и было такое впечатление, что они просто навеселе. Метрах в пятидесяти от госпиталя, команда отца Филарета заканчивала оборудование храма. Как мы и запланировали, для этого была использована одна из правильных юрт. Вокруг юрты-храма была размечена кольшками и выделена натянутыми веревками, храмовая территория, квадрат примерно сто метров на сто. Юрта-храм была установлена в северном, ближнем к реке, углу.

Сразу же храмовой территорией установили три юрты, одну из них правильную. Возле неё играли дети Махановых. Около соседней юрты на привязи стояла пантелеевская лошадь. Туда я и направил свои стопы.

К моему удивлению меня ждали. Оказывается, пока я осматривал раненного, Петр Сергеевич получил весточку о моем пробуждении и созвал наш Совет Лучших, кроме естественно дедушки Фомы.

Посредине юрты стоял большой четырехугольный стол, сделанный из толстых свежеструганных досок. Во главе стола стоял знакомый мне стул, он свободен. Надо полагать это мое место. Серая скатерть на столе также мне знакома. Меня дожидаясь, все чинно пили чай. Посредине стола стоял самовар, перед моим стулом стояли тарелки с нарезанными кусками ржаного хлеба и жареным хариусом, и маленькое блюдечко с двумя буроватого цвета аккуратными кусочками наколотого сахара. Последний раз я видел такой сахар лет пятьдесят назад, когда впервые приехал со своей женой в эти края.

— Добрый вечер, Григорий Иванович. Ждем вас с нетерпением, — Петр Сергеевич жестом показал на стул во главе стола. Перед ним на столе лежали мои карта и записи, которые я сделал накануне.

Я никогда не считал сахар сладкой смертью и всегда пил чай или кофе исключительно сладкими. Но вкус этого сахар был просто прекрасен!

— Анна Петровна решила нас побаловать. Выяснилось что у нее есть секретные, неведомые мне запасы. И там оказалась четверть английской сахарной головы.

Честно говоря после ужина у меня было абсолютно не рабочее настроение, но ... дело

надо делать, батенька, дело. Дорог каждый час.

— Я полагаю, Совет наш собрался для того, чтобы решить, что делать дальше?

— Поймите правильно, ваша светлость ..., — я жестом прервал Петра Сергеевича. Он без всякой паузы продолжил. — Я Василия Ивановича и Лукерью Петровну с географией нашей и тем, что тут вами написано, — Петр Сергеевич показал на мои записи, — ознакомил. Тут всё понятно.

— Это хорошо, повторяться не буду...

— Я полагаю, Совет наш собрался для того, чтобы решить, что делать дальше?

— Поймите правильно, ваша светлость ..., — я жестом прервал Петра Сергеевича. Он без всякой паузы продолжил. — Я Василия Ивановича и Лукерью Петровну с географией нашей и тем, что тут вами написано, — Петр Сергеевич показал на мои записи, — ознакомил. Тут всё понятно.

— Это хорошо, повторяться не буду. Давайте, я расскажу, что думаю дальше нам надо делать, а вы добавите, если что, — Я сделал паузу, все-таки мысли мои еще были в госпитале.

— Главная проблема крыша над головой. Но тут давайте подождем Фому Васильевича. Он, мне думается, со дня на день вернется и не с пустыми руками. У урянхайцев много нужного нам есть, не только юрты. Одежда, обувь, да и провиант. Поэтому нужен товар для обмена. У нас добрый десяток кузнецов и другие мастеровые есть. Петр Сергеевич, я прав?

Господин бывший бергмейстер молча кивнул и я продолжил:

— Ну так вот, завтра 17 июля, воскресенье. Предлагаю устроить общий выходной. Народ наконец-то в храм Божий ходит, да просто люди увидят друг друга наконец-то.

Я говорил медленно, говорить быстрее не получалось.

— А вот послезавтра, вы Василий Иванович, рано утром берете весь мастеровой народ и мы направляемся вот сюда, — я показал на карте место. — Здесь кончается Усинская долина. Это река Терешкина. На её правом берегу, в четверти версты от Уса небольшая, но такая хорошая ровная терраса, тянется она примерно с полверсты вдоль Терешкиной речки. Вот на этой терраске я и предлагаю поставить кузню, а потом и весь завод, — я посмотрел на кузнеца, он кивнул, типа понятно. Теперь на очереди господин бывший бергмейстер, нет пусть он будет господин инженер или просто инженер.

— Пока Василий Иванович будет заниматься кузницей, мы с тобой Петр Сергеевич займемся водяным колесом. Ты в этом лучше меня разбираешься. Выше по течению речки поставим лесопилку. Петр Сергеевич, сколько у нас двуручных пил?

— Двенадцать, — быстро ответил господин инженер.

— Шесть пил пустим на распускание бревен, а две на обрезание. Доски и будут тем товаром, который мы попробуем менять с урянхайцами. Это будет первая очередь, а вторая очередь меха и прочее, особенно то, что будет в кузнице, — подходим к женскому вопросу, так я глядишь главным феминистом стану.

— Народу у нас мало, а задач много. Поэтому многое зависит от наших женщин, — а как лучше интересно говорить женщин или баб. — Лукерья Петровна должна у нас будет заняться всякими бытовыми вопросами и мобилизовать максимально женщин. Войлоки на юрты все натянуты?

— Да, почти все натянуты. Вот только не распределены, — ответила Лукерья Петровна.

— Это вы Лукерья Петровна, завтра сделаете. По моим расчетам получается сейчас под жильё сорок восемь юрт. Надо будет одну отдать нашей гвардии под верхний острог и две под швейку. Анна Петровна займется пошивом одежды. Наберет для этого два десятка женщин. И швейку надо будет разместить сразу за нашим поселком на берегу Уса, а в дальнейшем перенести к будущему заводу, когда начнем капитально строить. Но сейчас

рядом с поселком. Также надо как-то тачать обувь и шить зимнюю одежду. Но это все предварительный расклад. У меня предчувствие, что дедушка Фома не сегодня-завтра появится, и известия у него будут хорошие. Я имею в виду юрты, — как-то сумбурно у меня получается. С одного на другое перескакиваю, надеюсь, на меня никто не сердает. И так продолжу.

— Лукерья Петровна, сделайте ревизию провианта, одежды и прочего. Надо четко представлять, с чем мы дошли. Особенно меня интересуют всякие тряпки. С них нужно будет попробовать сделать бумагу, — протеже Фомы Васильевича, Кондрат Тимофеев очень мне понравился, как говорится из молодых да ранних. Он у нас сейчас командует бригадой из тридцати мужиков. Они со дня на день начнут клетки ставить. Нам надо только определиться, где начать село основательно закладывать.

— Вот смотрите, что получается, — я придвинул к себе свою карту-схему. — Это брод через Ус. Здесь мы со временем построим мост с Рукавного острова на левый берег Уса. Напротив Соборная площадь. От неё вдоль берега Уса две улицы. Это мое предложение вы уже слышали и все с ним согласны?

Присутствующие возражать не стали, поэтому продолжил.

— Что бы не было кто в лес, кто по дрова, давайте нарисуем план нашего села, — я перевернул лист со своей картой и стал рисовать. — Вот рукава Уса, а это Иджим. Их тут не поймешь с этими рукавами. Давайте решим, что Иджим в Ус впадает вот тут, возле брода с Рукавного острова на наш берег Уса. Прямо напротив Соборная площадь, ширина её сажень сто, — я медленно рисовал и рассуждал вслух. — Пойма рек, затапливаемая при паводке еще видна, я её вот тут обозначил. Вдоль этих пойм, вне зоны затопления, от площади две улицы, одна на юго-запад до реки Макаровка, другая на восток до еще одной речки, надо еще придумать её название. Усадьбы в одну линию через двадцать пять саженей. Получается семьдесят к Макаровке и тридцать к безвестной речке. Всего сто, если ставить по одну сторону улицы, — теперь у меня вопрос к товарищу капитану Пантелееву.

— Ерофей Кузьмич, скажи своё мнение, сколько тебе надо личного состава?

— Конечно пять десятков много. Три, — Ерофей начал рассказывать свои расклады. — Один десяток в Мирском остроге, для них станица в месте выхода тропы к Усу, где делали привал. Второй десяток в будущем Верхнем остроге. Там тоже станица. А вот в Нижнем остроге сменный состав, отсюда из села. В острогах на дежурствах самое большое по пять человек. Если остроги оборудуем правильно, этого будет достаточно.

— Отлично, ты, Ерофей Кузьмич, мои мысли прочитал. Дополни только маленький штрих. Вверх по Макаровке, сразу за улицей села, еще одна гвардейская станица, для третьего десятка, штаба и двух резервных десятков, пусть они будут. Гвардейцы только добровольцы. Всего сейчас нам надо по моим прикидкам усадьб двести. Вот тут мы наметили уже сто пятьдесят. Василий Иванович, ты как думаешь, около завода поселок нужен?

— А как же иначе, ваша светлость, до села будет добрых верст пятнадцать. Что же мы, каждый день мотаться будем туда-сюда? Да мало того, еще скажу, что в Мирской станице будут желающие просто жить. Да и на том берегу Уса, напротив, то же место неплохое.

— Получается, где селиться будем, решили, а кто где само по себе получиться, — Петр Сергеевич поставил точку в этом вопросе. — Давайте вернемся к вопросу хлеба насущного, Лукерья Петровна за день управись с ревизией?

— Управлюсь, помощников достаточно. Сразу говорю зерна маловато.

— Ваша светлость, — Петр Сергеевич вопросительно посмотрел на меня, — чем тут разжиться сможем?

— Грибы, ягоды, осень подойдет — кедровые орехи. Сейчас срочно заготавливать сено. Благо покосы тут отличные. Петр Сергеевич, сколько у нас мастеровых всяких?

— Человек тридцать. Плохо только один мастер по кирпичам, Фома Васильевич. А вот стекольщиков ни одного.

— У меня по этому поводу есть кой-какие соображения. Мы потом их обсудим, — я когда-то со своими учениками в наших исторических реконструкциях пробовал стеклодувное дело. Почему бы не попробовать? — Давайте народ считать. У нас всего сто восемьдесят шесть мужиков. Тридцать два гвардейца, это те кто будет постоянно ляжку тянуть. Тридцать пять мастеровых. Тридцать человек бригада Кондрата Тимофеева. Еже человек тридцать валят лес. И остается относительно свободных человек пятьдесят.

— Не больше, а то и сорока не будет.

— Кто будет старшим по сену?

— Лукерья пусть и будет, — Петр Сергеевич как бы в удивление развел руками, типа чего тут обсуждать. — Её недаром в Совет выбрали. Пусть она всем этим хозяйством и занимается: сено, скотина, еда, одежда и все такое. Все свободные мужики к ней. Все бабы и детвора, кто работать могут.

— Вам виднее Петр Сергеевич, вы народ лучше знаете. Попрошу только из госпиталя никого не забирать и внука дедушки Фомы в постоянные помощники определить.

Совет наш в итоге заседал почти до полуночи, обсуждали какие-то мелкие детали, Петр Сергеевич тщательно записал все наши решения. Юрту, в которой шло заседание, решили на постоянной основе сделать конторой и посадить в неё двух-трех грамотных подростков, обязательно шустрых на ногу. Петр Сергеевич сразу же распорядился и в конторе появился еще один стол и шкаф, причем шкаф был с закрытыми полками и одна из них закрывалась на замок. Уходя, Петр Сергеевич на эту полку положил все наши документы. Оказалось, что он оформил протоколы выборов Совета, первого заседания перед походом и вел дневник похода. К этому добавился сегодняшней протокол и моя карта. Полка с бумагами была закрыта на ключ.

Свободную рядом юрту решили отдать временно для постоя мне и Ерофею. Мои попытки протестовать Лукерья Петровна пресекла на корню, решительно заявив, что нам по статусу полагаются отдельные апартаменты и VIP-обслуживание. Конечно, слова она употребляла другие, но смысл был именно такой. В итоге Лукерье было поручено за воскресение подобрать в нашу юрту домработницу, Ерофею назначить денщика, а мне камердинера.

Перед сном я еще раз зашел в госпиталь. Раненный спал. Санитар дремал рядом. Евдокия после осмотра вышла следом за мной.

— Ваша светлость, возьмите к себе моего брата. Пусть он вам служит.

— Хорошо, Евдокия.

Ночью мне совершенно не спалось. Промаявшись пару часов, я вышел на свежий воздух. Почему-то мне опять захотелось покопаться в самом себе. Сколько мне лет? Вроде как больше восьмидесяти. Но это там, в 21 веке. А здесь? Моему нынешнему физическому телу скорее всего около двадцати пяти, я физически себя именно так и ощущаю. С мозгами то же все в порядке, нет ни каких возрастных когнитивных нарушений, отличная память в частности. Но мироощущение у меня не двадцатипятилетнего человека, а именно

восьмидесятилетнего. Я например всегда считал любовную страсть а-ля Ромео и Джульета психическим нарушением. Любовь к женщине другое. Вот свою жену я любил и когда её не стало, у меня совершенно не было потребности заводить новые отношения. И обретение нового физического тела ничего не изменило. Некоторые люди мечтают, стать бы снова молодым. И что? Я снова стал молодым, но мироощущение, слава Богу, осталось прежним. Да, я отлично понимал Ерофея, который ни как не мог дождаться своей свадьбы, но мне ни какие безумства молодости совершать не хотелось. Дважды в одну воду войти нельзя. Хотя конечно спутницу жизни завести придется, но из других соображений.

На этом месте я захотел спать и незамедлительно отправился в постель.

Дедушка Фома вернулся в воскресенье, ближе к вечеру. После обеда мы с Петром Сергеевичем расположились в юрте-конторе, решив обсудить некоторые наши проблемы.

— Петр Сергеевич, вы знаете, что такое паровая машина?

— Знаю и даже видел машину Ползунова. Она правда, к сожалению в аварийном состоянии и не работает, но принцип её действия мне понятен.

— Водяное колесо это временная мера, нам нужна паровая машина.

— И вы знаете, как это сделать? — господин инженер внимательно посмотрел на меня.

— Знаю. Скажите Петр Сергеевич, что вам удалось спасти, уходя с завода?

— На самом деле немного. Самое ценное: резцы по металлу, наждачные круги и копия эталонного аршина и так всякая мелочь.

На этом наша беседа прервалась известием о возвращении дедушки Фомы.

Разведывательная поездка Фомы Васильевича оказалась успешной. Продвигаясь вверх по реке Иджим, а затем по мелкоколесью в предгорьях Куртушибинского хребта, разведчики нашли удобный перевал, спустившись с которого они встретились с урянхайцами. Встреча была очень драматичной. На двух урянхайцев напал медведь.

Когда наши разведчики подросли, положение урянхайцев было не завидное. Зверь прижал людей, один из которых был ранен, к скалам и исход боя скорее всего был бы печальным. Но наш разведчик, Ермил Нелюбин, смело подошел к зверю, быстро вставил ему в ухо заряженный пистолет и выстрелил. В стойбище урянхайцев разведчики провели пять дней. Дедушке Фоме удалось наладить контакт с главой этого урянхайского рода. Как они друг друга поняли, для меня осталось загадкой, но пять топоров были обменяны на два десятка войлоков для юрт и с нашими разведчиками прибыл посол от урянхайцев. Его сопровождали два соплеменника, молодой и старый.

За пятьдесят лет жизни рядом с тувинцами я немного освоил их язык и поэтому попробовал начать разговор с этим так называемым посольством. Неожиданно для меня мы сумели друг друга понять. Да еще и Ванча подключился к нашему разговору, язык урянхайцев оказался близким его родному.

Это оказался осколок одного крупного урянхайского племени. Двадцать пять лет назад они, как подданные Джунгарского ханства, воевали с цинским Китаем. Многие из них погибли. Остальные пытались бежать на Алтай, но попали в плен и победители поселили их на Енисее. Один из князей этого племени поднял восстание против китайцев. Князя китайцы схватили и он принял мучительную смерть, а те, кто его поддержал были сосланы на тяжелые работы еще дальше от родных мест. Нескольким родам, объединившихся в оттоки, это что типа мелкого племени или его часть во главе с зайсаном, удалось бежать и вернуться к родным кочевьям.

Вот с одним из таких отоков, наши разведчики и встретились. Урянхайцев было сотни

две взрослых мужчин. Они отчаянно нуждались в какой-нибудь помощи в возможном продолжение столкновений с китайцами, вполне обоснованно полагая, что те не оставят их в покое. И зайсан Мёнге-Далай послал послом к нам своего сына Ольчя в сопровождение одного из воинов и уважаемого старейшины, а вдруг русские ему помогут.

Сказать, что я был озадачен, значит ничего не сказать. Воевать с целым Китаем, ничего себе перспектива. Послу урянхайцев я ничего не ответил, распорядился принять его радушно и послал за Ерофеем.

Капитан Пантелеев, пока я общался с послом, опросил наших разведчиков и ситуацию оценил по-другому.

— Григорий Иванович, в нашу долину с той стороны ведут по большому счету две дороги, — я кивнул, соглашаясь. — Одна из них трудно проходимая тропа. Тот же Ванча там в одиночку целую армию держать сможет. Вторая, это дорога, по которой дедушка Фома прошел, на ней тоже не разбежишься. Всё. Других путей нет. Большую армию китайцы сюда не пошлют. А две, три сотни уйдут не солоно хлебавши. Урянхайцы в крайнем случае отойдут на нашу территорию в долину Иджима и все. Зато у нас здесь союзник будет.

— А ты уверен, что от китайцев отобьемся?

— Уверен. Выше по Иджиму поставим острог, пушки расклепаем, там установим и острог неприступным будет. Это первое. Второе. Какие проблемы у наших друзей урянхайцев в отношениях с китайцами? — Ерофей задал вопрос и сам же на него начал отвечать. — Насколько я знаю, китайцам от местных нужен только дань или ясак и воины, если война. Кроме как с Россией им тут сейчас воевать не с кем, но войной пока не пахнет. Были джунгары, да сплыли. Поэтому у китайцев один интерес — ясак. И если они будут исправно его получать и мы не будем соваться к ним, то китайцы ни куда лезть не будут. А мы еще и поможем нашим друзьям ясак собрать. Менять можно и пушнину. Так что мое мнение такое, с местными надо дружить и потихоньку их под себя, мы тут главные.

Через пару часов мы как бы официально приняли Ольчя, сына зайсана Мёнге-Далай. Сначала наши три десятка гвардейцев в конном строю с двумя пушками лихо проехали перед нашим гостем. Ерофей решил показать гостю товар лицом, гвардейцев сумел максимально однообразно приодеть и вооружить, начистить пушки и не важно, что стрелять они не могут, пока не могут. Вид наших гвардейцев был в итоге очень бравый и на наших гостей они произвели нужное нам впечатление.

Переговоры с урянхайцами продлились до полуночи. В конечном итоге наши гости откровенно нам рассказали о своих проблемах. Урянхайский край или Тува, как стали называть этот край позднее, была окраиной Маньчжурской империи Цин, власть которой была установлена здесь в 1757 году после многолетних войн и восстаний. Маньчжурские власти провели административную реформу для эффективности управления пограничной территорией. Бывшие княжеские уделы были реорганизованы в военные единицы, которые по-монгольски назывались хошунами, которые управлялись монгольскими князьями — нойонами. Каждый хошун в свою очередь делился на сумоны. Каждый сумон должен был по первому требованию властей выставить кавалерийский эскадрон для манчжурской армии, сто пятьдесят всадников в полной боевой экипировке. Вот здесь-то собака и была зарыта.

Очередного восстания урянхайцев-тувинцев цинские власти уже несколько не боялись. И на многие шалости местного населения смотрели сквозь пальцы, лишь бы исправно при необходимости давали воинов, а самое главное платили дань или ясак по-русски. Сумон зайсана Мёнге-Далай не мог выставлять положенное количество воинов и от нойона

несколько лет удавалось просто откупаться большим ясаком. Проблему какое-то время удавалось решать, промысля в богатых пушной долинах Иджима и Уса.

Но три года назад по пограничной тропе стали регулярно ходить казачьи пограничные караулы. Я знал, что одно из первых описаний наших мест сделал пограничный комиссар и геодезист сержант Егор Пестерев, исследовавший их в 1772-73 годах. После этого урянхайцы стали опасаться появляться в наших местах, казаки решительно пресекли их пушной промысел. Зайсану Мёнге-Далай удалось оттеснить другие сумоны от контроля за самым удобным перевалом Куртушибинского хребта ведущим в нашу долину, к которому и вышел дедушка Фома. Это был самый удобный сухопутный путь из Тувинской котловины к нам, а затем и в Минусинскую котловину.

Но зайсан знал, что его сумон не сможет удерживать перевал за собой, сотни воинов слишком мало для этого. Поэтому он обрадовался появлению русских и решил предложить им союз. Сын зайсана Ольчей и сопровождающий его старейшина по достоинству оценили наших гвардейцев и их вооружение. Три десятка ружей и две пушки были очень весомым аргументом в местных краях.

В итоге мы ударили по рукам. Урянхайцы или тувинцы, я начал склоняться к этому названию, обязались никого не пропускать через перевал. Мы при необходимости будем им помогать. Тувинцы будут беспрепятственно добывать пушнину в долине Иджима, что позволит им решить все их проблемы с далеким нойоном. На огромной лесной поляне в верховьях Иджима река образует несколько небольших лесных озер и резко поворачивая, идет в горы, где её русло иногда теряется. Это место я решил назвать Семиозерки, так его называли в покинутом мною будущем.

В Семиозерках и на перевале мы решили построить остроги, когда станем на ноги. От Семиозерок до перевала тувинцы попросили разрешение селиться при необходимости. Зайсан не будет препятствовать своим соплеменникам работать на нас. Также мы договорились в Семиозерках устроить пункт обмена товарами. Сопровождающий Ольчя тувинец-старейшина обещал через месяц доставить нам не меньше сотни войлоков для юрт.

Сын зайсана тщетно пытался скрыть свое удовлетворение результатом наших переговоров, но он был еще слишком молод для этого. Я был доволен не меньше его, хотя честно говоря, испытывал некоторую оторопь от случившегося. Еще бы, мы по большому счету вмешиваемся в отношения двух великих держав. И велика вероятность, что это вмешательство может оказаться очень существенным.

Довольные исходом переговоров тувинцы ушли отдыхать вместе с Ванчей. Мы, вчетвером: дедушка Фома, Петр Сергеевич, Ерофей и я, остались в юрте-конторе. Несколько минут мы молчали. Первым заговорил Петр Сергеевич.

— Не страшно, господа? Мы, вероятно, только что вмешались в большую политику. Как к этому еще отнесутся в Петербурге и Пекине.

— Да ни как. Это, во-первых, все слишком мелко. Во-вторых, мы не претендуем на дань, которая идет в Китай. Наоборот, будем способствовать её поступлению. И мы находимся в русских пределах. Поэтому с узкоглазыми проблем не будет, — наш капитан начал все раскладывать по полочкам.

— Теперь то, что касается государыни-матушки. Могу биться об заклад, про наши грехи скоро забудут. И даже более того, через два-три года в Красноярске будут очень даже довольны нашим присутствием здесь. Мы будем смуту чинить в государстве российском? — Ерофей оглядел нас, как бы требуя ответа. — Не будем. А вот рубежи здесь надежно прикроем. Дело о моей измене долго тянуться будет, и чем кончиться одному Богу известно. В отечестве нашем, по таким делам такие чудеса бывают, что оё-ей. Вот только на ноги скорее становиться надо. А тут глядишь, мы еще и золотишко найдем. Тогда нам всё простят.

— А с чего ты взял про золотишко? — спросил я.

— Как с чего? На Алтае есть? Есть. А почему здесь не быть? В чем я, Григорий Иванович, не прав?

— Прав. Золото здесь должно быть. — друг Ерофей прав, золото здесь есть, и до негс буквально рукой подать. Но найдем мы его чуток попозже и чисто случайно.

— Про золото вы потом посудачите, а вот посмотри, Григорий Иванович, что я по дороге нашел, — Фома Васильевич протянул мне два достаточно больших куска сухой глины.

Глина как глина. Вот в глинах и соответственно печном деле я полный профан. Но раз

дедушка Фома спрашивает у меня про глину, я предположил, что он имеет в виду кирпичное дело.

— Ты, Фома Васильевич, хочешь сказать, что эта глина на кирпичи пойдет?

— Это ты, ваша светлость, угадал, пойдет. Но возьми-ка ты камешек, — Фома Васильевич показал на небольшую грудку камней у входа, — да разбей глину.

Я последовал его совету и через несколько минут на моей ладони лежали несколько неправильной формы шариков, самый большой из них был почти сантиметра два в диаметре.

— И что это такое?

— А тут и думать не надо, это почти чистое железо. Я по молодости несколько лет в Европах бывал. Много что там видел, там и мастерству начал обучаться. Так вот, видел я озеро, которое образовалось, когда большой камень с небес упал. — Фома Васильевич показал руками как все было. — И вот такое же есть а том месте, где Иджим поворачивает и в долину идет. Плотина от небесного камня, там на правой стороне Иджима ручеек перегородила. И вот в этой плотине местами глина такая лучше и не ищи на кирпичи. И в глине той вот эти шарики.

Петр Сергеевич взял у меня шарики, долго и внимательно рассматривал их.

— Похоже ты прав, Фома Васильевич, — Петр Сергеевич положил шарики на стол. — Возможно ничего в болотах искать не придется. Завтра гостей проводим, а затем и место это проведаем, посмотрим на это Железное озеро.

Ранним утром тувинские послы отправились домой с сопровождении лейтенанта Шишкина с тремя гвардейцами и Ермила Нелюбина. Шишкин должен осмотреть местности и наметить места для будущих острогов.

Через пару для осмотра находки дедушки Фома отправились и мы: Петр Сергеевич, Фома Васильевич и я. С нами были: внучок Степан, мой свеженазначенный камердинер Митрофан, молчаливый двадцатилетний молодой человек, рекомендованный отцом Филаретом и трое мужиков-рабочих.

Митрофан был солдатским сыном, с малолетства отличался богатырским здоровьем и силой, обостренным чувством справедливости и не терпел никакого насилия над собой, без раздумья пуская в дело кулаки. В пятнадцать лет был отдан в солдаты, где его ждала очень печальная участь. За первый месяц службы дважды был бит батогами, но потом чем-то приглянулся одному из обер-офицеров полка и тот взял молодого рекрута в денщики. Офицер этот был белой вороной: руки не распускал, солдат своих считал людьми, а не бессловесным быдлом. По молодости несколько лет провел в европах и был обучен всяким политесам.

В вихре пугачевского бунта команда командира Митрофана была разгромлена, офицер погиб, а Митрофан подался в бега, ему показались не симпатичны ни те, ни те. Через несколько месяцев истощенного и обмороженного беглого солдата спас от лютой смерти в дремучей зимней тайге иеромонах Филарет. Митрофан остался в монастыре, через несколько месяцев вернул себе былую силу и здоровье. Хотел постричься в монахи, но отец-настоятель неожиданно благословил его идти с отцом Филаретом.

До места было ехать вдоль Иджима около двадцати верст по лесной тропе. Тропа была хорошо наезжена для пары верховых. Фома Васильевич ехал рядом со мной и рассказывал о своей жизни.

— Я Григорий Иванович, из дедиловских кузнецов, которых при Годунове в Тулу переселили. Там я и родился в тысяча семьсот двенадцатом году. Грамоте сызмальству был

обучен. В тысяча семьсот тридцатом меня в рекруты забрили и через четыре года при штурме форта Гагельсберга был ранен, ляхи меня добить хотели, но меня спас раненный саксонец и в итоге я оказался в Германии, где провел целых десять лет. В Россию матушку вернуться я не мог, дезертиром числился.

В Германии мне повезло, я попал к одному немцу. Фридрих был большим мастером в очень многом, особенно по всяким печам, он был одинокий и ко мне почему-то стал относиться как к сыну. Всею что знал и умел меня обучал.

— А стекольное дело знакомо? — спросил я.

— Немного знакомо. После смерти Фридриха я сумел в Россию вернуться и на Урал подался от греха подальше. Мало ли что, вдруг мое дезертирство всплывет. Но Бог миловал. Женился, сын родился, — Фома Васильевич улыбнулся своим воспоминаниям.

— Сынок оказался из молодых, да ранних, в пятнадцать лет сам отцом стал. Степка родился, — Фома Васильевич замолчал. Несколько минут мы ехали молча. — Когда с завода уходили, много нашего народу побили, вот и мы со Степкой одни остались.

К полудню мы добрались до места. Особого труда не составило снять слой дерна и набрать десять мешков глины. В буквальном смысле не задерживаясь ни на минуту в Усинске, Петр Сергеевич и Фома Васильевич помчались на завод. Там нашего возвращения с нетерпением ждали кузнецы. Ожидая нас, они приготовили почти десять пудов древесного угля. Конечно, полученный продукт только с большой натяжкой можно было назвать древесным углем, но для пробной плавки вполне годился. Я остался в Усинске, раненный еще нуждался в осмотре.

Вечером мой камердинер первый раз проявил свой характер и свое отношение к порученному ему делу. В одиннадцать часов вечера Митрофан очень вежливо и почтительно, но в то же время категорично предложил мне пойти отдыхать. Я в буквальном смысле потерял дар речи. Митрофан же, сделав паузу, продолжил:

— Вам не здоровится, ваша светлость, а сон лучше всякого лекарства, — Митрофан сделал еще одну паузу. — Батюшка Филарет велели заботиться о вас.

Скрепя сердцем мне пришлось согласиться с Митрофаном. Поездка на Железное озеро почему-то меня ужасно утомила, я чувствовал себя как выжатый лимон.

Утром меня ждал сюрприз. Обсуждая наши планы на Совете, я обмолвился о своем желании побриться. И вот, проснувшись следующим утром, я неожиданно слышу вопрос Митрофана:

— Ваша светлость, побриться не желаете?

Оказывается Василий Иванович Кузнецов с сотоварищами весь вечер и всю ночь колдовали над железистой породой из глины и в итоге я получил подарок: бритву-клинок. Из своих неприкосновенных запасов Анна Петровна выделила Митрофану небольшой кусок мыла и маленькое зеркальце.

— Митрофан, а ты умеешь это делать? — бриться самому опасным лезвием не просто, когда-то я это умел, но лучше когда это делает кто-то.

— Обучен, ваша светлость. Господ-офицеров брил и сам тоже брился. Стричь то же умею.

Никогда еще процесс бритья не доставлял мне такого удовольствия. Один из моих учеников, подражая своему отцу, любил говорить: жизнь удалась, когда получал что-то приятное. Когда я умылся после бритья и провел ладонью по чисто и гладко выбритому лицу, то мне почему-то пришла в голову именно эта мысль: жизнь удалась. Мысль эта

конечно очень смелая, но настроение у меня сразу повысилось. Разглядеть себя в маленькое зеркальце мне толком не удалось, но общее впечатление осталось не плохим.

Настроение мое еще больше поднялось после доклада внука Степана, который толково изложил мне кто, чем и где занимается.

— Отлично. Ты у нас по батюшке Гордеевич?

— Да, ваша светлость.

— Так вот, Степан Гордеич, ты у нас будешь начальником канцелярии. Мы говорили, что в конторе надо посадить двух-трех человек. Это сделано?

— Сидят уже, ваша светлость. Четыре человека, — Степан сморщил нос подбирая слова, — двое отроков и две девицы. Грамотные, писать умеют.

— Сколько лет?

— Всем пятнадцать.

— Ты должен каждую минуту знать кто, где и чем занимается. Это раз. Знать, что у нас есть, сколько и где лежит. Это два. Одним словом знать всё о наших делах. Это три. Понятно?

— Понятно, ваша светлость.

— Тогда пошли в контору, вы свою деятельность начнете с производства бумаги. Сейчас я вам всё объясню, — я решил попробовать одну из примитивных технологий.

В конторе меня ожидали испуганные четверо подростков. Я объяснил им что они теперь будут служить в нашей конторе под началом Степана Гордеевича Иванова и спросил их согласия. Которое естественно последовало. Ребят я после этого отправил в баню к Мефодию, принести две шайки, большую и маленькую.

— Сейчас ваша задача молодые люди заняться деланием бумаги, которая нам очень нужна, а к нас осталось всего три листа. Бумагу будете делать из всякого трепья, которое будете забирать у Лукерьи Петровны, отходов на швейке у Анны Петровны, сушеной крапивы и всяких отходов при помоле зерна. То, что не годится на корм скоту. — я посмотрел на будущим бумажных дел мастеров. Они в буквальном смысле смотрели мне в рот.

— Обязательно добавлять черемшу — дикий чеснок. Это что бы отпугивать всяких не нужных летающих тварей. У Лукерьи Петровны возьмете пару сечек. Ими все это надо будет сильно измельчать, а затем перетирать камнями. Пока это будет так, потом сделаем специальную мельницу, — если конечно овчинка будет стоить выделки, но это я ребятам не сказал. — Все это затем заливается водой в маленькой шайке и будет стоять несколько дней набухать. От того как измельчите, зависит качество бумаги. И запомните, то, что я поручил вам сейчас, не отменяет вашей основной работы в конторе. Всё понятно?

Оставив молодых людей в конторе, я начал свою инспекцию с Лукерьи Петровны. Проведенная ею ревизия показала, что у нас достаточно плачевное состояние с провиантом.

— С тем что есть, ваше светлость, протянем до зимы самое большое. Большинство вдобавок и раздеты и разуты.

— В таком итоге вашей ревизии я не сомневался, — но глупую надежду питал. — Давайте думать, как будем наши проблемы решать. Первое, нам на будущий год надо распахать полтысячи десятин земли, сделать это надо до зимы трижды. По осени посеять озимые, по весне яровые. Надо для этого семьсот пудов семян. Следующей весной и летом еще столько же надо будет распахать. А через год еще столько же.

— Ой, батюшки, — Лукерья всплеснула руками, — не осилим мы такое. У нас даже

зерна столько нет для сева, ведь надо же еще и на фураж, птицу да свиней зимой то же кормить надо.

— Я говорю, как должно быть, а не как есть. Поэтому как сезон подойдет, орехов кедровых набрать побольше. Год нынешний на орехи богатый. Орехами и птицу со скотиной кормить можно, — это было мое чисто теоретическое знание, я только слышал о подобном.

— Пахать надо не сохой, — продолжил я — а специальным колесным плугом. Я сегодня объясню Кондрату и кузнецам как плуг сделать. Таскать его должны две лошади самое маленькое. Ты, Лукерья, подбери с десятков с пахарей. Тянуть с этим делом нельзя, завтра надо начать пахать сохами. У нас их сколько?

— Пять всего, ваша светлость.

— Не густо, но что есть, то есть. Теперь скажи мне, что с покосом. Сена надо много, очень много.

— С этим, ваша светлость, не переживайте — Лукерья сказала уверенно и твердо. — Накосим, с такими покосами грех не накосить. Лишь бы погода не подвела.

— Отлично. Теперь давай расскажи мне про коров наших.

— Дойных три десятка, дюжина стельных. Пять нетелей и три быка. Молока дают мало, но после такого перехода хорошо, что вообще дают. Я вот что, ваша светлость, думаю. Наверное, пока не надо скотину, да лошадей по хозяйствам раздавать. Перезимуем, тогда и будем. Обществом быстрее на ноги встанем.

— Я то же так думаю, — колхозы в России-матушке похоже появятся раньше.

— Я с Кондратом вечером судачила про всё. Он сказал, что через недельку сможет начать ставить все нужное для скотины. Вот думаю, конюшни в последнюю очередь. Наши лошадки могут и так зимовать, под навесами.

— Опасно, зимы у нас тут очень холодные бывают, но собственно осенью видно будет. Последнее, что меня интересует, ребятня наша рыбалку осваивает?

— Осваивает, еще как, — заулыбалась Лукерья.

— Это хорошо. А как грибы и ягоды?

— Собирают, ваша светлость, собирают.

— Две просьбы по этому поводу. Все грибы и ягоды пусть сначала мне показывают, тут есть ядовитые. По одиночке не ходить и только с собаками. У нас здесь медведи встречаются. И последнее. Лукерья Петровна, мужики то слушаются?

— Слушаются, ваша светлость. У меня не забалуешь.

Собственно, зачем спросил и сам не знаю. Петр Сергеевич рассказывал, что Лукерья Петровна женщина была серьезная и бесстрашная. Дважды с одной рогатиной на медведя ходила. Бабы судачили, что в гляделки никто её переглядеть не может.

После беседы с Лукерьей я заглянул на начинающую работать швейную фабрику. Анна Петровна готовилась уже сегодня выдать свою первую продукцию. Попутно я достоверно узнал, где её муж. Как я и предполагал, бывший бергмейстер с вечера остался на строящемся заводе. Где был Ерофей, мне доложил Степан. Капитан Пантелеев с десятком гвардейцев отправился на место планируемого Верхнего острога.

В совершенно отличнейшем настроении я разыскал Кондрата Тимофеева. Надо было срочно внести коррективы в его планы. Нам срочнейшим образом необходимо обзавестись телегами и тяжелыми колесными сохами. Они только-только стали появляться в Сибири. В различных районах они будут называться по-разному: «аранка», «сабань», «колесуха».

При пахоте сабаном корни трав вырывались, при бороньбе эти корни стребались, таким

образом, пашня постоянно очищалась. Земля при этом рыхлилась, тот же плуг просто переворачивал пласт земли, корни не вырывал, а только подрезал их, оставляя в земле. Недаром сибирские крестьяне-старожилы, будут в 20-ом веке долго сопротивляться «нововведению» — железному плугу. Хотя может и не будут.

С телегами Кондрат всё понял сразу, как говорится на лету. А вот как делать сабан пришлось объяснять долго. Отсутствие бумаги ощутилось очень остро. Что надо делать, два плотника, выделенных Кондрат тут же, хорошо поняли. А вот как это сделать, пришлось объяснять долго и нудно. Вся проблема была в том, что сам я это видел только в музее, да читал в книжках. Битый час мы потратили впустую, пока Кондрат не подключил подошедшего от отца Филарета одного из алтайских крестьян-староверцев, присоединившихся к отряду на Алтае.

Двухметровый детина с пудовыми кулаками пошел с нашим отрядом после общения с отцом Филаретом. Что ему сказал наш священник, никто не знал. Но Никодим Кучин, так звали мужика, остался в отряде, когда перед переправой через Енисей случился раскол.

В алтайских староверческих деревнях такие конструкции уже стали появляться и Никодим сразу же понял то, о чем я говорил.

— Ты, ваша светлость, нам только лемех привези от кузнецов, да нож такой вот тоже, — Никодим на земле нарисовал, какой именно нож нужен. — Его спереди перед лемехом на грядиле хорошо бы приделать. Земля будет лучше резаться. Целину то не сладко поднимать. А борону сделаем пока с деревянными зубьями.

Петр Сергеевич с компанией время зря не теряли. Василий Кузнецов и компания утром отбыли в намеченное для завода место и за целый день досконально всё там обследовали. Намеченное мною место им показал гвардейский сержант Леонов, с которым мы несколько дней назад осматривали эти места. Леонов с пятью гвардейцами спустился ниже по Усу, выбирая место для Нижнего острога.

Предложенный участок Василию Ивановичу понравился, ровный и достаточный большой. Под небольшим слоем дерна оказалась каменная плита, на которой оказалось очень удобно разместить кузницу: наковальню и переносной горн, разложить все необходимые инструменты. После этого застучали топоры, вся кузнецовская компания принялась валить лес, под руководством Василия Ивановича сложили две кучи для углежжения, сам же Василий Иванович отправился осматривать речку Терешкина, что бы наметить место для устройства водяной мельницы. Примерно в двадцати сажнях от кузницы он нашел на речке нужное место.

Поэтому когда приехал Петр Сергеевич с Фомой Васильевичем, кузница была готова к работе и было подобрано место для водяной мельницы, которое не вызвало никаких возражений у Петра Сергеевича. Фома Васильевич сразу же занялся глиной и через пару часов вся глина была им тщательно перетерта, железных шариков набралось почти ведро, которое тут же было изъято Василием Ивановичем. Дедушка Фома соорудил из камней небольшую ванну в которой и замочил глину.

Кузнецы колдовали над железными шариками полночи. Форма железных шариков была совершенно необычной, я хорошо помнил что, осколки Сихотэ-Алинского метеорита были совершенно неправильной формы, но чудны дела твои Господи. Качество сырья оказалось просто высочайшее, Василий Иванович был просто в восторге, он такого качества еще ни разу не видел. В процессе работы кому-то вспомнилось про мои слова о бритве и первое изделие нашей кузницы оказалась бритва для меня, которую на рассвете мне и доставили.

На заводской площадке кипела работа, когда я туда приехал. Поблагодарив за бритву Василия Ивановича, я объяснил ему какие лемех и нож нужны для сабана и решив, что сейчас самый главный и нужный участок работы у нас производство кирпичей, начал помогать дедушке Фоме. Первым делом мы сложили небольшую каменную печь для обжига кирпичей, благо камней на берегах Уса и реки Терешкина было предостаточно. Изнутри она была обмазана специально приготовленной дедушкой Фомой глинопесчаной смесью.

В последних лучах заходящего солнца я вернулся в Усинск. Кондрату я привез свежекюваные лемех и черенковый нож. Кондрат, остановив все работы кроме валки леса, к моему приезду изготовил подводу, один самый простейший сабан и шла работа над второй телегой. К утру Кондрат гарантировал изготовление второй подводы.

На рассвете следующего дня шесть мужиков на двух подводах поехали на Железное озеро. Главным был Трофим Рычков, который ходил в разведку с дедушкой Фомой и вчера то же был там с нами. Так что ему не надо было объяснять его задачу. Глину конечно можно было найти где-нибудь и поближе, но главным для нас было железо, а глина побочный продукт.

Отправив подводы, я поспешил к Никодиму Кучину. Никодим со своим братом Елисеем

колдовали над колесным плугом. Елисей был старше на три года, но во всех делах признавал первенство брата. Им помогали двое подростков, их старшие дети. Кто чей сын было видно сразу: Четырнадцатилетний Ефим был точной копией Никодима, только был еще немного поменьше родителя, пятнадцатилетний сын Елисея, Иван был ему по плечо, но производил впечатление гриба-боровика, твердо стоящего на земле. В плуг кучинская команда заканчивала запрягать пару лошадей. Рядом стояла запряженная телега для перевозки плуга и бороны. Кондрат справедливо рассудил, что еще одна телега нам не помещает и изготовил дополнительно еще одну.

Поздоровавшись со мной, Никодим объяснил свои действия:

— Мы, ваша светлость, сейчас сначала испытаем лошадей, как они еще вдвоем в упряжке пойдут. Елисей вчера по окрестностям походил, очень хорошую поляну присмотрел. Там, — Никодим показал рукой где, — за ручьем. Версты две будет. Лесок небольшой на берегу ручья. Поляна чистая, травку только надо скосить. Елисей говорит, там десятин двадцать будет. Да и дальше за леском почти степь, редкий березнячок местами. Лукерья Петровна говорит десятин сто надо поднять.

— Что-то она поскромничала, сто. Вот ты хлебороб, так?

— Так, ваша светлость.

— И скажи мне, друг Никодим, сколько нам надо десятин поднять, что бы на следующий год снять нужный урожай?

— Если считать что снимем четыре сама на круг, а это очень хорошо четыре сама, то надо самое малое под зиму, да по весне тысячу десятин засеять надо. Ведь еще и скотину, да птицу кормить надо. А совсем по-хорошему две надо.

— Ну вот, а ты сто говоришь. Если пятьсот десятин осилим в этом году, чудо будет. Перепахать то надо два раза надо, а по-хорошему три.

— Вы, ваша светлость, я гляжу в хлеборобном деле разбираетесь. А сеять то есть что?

— Не знаю. Лукерья Петровна должна сегодня сказать есть ли что.

— А ежели нет?

— На десятину нужно хотя бы шесть пудов. Гостей надо будет засылать к урянхайцам-тувинцам, да в Минусинск. Только товара пока нет.

— На две тысячи десятин надо ого-го. Страшно сказать. Мы с Елисеем, ваша светлость, будем пахать и пахать. Есть еще одна семья, с одной деревни мы. Там отец с сыном пахари знатные. Нам с Елисеем не уступят. Думаю десятин по сто мы поднимем. А вы светлые головы думайте, где семена брать.

Через час мы были в намеченном месте, на правом берегу Пospelова ручья, в том месте где он раздваивался. Правое русло уходило еще правее к Иджиму, а левое шло прямо, затем распадалось еще на два, затем еще и до Уса не доходило. Вот здесь то, в месте раздвоения ручья, Елисей и приглядел первый хороший участок под пашню.

Пока запрягали лошадей и готовились начать пахать, подъехал отец Филарет. Отслужив молебен, иеромонах благословил всех и пахари начали работу.

Мы с отцом Филаретом отошли в сторону. Сразу было видно, что братья Кучины землю пахать умеют. На их работу приятно было смотреть.

— Батюшка, братья Кучины староверцы?

— Да, ваша светлость, староверцы. И я иду против политики правительствующего Синода, но братья Кучины несколько дней назад приходили ко мне и спрашивали меня как им перейти в нашу церковь. Я вообще считаю политику Синода и властей по отношению к

староверцам порочной. Но здесь, я всё сам решаю.

Вернувшись в Усинск я решил заняться в первую очередь бумагой. Степан со своей компанией потрудились на славу. Маленькая шайка была заполнена однородной серой массой. Пока я был в поле, Степан сделал три формы для заливки бумаги и оборудовал рабочее место в нашей конторе. Как что делать я объяснил вечером, когда вернулся с завода.

На свежесколоченном рабочем столе стояла шайка с приготовленной пульпой. Рядом лежали три формы для заливки. На их изготовление Степан использовал последние запасы тонкой проволоки бывшие у Махановых. Рядом лежали пять старых полотенцев, по внешнему виду типа байковых, размерами больше рамок. В качестве пресса Степан решил использовать простой камень.

Мы быстро залили формы, примерно через полчаса лишняя вода из них стекла, полужидкие полуфабрикаты были аккуратно выложены на ткань. Каждый будущий лист бумаги перекрывался тканью, которая впитывала излишки воды. Сверху мы положили толстую деревянную чурку для окончательного удаления воды.

— Ну вот молодые люди, у нас должна получиться бумага. Когда вы увидите, что вода перестала отжиматься из листов, вы положите сверху еще камень. Потом можно еще один. Когда опять прекратится отжимание воды, вы аккуратно снимаете камни и деревяшку. После этого очень аккуратно отделяете полотенце от полученных листов, которые вы опять же очень аккуратно развешиваете в юрте для сушки. На солнце их сушить нельзя, они потрескаются. Когда листы высохнут их надо еще раз положить под пресс, чтобы они стали тоньше и ровнее. Пресс это камень. Всё понятно?

— Понятно, ваша светлость.

— Это первое задание. Теперь второе. Бумаги надо много. И для этого нужен цех бумагоделательный. Вечером, когда я приду принимать работу, вы должны мне доложить какие приспособления надо сделать для этого цеха. Вопросы есть?

Вопросов не последовало. Третьим пунктом моей программы на сегодня были занятия в госпитале. Осмотрев нашего пациента, я провел первое двухчасовое занятие с Евдокией и санитарями. Рассказывать все на пальцах еще тот номер, но выхода у меня не было, а каждый солдат должен понимать свой маневр. На первый раз я объяснил всем, что произошло с нашим раненым и что я сделал. Затем занятие по азам анатомии. И последний пункт — наш внутренний распорядок. К моему глубочайшему сожалению лишь один из санитаров оказался грамотным. И последним моим медицинским деянием на сегодня было распоряжение возобновить регулярные осмотры наших людей. Посоветовавшись, мы с Евдокией решили делать это два раза в неделю.

Остальной день прошел в инспекции швейки, бани и хозяйстве Кондрата, которое я стал для себя называть деревянным цехом. Остановив рубку леса и все прочие работы, Кондрат весь день занимался изготовлением подвод и сабана. И вечером, не без гордости, предъявил мне еще четыре новеньких подводы и полуготовый сабан, на котором не хватало лемеха и ножа.

— Отлично Кондрат. Завтра начинай снова лес валить. Только у меня небольшие изменения есть. Нам нужны дороги. Поэтому ты расчищай будущие улицы в обе стороны от Соборной площади, а потом дороги на завод и к Верхнему острогу. Пять человек оставь делать телеги и сабаны. Десяток на юрты и постройки надо начинать делать, — Кондрат молча кивает, вообще со мной чаще всего соглашаются, причем молча.

— Первым делом скотный двор: птичник, коровник, свинарник. Для овец пока навес.

Будки для собак. Потихоньку конюшню надо будет делать. Всё это пока будет общее. И конечно амбар. С Лукерьей всё вместе делай, не ругайтесь и не делитесь кто главнее, зима скоро, спешить надо, — услышав мой пассаж про Лукерью Кондрат заулыбался.

— С ней, ваша светлость, не поругаешься. Гром-баба. У неё рука знаете какая тяжелая. С мужиком её себе дороже было спорить, он как на кого глянет, того и гляди взглядом в землю вколотит. А на кулаках против него ни кто не выходил. Однажды быка кулаком убил. Он когда погиб, Лукерья чуть не рехнулась с горя. А потом глядим, а у нее взгляд как у её мужика стал и сила прям мужицкая появилась. Двух медведей она завалила без мужика уже.

К Лукерье я пожаловал ближе к вечеру.

— Чем порадуешь, Лукерья Петровна?

— Пудов двести под посев всего будет. Да еще пудов пятьсот на еду будет. В день десять пудов уходит на пропитание. И это не вдоволь. Ребяшня молодцы, много рыбы ловят. Такие мастера уже есть, любо-дорого. Скотину то же кормить надо. На одной траве передохнут. И нам амбар срочно нужен.

— Я Кондрату сказал. Завтра приступит. Только вместе все делайте. Через месяц — полтора шишки кедровые пойдут, легче станет.

На заходе солнца я приехал к пахарям. За первый день Кучины вспахали и проборонили больше десятины целины.

— Плуг неплохой получился, — Никодим похлопал по чепыге, рукоятке плуга. — Только вот лошадушек надо еще пару. Быстрее дело пойдет. Ну и зубья железные для бороны бы.

— Лошадей пару без проблем, зубья железные кузнецы сделают, дай время.

— Ваша светлость, сабана оставим или заберем?

— А сам как думаешь?

— Да чего таскать-то, что с ним будет-то?

— Медведь может поиграться.

— Но если только косолапый....

Команда Степана Гордеевича справилась с обеими задачами. Зайдя в юрту-контору, я увидел на натянутой веревке развешенные для сушки листы бумаги. И это были действительно листы бумаги. Конечно они были неровные, не достаточно гладкие и серые, но вполне годные для использования по прямому назначению. Доработать чуть-чуть и мы молодцы.

— Отлично, а теперь докладывайте, как нам это дело наладить.

Со второй поставленной задачей ребята то же справились. Они предложили в большом чане сечками измельчать сырье, затем перетирать его вручную в деревянной дисковой мельнице. Мельницу сделать из лиственницы, самого плотного дерева в наших краях. Затем бумажная пульпа настаивать до получения однородной массы. После этого ей наполняют рамку с сетками, а когда излишки субстанции постепенно стекнут в поддон, мокрый лист выкладывать на войлок и кипу таких листов отжимать ручным прессом. После сушки наши листы еще раз надо положить под пресс, чтобы они стали тоньше и ровнее.

Степан обсудил все с Кондратом и тот обещал сделать ребятам нужные чаны и деревянную дисковую мельницу. Вся загвоздка была в том, что сейчас это надо было делать полностью из дерева.

— Молодцы ребята, вы справились с моими поручениями на отлично. То, что получили

сегодня доделывайте. С завтрашнего дня начинайте делать свою фабрику, что не сможете сделать сами, просите помочь Кондрата. Но только то, что не сможете сами. У него дел и так по горло. А пока будете делать бумагу кустарным способом, как сегодня.

Поздним вечером в Усинск вернулись господа Маханов и Пантелеев. Матрена, наша с Ерофеем домработница, приготовила нам великолепный ужин. Жареный хариус, подосиновики в сметанном соусе были просто великолепны. Матрену порекомендовала нам Анна Петровна.

— Ерофей Кузьмич, не томите. Ждем вашего доклада.

— А почему я? Ваш доклад господин инженер для нас более значим. Что я? Всего лишь

...

— У вас обоих после ужина кровь не туда ударила, жаль бумаги нет, а то бы я вас сейчас обоих посадил бы писать отчет о проделанной работе.

— Понятно, ваша светлость. Приступаю к докладу. Вернулись мы большой компанией. Верхний острог можно строить в любом месте, где Иджим делает поворот в долину. Острог поставить на левом берегу, а Железное озеро будет почти напротив на правом. Так мы будем контролировать разработку на озере и дорогу к урянхайцам, но в этом плане есть большой недостаток. Пограничная тропа, идущая с севера не контролируется. Мимо этого острога можно незаметно пройти, — все, что Ерофей докладывал он показывал на карте.

— Что бы надежно контролировать эту тропу, острог надо ставить выше по Усу, там где он выходит в долину. Я про это место говорю еще и потому, что от этого места идти можно и по правому берегу Уса, а в этом месте мы будем видеть и эту тропу.

— Это, если не ошибаюсь, верст десять выше, — местность я знал не плохо и хорошо понимал о чем говорит капитан.

— Думаю около этого.

— Но ведь можно и немного пониже верст на пять.

— Я вижу ты, Григорий Иванович, места эти отлично знаешь.

— Немного знаю, но давно здесь не был, кое-что подзабыл. Потому и попросил тебя посмотреть свежим взглядом.

— Вот я и посмотрел. Если пониже, то тропа на другом берегу плохо просматривается. Волка ноги кормят. Я уже тут все тропы нашел и посмотрел. Хорошо наезженная торговая тропа начинается от Мирского острога и идет до Уса, до острога через горы она идет, как мы шли, но от острога есть и другой путь, севернее. А вот здесь, — капитан Пантелеев показал место на карте, — в Ус впадает река Таловка. И вдоль нее тоже идет торговая тропа. Эта тропа хуже той, по которой мы шли, особо не разбежишься. Помните развилку на Казыр-Суке? Мы пошли вправо по Табель-Суку, а влево по Казыр-Суку идет другая тропа. Вот я думаю на нее-то и выходят тропы, что по Таловке и ответвление у Мирского острога. Поэтому острог нужен и в устье Таловки, — конечно сейчас 18-ый век, но думаю что проложенные века назад тропы не изменились и Ерофей все доложил правильно.

— Теперь про наезженную торговую тропу. Она выходит к Усу, поворачивает против его течения и доходит до Таловки. Вверх по течению Таловки тропа буквально сразу никакая. Так вот у Таловки брод, Ус широкий и течение сильное, но перейти можно. Потом тропа идет к Иджиму и по его правому берегу дальше в края урянхайцев. Шишкин говорит хорошо наезженная дорога идет до большой поляны. На ней много болот и до Медвежьего перевала тропа намного хуже.

— Это что за Медвежий перевал? — в географии, которую я знал такого объекта не

было.

— Наши где медведя застрелили? Почти на перевале. Поэтому и Медвежий.

— А Шишкин до перевала доехал? — с перевалом все понятно стало.

— Да. И вот тут надо два острога ставить, один на перевале, другой на поляне, в том месте которое ты Семиозерками назвал. Там как раз Иджим после болот начинает теряться. Опять же, как ты и говорил. Этот отрог нужен не для обороны, а для порядка, урянхайцы решили, что до него им можно будет охотиться и там они хотят торговать с нами. Хотя Шишкин предполагает, что там еще одна тропа есть, от Семиозерок на север, — то же верно, молодцы мужики.

— Собственно мы так и договаривались с урянхайцами, кроме места торговли. Но с этим предложением можно согласиться. Как ты, Григорий Иванович, думаешь? — Петр Сергеевич вопросительно посмотрел на меня.

— Согласен, только вот острогов нам на севере получается целую кучу держать надо.

— Получается так, четыре или даже пять, — Ерофей развел руками. — Надо крепко думать над этим. А теперь слушайте про пограничную тропу. Она идет по правому берегу Уса, до брода торговой тропы. Переходит на левый берег и тут постоянной тропы нет, каждый раз казаки едут по разному, но почему-то ближе к хребту, как его ...

— Куртушибинсий.

— Ну и название скажу я тебе, ваша светлость, язык сломаешь. Так вот, доходят они всегда до Макаровки и спускаются вдоль нее к Усу. А затем идут вдоль него по левому берегу до Енисея. И насколько я знаю, обратно от Енисея в нашу сторону казаки не ходят. Так что здесь все проще, — Ерофей еще раз посмотрел на карту, поводил по ней палочкой, как бы проверяя все ли сказал.

— Теперь то, что мы сделали. Возле Железного озера мы все собрались в итоге. Вместе набрали глины и вернулись. И скажу я вам, еще пару ходок за глиной и дорога считай наезжена. А теперь, господа хорошие, если у вас ко мне нет вопросов, разрешите откланяться, я иду отдыхать. Всецело на вас полагаюсь и заранее со всеми вашими решениями согласен.

Весь вечер я ждал какого-то сюрприза и когда Ерофей направился к выходу из юрты, я почти физически ощутил: вот сейчас!

— Господа, я же забыл сказать самое главное, — естественно ему все поверили, что он забыл. — В ближайшее воскресение отец Филарет нас обвенчает! Прошу вас, уважаемый Петр Сергеевич, быть моим посаженным отцом. Вас, ваша светлость, прошу быть моим шафером.

После этого капитан Пантелеев церемониально откланялся и действительно удалился отдыхать.

— Озадачил нас конечно Ерофей, озадачил! — притворно удивился Петр Сергеевич.

— Что вы имеете в виду? Его доклад или? — я решил поддержать его.

— Доклад конечно. По поводу или, я все не мог понять, что они тянут. Мне хотелось ему ответить, наконец-то!

— Ну, что же, тогда займемся делом. Я, Петр Сергеевич, откровенно тоже, не ожидал такого расклада на северных рубежах, — уже серьезно продолжил я.

— Задача получается не из простых, надежно с той стороны прикрыться. Явно одним десятком нам там не справиться, — Петр Сергеевич счел положение серьезным.

— Я не думаю, что с этим будут большие проблемы, пока никаких опасностей не предвидится. А там скоро зима, ни кто сюда не сунется до весны, — по своему опыту я знал, что зимой в наших местах горы чаще всего не проходимы.

— А как же утверждение, что хан Джучи в 1218 году спустившись по Усинской долине до Енисея, по льду дошёл до Минусинской котловины и жестоко подавил восстание против монголов? — живо спросил Петр Сергеевич, повернув меня в изумление своей осведомленностью.

— А кто вам это рассказал? — поинтересовался я.

— Отец Филарет, — так интересно, кто такой отец Филарет, откуда у него такая информация.

— Интересно, откуда у него такая информация? — ответа на свой вопрос я не ожидал получить, спросил ради проформы.

— Сие мне не ведомо, — господин инженер развел руками.

— Я в это не очень верю. Не представляю, как через заснеженные перевалы зимой, сюда шла большая армия, — про эту легенду я тоже слышал, но совершенно не верил в неё. — Монголов было несколько тысяч. Самое маленькое тумен или тьма, как говорили на Руси. А это десять тысяч. Шли они со стороны Монголии, а оттуда одна дорога, через Медвежий перевал. Если твоя цель Минусинская котловина, иди проще по льду Енисея, сюда зачем заходить?

— Да это собственно бесплодная дискуссия. Давайте лучше о хлебе насущном, — предложил Петр Сергеевич. — Наши мастера сегодня сделали два больших навеса, один над кузницей, другой над кирпичным заводом. Фома Васильевич говорит через пару дней он сможет приступить к производству кирпича.

— Если он хорошо разбирается в этом деле, то главное была бы глина, — сказал я в общем-то прописную истину.

— Дедушка Фома большой специалист по кирпичному делу да и по всяким печам. Просто редкостный. В нашей округе самый лучший был. На пустом месте с голыми руками умеет кирпичи делать.

— Тогда, Петр Сергеевич, у нас все будет, дай время.

— Я в этом не сомневаюсь, — согласился со мной Петр Сергеевич. — Но если серьезно, то через месяц у нас будет первый кирпич хорошего качества. И мы сможем начать класть первые печи. А для водяного колеса уже начали подготовительные работы.

Кирпичное дело и водяное колесо это конечно огромное дело, но меня в первую очередь

интересовало другое.

— Петр Сергеевич, мы это потом обсудим, — остановил я господина инженера. — Меня сейчас другое интересует. Я вам сейчас нарисую схемы станка и машины, которые нам надо сделать в первую очередь. А вы скажите что, вы думаете по этому поводу. У нас есть циркули, линейки, толстомер, транспортир, угольники, чертежное перо и резцы. Жалко бумага Степана еще не высохла, на одном листе сложно все нарисовать, — тут я схитрил, на сто процентов я был уверен, что у господина инженера есть в загашнике хотя бы пара листов и примитивные карандаши или например «парижский карандаш» из смеси белой глины и черной сажи, его еще называли «соусом». Им до сих пор рисуют в 21 веке некоторые художники-графики.

Петр Сергеевич мою хитрость раскусил и с улыбкой достал из под замка два листа и «парижский карандаш».

Через полчаса я нарисовал схему универсального токарного станка Генри Модсли образца 1798 года. Процесс рисования сопровождался моими подробными пояснениями. Я несчетное количество раз мысленно помянул добрым словом своих учеников, которые в свое время не понимали элементарных, на мой взгляд вещей и мне приходилось их объяснять долго и упорно.

Петр Сергеевич, надо отдать ему должное, оказался грамотным инженером и достаточно быстро разобрался в моей идеи. Выслушав меня, он долго разглядывал мой примитивный чертеж, даже пару раз низко склонялся на листом бумаги, как бы определяя на них нарисованное.

— Всё это в идеале должно быть в металле? — уточнил он.

— Да.

— Привод ножной или от водяного колеса. Или от огненной машины Ползунова. Вы её назвали паровой? — господин инженер вопросительно посмотрел на меня.

— Да. Сейчас я нарисую более совершенную схему английского механика Джеймса Уатта.

На другом листе я нарисовал паровую машину двойного действия Уатта с центробежным регулятором, кривошипно-шатунным механизмом и маховиком.

— Я знаю про машину Уатта, — неожиданно сказал Петр Сергеевич. — На заводе я служил с 1773 года. До этого в Петербурге и на Сестрорецком заводе, полгода был в Англии. На Урале я оказался после ссоры с Григорием Орловым, — в голосе господина инженера появилась горечь. — К сожалению мне не удалось спасти свои книги, а память иногда подводит. Но я помню что читал, кажется во французской газете, что инженер Кунью в 1769 году соорудил “паровую телегу” для перевозки артиллерийских орудий. Подробности уже не помню — развел руками Петр Сергеевич.

— Отлично, тогда вы должны понимать все перспективы паровой машины, — подытожил я.

— Что бы она работала как должно, необходимо добиться высокой точности её деталей, — задумчиво сказал господин инженер.

— Да. И поэтому я начал со станка. Он позволит нам получать необходимое качество деталей.

Наше техническое совещание длилось до полуночи и было пресечено вмешательством Анны Петровны.

Несмотря на предстоящие изменения семейного положения, следующим ранним утром

капитан Пантелеев отправился с одним из своих десятков к Железному озеру. Восемь гвардейцев ехали со своими семьями. Мы решили напротив, на правом берегу Иджима поставить основной Северный острог, а тропы пока контролировать гвардейскими разъездами. Вместе с гвардейцами отправились шесть семей во главе с Трофимом Рычковым. Гвардейская станица рядом с острогом должна стать и заводским поселок: разработку Железного озера мы решили вести на месте. Добывать глину, сортировать её, со временем наладить кирпичное производство, если конечно Фома Васильевич справится со своей задачей. На завод провозить уже отсортированную глину и железное сырьё. Старшим всего этого предприятия Ерофей предложил назначить Шишкина.

— Ерофей Кузьмич, а не жалко такого помощника на Севера отсылать? — спросил я.

— Не то слово, ваша светлость! — огорчение капитана было совершенно искреннее. — Но там же нужен надежный человек, да и пара ему самостоятельным делом заняться. Я из разговора с ним понял, что он и сам туда не против. Только вот я не пойму, зачем огород городить и делать там кирпичи.

— Мы с Петром Сергеевичем так рассудили, — пояснил я. — Удастся наладить там кирпичное производство, начнем острог из кирпича строить. Да и торговать им можно будет.

— Ежели так, тогда согласен, — капитан покачал головой. — У меня мозги немного в другую сторону повернуты. Григорий Иванович, а где Ванча? Я что-то его не видел вчера.

— Он денно и ночью рыщет по окрестностям, всё тут изучает. А когда я ему рассказал про арбалет, он вообще покой потерял, — улыбнулся я, — Сейчас ищет хороший материал для луков. Ему нужна древесина, роговые вставки, жилы для тетивы и животный клей.

— Это для меня темный лес, я тут полный профан, — развел руками Ерофей.

Проводив капитана Пантелеева, я поспешил в наш храм. После окончания службы отец Филарет пригласил меня в свою юрту, которую он разделял со своими помощниками.

— Мне почему-то кажется, что вы, Григорий Иванович, не просто так сегодня пришли в храм. Вы у меня желаете узнать что-то очень для вас важное, — иеромонах с вопросительным прищуром посмотрел на меня.

Неожиданно для себя я обратился к отцу Филарету строго официально:

— Да, Ваше Преподобие.

— Я расскажу вам, ваша светлость, о себе, — медленно начал говорить священник. — Мне сорок пять лет. Сорок лет назад подобрали меня умирающего от голода в лесу около Троице-Сергиева монастыря. О себе знаю, что я крестьянского сословия. В обители я вырос и другого пути для себя не представлял и не желал. В двадцать лет стал монахом, — отец Филарет сделал паузу. Потом грустно улыбнулся и продолжил.

— Десять лет назад я заснул и проспал целый месяц, дух мой много где побывал, в прошлом и в будущем то же, — иеромонах внезапно посмотрел мне в лицо широко открытыми глазами. Он уже не улыбался.

— Когда проснулся, меня призвал один очень старый монах. Он сказал, что я должен получить благословение и уйти из монастыря в Сибирь. Там я встречу человека, которому должен буду всемерно помогать, — отец Филарет опять грустно улыбнулся. — Еще старец сказал, что я получу дар управлять погодой, но злоупотреблять этим мне не стоит. Очень много сил это отнимает. Но сейчас еще на месяц меня хватит, а потом я целый год буду лечить себя.

Рассказ отца Филарета меня не просто обрадовал, а очень даже. Я с трепетом в душе

ждал дождей. Хотя товарищ Нострадамус никаких плохих знаков мне не подавал.

В замечательном расположении духа я направился к Лукерье Петровне. Увидев меня, она без раскачки решила взять быка за рога.

— Ваша светлость, у меня предложение, — опасаясь видимо, что я не дам ей договорить Лукерья непривычно затараторила. — Не надо вам разрываться на части. Мы с Кондратом и Анной Петровной знаем, что надо делать здесь в Усинске. Степка будет вам все докладывать, что и как. А вы с Петром Сергеевичем занимайтесь на заводе. Я думаю это самое важное для нас.

— Заманчивое предложение, честно говоря, — покачал я головой. — В том, что вы справитесь здесь, я нисколько не сомневаюсь. Тут все ясно и просто. Но у меня здесь еще одно ежедневное дело, занятия лекарским делом с Евдокией и другими. Правда занятия без бумаги полная чушь. Поэтому я вас я вот еще о чем попрошу, — Степан вызывал у меня доверие, но он еще в общем-то ребенок. Да и недаром говорят, доверяй, но проверяй.

— Вы под свой контроль возьмите Степана Иванова с компанией. Я им объяснил, как бумагу делать, но контроль и помощь не помешает. А пока раз в два дня мне по любому надо здесь быть. Соответственно и занятия будут так же, — подвел я итог нашей беседе.

Перед отъездом на завод мы с Петром Сергеевичем зашли на нашу швейную фабрику. Во время беседы с Лукерьей мне пришла с голову интересная идея и я сразу же решил её осуществить.

— Анна Петровна, у меня к вам одна просьба. Вы тут я смотрю, уже всё наладили, — я внимательно все оглядел. — По крайней мере ежеминутный контроль не требуется. Поэтому возьмите в свои руки еще одно важное дело. У нас куча неграмотных. В том числе мои помощники в госпитале, да и Лукерья с Кондратом по большому счету тоже. А в госпитале позарез как мне нужны грамотные помощники, — покачал я головой. — Попробуйте с отцом Филаретом организовать их обучение грамоте и письму.

Всю дорогу до завода мы с Петром Сергеевичем обсуждали, что и как нам делать. Работа на заводе в буквальном смысле кипела. Дедушка Фома с нашим кузнецом Василием Ивановичем образовали мощную организационно-техническую коалицию. Они быстро нашли общий язык и уже понимали друг друга с полуслова.

Фоме Васильевичу сразу же понравилось качество привезенной глины. Он уверенно заявил нам с Петром Сергеевичем, что ему из этой глины удастся получить качественный огнеупорный кирпич. И вот к нашему приезду было закончено получение первой партии шамота. Для этого в нашей примитивной печи больше суток обжигалась глина древесным углем, полученным в наших кучах углежжения. Фома Васильевич со своими помощниками был занят дробления полученного шамота в порошок.

— Фома Васильевич, какие наши успехи? — с нетерпением спросил я.

— Мы, ваша светлость, вчера почти целый день с Ванчей по окрестностям шныряли. Много интересного нашли, правда по чуть-чуть, — дедушка Фома руками показал сколько. — Но теперь я вам точно говорю, к осени у нас будет достаточно всякого нужного кирпича и простого и огнеупорного. Ну и всяких штук из глины.

— А где он сейчас? — мне хотелось увидеть Ванчу.

— Да кто же его знает, он с утра ушел к хребту. Хочет он все тропы в Урянхайские края разведать. Мне не понравилось, что он один по горам да лесам ходит. Хорошо тут у нас был один из ерофеевских следопытов, — голос старика изменился, в нем появились непривычные нотки. — Я, Григорий Иванович, ты уж не обессудь, власть употребил. Я же

член нашего Совета. Так вот, запретил я Ванче одному ходить, — извиняться Фома Васильевич перестал и заговорил более привычно по-командирски. — Снарядил с ним следопыта нашего и одного из своих ребят.

— Вы, Фома Васильевич, совершенно правильно решили, — одобрил я его решение. — Как он появиться пред нашими светлыми очами, мы ему сделаем внушение.

— Сделайте обязательно, ваша светлость. Очень он бухтел на меня, — проворчал дедушка Фома.

— Помниться, говорили вы мне Фома Васильевич, — сменил я тему, — что знакомы со стекольным делом. Есть у нас шанс попробовать получить стекло?

— Мы когда шли по Алтаю, к нам прибился один мужичёнка. Вернее даже не прибился, а подобрали мы его зимой в степи, — как-то издалека начал Фома Васильевич. — Он был не один такой, бедолага. У него вся спина была так исписана, — старик покачал головой. — Я, как и все, сначала думал, немой он. Потом он стал говорить. Но только да, нет. А о себе сказал, что он Макаров Яков и лет ему тридцать. Отец Филарет сказал мне, что бы я взял его к себе и не наседаю на него. Придет время, он сам все расскажет.

— Рассказал? — с нетерпением спросил я. Уж очень издалека зашел дедушка Фома.

— Рассказал, вчера утром и рассказал. Был Яков Иванович Макаров подмастерьем Барнаульского стекольного завода. Вы про порядки на казенных заводах наслышаны? — Фома Васильевич вопросительно посмотрел на меня.

Я молча кивнул.

— Так вот, на Барнаульском заводе несколько лет до этого был ученый немец Лаксман, его по-русски кликали Кири́лл Гу́ставович.

У меня аж дух перехватило, про российского учёного и путешественника шведского происхождения академика Эрика Гу́става Ла́ксмана я очень хорошо знал.

— Яков с малолетства грамотный был, Кири́лл Гу́ставович его сразу приметил. И стал наш Яша помощником и учеником господина Ла́ксмана. С ним объездил весь Алтай и пол Сибири. Когда Кири́лл Гу́ставович в Петербург вернулся, Яков с ним уехал.

Дедушка Фома замолчал, горестно вздохнул.

— Понесла его нелегкая на Колывань в аккурат во времена возмущения Петра Федоровича. Благодетелем Кирилла Гу́ставовича в Барнауле был главный командир Колыванских заводов Порошин Андрей Иванович, — про эту историческую личность я то же знал. — Но его на Алтае давно уже не было. А завистников у нашего ученого немца было не счесть. Вот и стал Яков беглым подмастерьем Барнаульского стекольного завода. Хорошо хоть до смерти не заporоли, да ноздри целы оказались, — Фома Васильевич потрогал свои ноздри, как бы проверяя их целостность. — Оклемаюся он и действительно в бега подался. К нам попал. Почему молчал столько времени, не сказал. Говоруном его конечно не назовешь, но вполне нормально стал разговаривать после нашей утренней беседы.

— И что, очень в стекольном деле разбирается? — спросил я.

— Не то слово. Если бы только в одном стекольном деле. Я его вчера с собой взял, когда мы с Ванчей по окрестностям гуляли. Он в науках силен, думаю тебе, Григорий Иванович, да Петру Сергеевичу, с ним будет интересно беседовать, — Фома Васильевич потряс головой — Только аккуратно с ним надо, душа у него болит.

— Это черноволосый молчун, который всегда с тобой ходит? — уточнил я.

— Именно так, ваша светлость.

Еще бы несколько дней назад плавные и гладкие рассказы Фомы Васильевича удивляли

меня, но пару дней назад я увидел библиотеку Петра Сергеевича. Заметив моё изумление, он спросил меня:

— А отгадайте, кто кроме меня и моей жены прочитал все эти книги? Кроме отца Филарета естественно.

Поразмыслив немного, я пришел к единственному умозаключению:

— Неужели дедушка Фома?

— Да, Григорий Иванович, именно так, — Петр Сергеевич развел руками. — Говорить он уже практически не может, а вот читать на немецком не разучился. И на французском.

Якова Макарова я до этого видел много раз, но не мог вспомнить, как он выглядит. Совершенно непримечательная внешность, как говориться, глазу не за что зацепиться. Сейчас же передо мной стоял среднего роста мужчина, черноволосый, в отличие от многих наших людей волосы и борода аккуратно подстрижены, живые и очень умные глаза.

— Яков Иванович, вы в стекольном деле хорошо разбираетесь? — спросил я.

— Думаю, что да.

— Скажите, пожалуйста, у нас есть шансы наладить производство стекла?

— Да, ваша светлость, — коротко и ясно.

— Почему вы не попытались вернуться в Петербург? — я решил выяснить некоторые неприятные моменты сразу же.

— Я не знаю, почему со мною так обошлись в Барнауле, несмотря на мои бумаги. Я ведь не совершал побега, — Яков покачал головой, как бы усиливая свой ответ. — Когда я очнулся после экзекуции в темнице, мне популярно объяснили мои шансы на жизнь. Совершенно неожиданно для моих доброжелателей я не умер. Тогда меня ночью во время метели вывезли в степь и бросили замерзать, — он помолчал и закончил. — Поэтому я остался в отряде.

— А почему так долго молчали кто вы?

— Позвольте мне не отвечать на этот вопрос, — я кивнул. — Поверьте, я сейчас искренне хочу быть полезным своим спасителям и вам лично.

— Хорошо, давайте о деле.

— Мне далеко до Кирилла Густавовича, но кой-какие познания у меня есть, — Яков прищурился, как бы собираясь с мыслями. — По результатам вчерашней разведки с Фомой Васильевичем и Ванчей могу сказать, что здесь возможно есть золото. Саяны продолжение Алтая и по мелочам здесь много чего должно быть, — молодец, ни чего не скажешь. — Нам этих мелочей вполне хватит на первое время. Кирилл Густавович разрабатывал новую технологию получения стекла без использования поташа. Вместо него глауберова соль. Я нашел остатки небольшого высохшего соляного озера, там есть и поваренная соль и глауберова.

— Какой у вас конкретный план? — начало мне понравилось, что будет дальше.

— Фома Васильевич строит кирпичный завод. Он представляет, что такое стекольное производство. Я ему объяснил, какая нужна стекольная печь, — Яков говорил медленно как-бы по пунктам. — Он её построит из камней, просто и примитивно, но будет работать. Рядом с печью оборудуем рабочее место стеклодува. Заводской кузнец Феррапонт Пучков сказал мне, что он сделает весь металлический инструмент и стекловыдувные трубки. Глинянный и деревянный инструмент я сделаю сам, — закончил как гвоздь заколотил.

— А скажите-ка мне, любезнейший Яков Иванович, есть ли в нашей долине каменный уголь? — продолжил я расспросы.

— Должен вас разочаровать, ни каменного, ни бурого угля я не нашел, — с огорчением ответил Яков. — Но Ванча прожил среди русских пять лет и приобрел некоторые знания в горном деле. Он подробно расспросил гостей из Урянхая. Там каменный уголь есть. Я думаю и у нас он может быть. Но не здесь, а южнее в предгорьях хребта, — Яков показал в сторону Куртушибинского хребта. — Надо будет организовать несколько экспедиций для исследования долины.

Я естественно согласился с таким предложением. Вскоре к нашему совещанию присоединились все заинтересованные лица: Петр Сергеевич, дедушка Фома и кузнецы Василий Иванович Кузнецов и Ферапонт Пучков. Через несколько часов был разработан план создания стекольного производства. Наши кузнецы, не откладывая этого дела в долгий ящик, тут же начали оборудование стеклодувной мастерской рядом со своей кузницей.

Закончив стекольное совещание, мы с Петром Сергеевичем принялись осматривать наш строящийся завод. План был возвести крышу на деревянных опорах, затем деревянные стены. Всё под одной крышей. Василий Иванович только начал показывать выполненные работы как на взмыленной лошади прискакал посыльный из Усинска.

Гвардейцы Мирского острога заметили каких-то людей, медленно идущих по тропе по нашим следам, а капитан Пантелеев нос к носу столкнулся с пограничным разъездом на выходе пограничной тропы в долину.

— Фома Васильевич, Ванча сегодня должен вернуться?

— Должен, ваша светлость. Мы с ним договорились о сигнале срочного возвращения, цветной дым.

— Зажигайте, он мне нужен срочно, — распорядился я.

Ванча появился через полчаса, он оказывается и так уже возвращался. Ожидая его, я переговорил с кузнецами. Сейчас меня больше всего интересовал вопрос нашей боеготовности.

— Всё что могли, сделали: пушки, ружья и вообще все оружие отремонтировали, для Ванчи пятьдесят наконечников приготовили, — доложили кузнецы.

Через два часа я с Ванчей был в Усинске. Там меня ждал лейтенант Шишкин с двумя десятками гвардейцев готовых к маршу.

— Докладывайте, лейтенант.

— Разъезды Мирского острога посещают сторожевой пост на хребте каждые три дня. Чаще нет необходимости. Два дня назад разъезду показалось какое-то движение на тропе, по которой мы шли, — Шишкин докладывал четко и быстро. — Вечером разъезд отправил посыльного в острог и выдвинулся по тропе на разведку. По тропе идут человек сто пятьдесят: мужики и бабы с детьми. Один из наших гвардейцев с Волги, говорит мордва это какая-то. Оружия у них нет, лошадей то же, по всему сильно бедствуют. Нашу разведку не обнаружили.

— Понятно. А на Иджиме что? — встреча с пограничным разъездом волновала меня намного больше.

— Только мы подошли к месту, где тропа через брод на Усе идет, как из леса выезжают казаки, пограничный разъезд. Помните парламентаря на Большом пороге? — я молча кивнул. — Так вот, он теперь старший урядник. У казаков большая нехватка людей, особенно командиров. Поэтому разъезд всего десяток. Обычно не меньше пятнадцати. Мы друг друга сразу признали. Ус казаки переходить не стали. Хотят поговорить с вами, сказали крови не хотят.

— Почему со мной, а не с капитаном? — как говориться интересное кино.

— Урядник сказал, что у него полномочия договориться с нами и он хочет беседовать с нашим атаманом, — усмехнувшись ответил Шишкин.

— А что капитан на атамана не тянет? — удивился я.

— Урядник не дурак. Он вас еще там, у порога приметил, даже спросил, как к вам обращаться.

— Сам что думаешь? — я решение принял сразу, но мнение лейтенанта мне надо было

знать.

— На Мирском сержантом Василий Пуля. Он башковитый по жизни и в ратном деле не промах. Справиться если что. Острог более-менее они построили и две пушки есть. С казачьим разъездом сначала надо решать.

На восходе солнца следующего дня, я с Шишкиным и Ванчей выехали из леса напротив брода через Ус. Капитан Пантелеев с тремя гвардейскими десятками скрытно расположился сзади нас в лесу с двумя заряженными пушками и четырьмя штуцерами. Казачий разъезд расположился на большой поляне метрах в двухстах выше по течению. Около брода у небольшого костра дежурили два казака. Завидев нас, они вскочили и поскакали к своему лагерю. Там нас тоже заметили и все казаки, не мешкая, направились к броду.

Я это оценил как хороший знак, хотя надо сказать никаких плохих предчувствий у меня не было. Товарищ Настродамус молчал.

Казачий разъезд, подъехав к броду, спешился и урядник в одиночку стал переходить Ус. Брод здесь был довольно глубокий, не меньше метра, шириною с добрую сотню, да и течение не отличалось спокойствием. Но урядник сразу видно человек был десятка не робкого, сильная и хорошо обученная лошадь достаточно легко преодолела брод.

Подъехав метров на десять, урядник снял свою папаху:

— Здравия желаю, ваша светлость! — добрый знак, что светлостью назвал.

— Здравствуй, урядник.

— Ваша светлость, я один на один хочу говорить, — попросил казак.

Шишкин и Ванча по моему знаку отъехали метров на тридцать к лесу, шум реки на таком расстоянии уже заглушал речь.

— Поход вашего отряда тут все перевернул, — урядник говорить начал сразу, только мои спутники начали отъезжать. — Здесь не Россия. Во всем Красноярском уезде казаков меньше, чем вас. Каким-то чудом вы тихо дошли почти до Барнаула, проводники у вас видать были хорошие. А потом вы решили освободить своих сообщников и стали нападать на заводы. После этого вас стали преследовать казаки и отряды заводского батальона. Надо было быстро уходить, а у вас раздоры начались. Нам на подмогу даже солдатская команда из Омской крепости подоспела. Командовать всем этим войском командующий Кольванской линии поставил целого полковника. Если бы не проворовавшийся премьер-майор Омской команды, вас бы перебили на Большом пороге.

Вот что я не ожидал услышать от урядника, так это рассказа о походе отряда по Алтаю. Хотя эта информация для меня была очень ценной и я слушал рассказ очень внимательно.

— Из-за побега капитана Пантелеева, Омская команда осталась на месте и вы смогли переправиться через Енисей. А там против вас оказалась сборная сотня со всего уезда, да нас полтора десятка. Мы успели переправиться через Енисей ниже порога. Почти все казаки и заводские отряды, преследовавшие вас до Енисея, занялись теми, кто от вас откололся, никто из них не ушел, — я никого не знал из ушедших, да и отзывались о них в отряде не добро, но как-то горько было слышать о их гибели.

— А вам удалось уйти. Красноярские казаки, да и командиры у нас, воины еще те оказались. После двух боев я старшим остался. Мои казачки проследили, — тут он мне Америку не открыл, Ерофей их засек на тропе, — как вы в тайгу по тропе ушли и я решил вернуться в Саянский острог. А там нас уже ждали, — урядник сделал паузу, огладил бороду и дернул плечами.

— После нашего возвращения в острог было следствие. Допросили всех, некоторых с

особым пристрастием. Меня бить не стали. Недельку сидел в погребке на одной воде, один раз краюху хлеба дали. Потом меня привели к какому-то старику, весь седой, худой как щепка, — опять пауза и дальше урядник стал говорить медленно тщательно подбирая слова. — Он мне говорит: расскажи, как все было и про капитана Пантелеева тоже. А голос тихий такой, только от него холодный пот прошибает. Я как на духу ему все рассказал. Старик меня выслушал и говорит, воры, казнокрады и дураки поехали в Петербург в железах, — казак усмехнулся. — Но капитан Пантелеев все равно преступник. Бывший бергмейстер Маханов и монах тоже. Тот неведомый, который был с Пантелеевым, вдвойне, потому что мы не знаем кто он.

Урядник замолчал, но я видел и чувствовал, что он еще не всё сказал, а самое главное, слушая урядника, я начинал чувствовать, как моего собеседника начинает захлестывать какая-то звериная ненависть к тем, кому он служит.

— Я вижу, урядник, ты тех, кому служишь, любишь как собака палку. Дай тебе волю, ты их всех на пики поднимешь, — специально жестко сказал я.

Урядник низко склонил голову, буря в его душе стала стихать. После паузы урядник продолжил:

— Ты, говорит он мне, поедешь старшим пограничного караула. Если они ушли на Ус, то найдешь их там и поговоришь с ними. Пантелеев говорит, не дурак и знает, что у нас сил мало, особенно сейчас, — Ерофей молодец и правда не дурак. — Не дай Бог китайцы или опять какие-нибудь джунгары там полезут. Так вот, ваша светлость, если вы закроете проход через долину непрошеным гостям с юга, то вас трогать не будут. А если через два года будете платить дань, — урядник замолчал, несколько секунд смотрел мне прямо в глаза, — четверть пуда золота, то и простят. Караулов в этом году больше не будет, на следующий год караул поедет, как только снег сойдет. С ним передадите окончательный ответ.

Урядник опять замолчал. На этот раз он молчал намного дольше.

— Если я с вами не договорюсь, меня ждет нерчинская каторга, — теперь урядник говорил как-то обреченно, явно не надеясь на свой успех. — А ежели договорюсь и узнаю, кто ты князь, то отпустят меня с семьей на Дон. Я, ваша светлость, из донских казаков. И чин хорунжего мне обещан.

— А что будет, если я скажу нет?

— Империя найдет управу, — скривился урядник. — В покое вас не оставят.

— Как тебя звать?

— Панкрат Рыжов. Годов мне двадцать пять. Я из донских казаков. Отец мой перешел дорогу сыну войскового старшины. Первая красавица станицы отца предпочла. Мать моя в родах умерла, — казак улыбнулся доброй детской улыбкой. — У меня есть сестра, она старше меня на год. Мой дед в Персидском походе спас гвардейского офицера. Его дочь Наталья Петровна стала крестной моей матушки. Отец нас с сестрой к ней отправил, когда в поход уходил и погиб при Гросс-Егерсдорфе. Наталья Петровна стала нам вместо матери, — казак говорил так, как говорят о матери, видно было что ту женщину он любил сыновьей любовью. — Грамоте и письму обучила. Сестру она выдала за своего племянника. А я в восемнадцать на Дон вернулся.

Панкрат опять замолчал, я видел, как трудно ему дается рассказ о себе.

— Да только вот не знал я, что за отца мне мстить будут. Я на войне с турками побывал и меня за мои заслуги два года назад записали в одну из сотен, которые отрядили охранять бунтовщиков, когда их в Сибирь погнали. В урядники правда произвели, — Панкрат

ухмыльнулся, покрутил головой. — Когда сотня отправилась обратно на тихий Дон, наш хорунжий с полусотней остался здесь. И я в их числе. Здесь я уже полтора года, в пограничные караулы два раза ходил. По пьянке хорунжий сказал, что не судьба мне из Сибири вернуться. Посоветовал жениться.

— Женился? — спросил я.

— Три месяца назад.

— А жена кто? — у меня появилось предчувствие, что казак этот не просто нарисовался.

— Дочь маркшейдера Колыванских заводов. Когда мы пригнали каторжных, она подошла к ним воды дать. Наш хорунжий на неё плетью замахнулся, — урядник гортанно хохотнул, с разу видно ситуацию ту ему было вспоминать приятно. — Так она плеть перехватила и с лошади его сбросила. Лихие казаки у нас будут. Она же мне сразу приглянулась, — Панкрат стал похож на кота облизывающегося перед сметаной. — А тут я к ним на завод по делу приехал, но и шутейно замуж её позвал, а она в ответ говорит, сватов засылай.

— Хорошо. Ответ я тебе сейчас дам, — теперь паузу сделал я. — Если нам не будут палки в колеса ставить, то границу мы через год закроем. Я, князь Григорий Крылов. Золото через два года будет. Только одно условие будет: тем, кто к нам идти будет — не препятствовать. Такой ответ устраивает?

— Устраивает, — урядник кивнул и продолжил про другое. — У нас было два хорунжих. Наш и хорунжий с Красноярска. Он тоже из донских. Когда мы в вашу засаду попали, наш хорунжий с одним казаком берегом Енисея уходить стали. Убитых казака и хорунжего мы на берегу нашли. Горевать по хорунжему никто не стал. Хорунжий этот из яицких был. Поговаривали, что бунтовщики всю его семью порешили. Правда или нет, не знаю, но слышал, как он говорил, что один как перст на земле. У нас этот хорунжий был с полгода. Слава за ним плохая шла, зверствовал очень, когда каторжных гнали. Звали его Игнат Пчелка, — мне было не понятно зачем он все это рассказывает.

— Внешне ты чем-то похож на этого хорунжего. Но он заикался и голос у него был тихенький, дребезжащий, да и трусоват он был. Да и в бою ты, когда заколол красноярского хорунжего, такой фокус показал, никто такого не видывал и не слыхивал, — плавный переход и дальше ход дальнейшей мысли казака мне все понятен. — Капитана Пантелеева солдаты и казаки очень уважали. Его добрая слава перед ним шла. И если он твое старшинство признал, значит, ты люб ему и заслуживаешь этого. А я, ваша светлость, и доброе и злое, хорошо помню.

Урядник замолчал. Я, как говориться на все сто, был уверен, что он задумал присоединиться к нам, поэтому и был столь откровенен и многословен. Кстати, переодеть его и не поймешь, что перед тобой казак стоит. Нашего казака не только научили грамоте и счету, но еще и дали ему приличное образование и личность его была, как поговаривали мои знакомые сидельцы, было обезображена интеллектом. А столь откровенен урядник по очень простой причине, задумал он к нам уйти.

Я повернулся и подал условный сигнал. Ко мне тут же подъехал капитан Пантелеев. За ним следом из леса выехали четыре гвардейцы. Я пересказал Ерофею сделанное нам предложение и спросил:

— Ну как Ерофей Кузьмич, согласен с моим решением?

Ерофей внимательно посмотрел мне в глаза. Я просто почувствовал его немой вопрос,

где мы возьмем золото? Через несколько секунд он улыбнулся и ответил мне:

— Согласен, — а в глазах капитана я прочитал дополнение: «Я тебе верю, князь!»

Урядник кашлянул, привлекая наше внимание:

— По вашим следам семей двадцать идет. Они с Волги, человек сто пятьдесят. Какой-то граф, там в России, за Уралом, — урядник пальцем показал где там, — задолжал одному купцу, фамилия его Соболевский, кучу денег. Ну и расплатился своими крепостными. А купец этот со своими сотоварищами решил построить в нерчинских краях, точно не знаю, но где-то там, завод какой-то. Что у них, что здесь, рабочих рук на заводах не хватает. В Иркутске и дальше вообще беда. Так вот этот купец и решил пригнать с России крестьян на свой завод. Гнали их как каторжан. Енисей они перешли и ночью порешили и купца и охрану. Кто-то им рассказал про вас и они пошли от Большого порога по вашим следам по тропе, — надо полагать Панкрат рассказывает нам о тех, кого обнаружил сержант Пуля.

— Тропа эта раньше была хорошохоженным торговым путем. Да вот когда китайцы с джунгарами воевали, торговли здесь не было, караваны не ходили, нашим караулам по тропе ходить было не с руки. Вот она пришла в негодность и заросла. А вы дорожку проложили неплохую. Так что идут они шибко и скоро у вас будут.

— А не ты ли, урядник, подсказал им куда идти? Уж больно складно про них рассказываешь, — спросил Ерофей.

— Нет, господин капитан, не я, — казак перекрестился. — С ними наш разъезд столкнулся, когда они мимо Саянского острога шли. Их кто-то очень опытный вел. Так шибко по тайге чужаки ходить не могут. Разъезд наш с ними решил не связываться. Доложили только мне. Мы покумекали, — урядник подкрепил свои слово жестом, собрав пальцы кисти вместе, — и решили промолчать. Вязываться в еще одну историю с беглыми желанья нет. Да и купец этот, Соболевский, гнида был редкостная. Верные люди рассказывали.

— Спасибо за информацию. Правда все это как сказка звучит, — засомневался я, — Сто пятьдесят человек быстро и тайно прошли от Красноярска до Большого порога.

— Да не быстро, ваша светлость. Получается два месяца, а то и более. А тайности белыми нитками шита. Думаю, если бы не этот старик, их бы уже прищучили.

— Хорошо урядник. Расскажи мне лучше про старика, — Ерофей переключил разговор на другое. — У него на левой щеке есть шрам, от угла глаза до угла рта и левая рука немного трясется, так?

— Именно так, господин капитан, — подтвердил урядник.

— Ты, Панкрат, смотри в оба. Человек он страшный. Сталкивался я ним год назад. Перед ним все дрожат и от страха бледнеют. Грамота у него от императрицы. Фамилию его я не знаю. Обращаются к нему сиятельство. В Питере он был близким Степану Шешковскому, — интересная информация, чем был славен императорский «кнутобоец» Степан Иванович Шешковский я знал.

— Благодарствую за предупреждение, господин капитан. Ваша светлость, мы вроде как договорились? — с надеждой спросил казак.

Я молча кивнул.

— Старик сказал, — продолжил Панкрат, — если поручение мое выполнишь, то по Усу можешь не спускаться. Разворачивайся и обратно идите. Наши караулы ходят самое большое до конца долины Уса и то не всегда. И обычно не вдоль Уса, а от Хаин-Дабана несколько верст по какой-то речушке, затем вдоль хребта, потом вдоль Омуля до старой торговой тропе

и по ней до Уса вдоль Иджима. В долине инспекцию наводим и обратно идем, но вдоль Уса, — то, что казак нам говорил, тянуло на очень многое, если творчески подойти, то и на вышку. — Ниже долины до Енисея места дикие и почти непроходимые. Вдоль Енисея от Большого порога троп нет. И к пограничному знаку Кемчик-Бам ходят редко, только зимой по льду. Места там еще более дикие. Не слышал, что бы кто-то по ним прошел, кроме как по льду.

— Если я тебя правильно понял, со стороны Енисея непрошенных гостей можно не ждать? И где этот Кемчик-Бам? — спросил Ерофей. Я знал конечно знал, где он.

— Только зимой по льду. А Кемчик-Бам по Енисею выше устья Уса. Река Кемчик там впадает в Енисей.

Переговоры были закончены. Урядник Рыжов со своими казаками отправились в обратный путь. Береженного Бог бережет. Ванча с двумя гвардейскими егерями-следопытами аккуратно пошли следом за ними.

— Ваша светлость, как думаете, уряднику можно верить?

— Лейтенант Шишкин, ты вопрос прямо с языка снял, — засмеялся Ерофей. — А если серьезно, то я верю. Только вот надо еще раз прикинуть, где нам заставы ставить.

— Прикинем, товарищ капитан, прикинем, — провочал я. — Ванча казачков проводит до пограничного знака Хаин-Дабан. Когда вернется, тогда и будем решать. А пока делаем, как решили. Ты, лейтенант, со своими людьми здесь. Мы с капитаном, берем один десяток и мчим на Мирский острог. После возвращения Ванчи, если конечно не будет сюрпризов, второй гвардейский десяток резерва выдвигается туда же. Другие предложения есть?

На Мирский острог мы действительно помчались и сумели еще засветло добраться до него, где нас с нетерпением ожидал сержант Василий Пуля.

Рано утром мы с капитаном и пятью гвардейцами Мирского острога выдвинулись на Мирский хребет. На перевале, где шла тропа, сержант Пуля со своими людьми предусмотрительно соорудили небольшой редут, благо камней для этого было предостаточно. Расположившись в редуте, мы начали наблюдение за людьми,двигающимися по тропе.

Выйдя из леса они, как и мы когда-то, остановились. В нашу сторону по склону хребта поднималась их разведка. Я насчитал девять человек. У шествовавшего впереди коренастого мужика за поясом был заткнут пистолет. Другого оружия я у них не увидел. Двигались они быстро и уверенно, до гребня хребта им было не больше полверсты. Редут был очень грамотно построен и хорошо замаскирован, поэтому незнакомцы до последнего нас не видели. Когда незнакомцы приблизились к нашей позиции саженой на десять, один из наших гвардейцев вышел из редута и поднял вверх правую руку:

— Стой!

Незнакомцы спокойно остановились, вероятно ожидали чего-то такого.

— Кто вы такие и что тут делаете? — начал допрос наш гвардеец.

— А кто вы и по какому праву допрашиваете нас? — на вопрос ответили вопросом. Хотя я бы то же так поступил.

Наш гвардеец-переговорщик посмотрел на меня: «Что отвечать?» Незнакомцы меня не видели, я же их видел преотлично.

— Скажи им, что хозяева здесь мы. И вопросы мы задаем. Зла мы им не желаем.

Гвардеец повторил мои слова. Незнакомцы несколько минут молчали. Наконец мужик с пистолетом за поясом, судя по всему главный у незнакомцев, ответил:

— Барин продал нас заводчику, а он гнал нас на свой завод. Мы бежали, один человек нам помог, он сказал, что за этим хребтом есть речная долина, где мы можем спрятаться. Он нам сказал, что в долине той никто не живет. На бумаге всё нарисовал, что б мы что-нибудь не попутали.

— Как называется река? — это гвардеец спросил без моей подсказки, мы зхаранее обговорили как сними вести переговоры.

— Река Ус.

— Вам немного не точно рассказали. В долине сейчас живем мы. Но не пугайтесь, вы, наверное такие же, как мы. Рисунок этот у кого? — наш переговорщик просто молодец, шпарит как по нотам.

— У меня.

— Твои товарищи пусть остаются на месте, а ты иди к нам.

Информация Панкрата Рыжова оказалась точной. Беглецы были с Нижегородской губернии, среди них действительно была мордва. Все они были простые крестьяне, только двое мужиков были кузнецами, да их предводитель, мужик с пистолетом, был у барина за управляющего. Когда крестьян стали продавать он возмутился и в итоге продал и его. Звали его Савелием Петровым.

Шло их двадцать три семьи. Детей от семи до четырнадцати почти сотня. Когда их гнали, то кроме десятка чугунков, двух десятков мисок и ложек ничего не было.

Освободились бедолаги не сами. Когда переправились через Енисей, то двое суток шли очень быстро и без остановок. После чего стали на отдых. И вот тут под вечер налетели какие-то вооруженные люди. Охрану перебили быстро, никого не оставили в живых. Хозяина-заводчика то же убили. Напавшие все были в масках. Кто-то из баб и детишек попытался крикнуть, но разбойники так цыкнули, что все онемели и сбившись в кучу, ожидали своей участи. Когда с охраной было покончено, к пленникам подошел один из напавших, спросил, кто Савелий Петров и приказал выйти. Савелий отозвался и вышел из толпы. Предводитель разбойников осмотрел его с ног до головы и сказал людям:

— Ты будешь атаманом. Всем своего атамана слушаться беспрекословно. Отсюда пойдете в сторону гор. В горах найдете долину, там протекает река Ус. В этой долине никто не живет. Вы там поселитесь. Я вам дам топоры, ножи, лопаты и инструмент вашим кузнецам. Десять мешков зерна для посадки и сухарей на дорогу. Там в лесах много дичи и орехов, в реках много рыбы. Перезимуете и будете там жить. Еще я вам дам три ружья, пистолет и пятьдесят пуль. Дорогу вам покажут двое проводников. И еще вот этих, — предводитель махнул рукой и под ноги Савелию бросили двух избитых и связанных людей. — Это Ванька Подкова и его брат ублюдок.

Выслушав рассказ Савелия, капитан Пантелеев усмехнулся:

— Прямо как сказку рассказываешь. Кто это такие были и зачем они вас сюда наладили?

— Не знаю, ваше благородие, — покачал головой Савелий. Затем продолжил свой рассказ. — К Енисею мы снова вышли около Большого порога. Проводники вели нас быстро и тихо, нигде мы ни с кем не встречались. Только один раз дня за четыре до Енисея наткнулись на казачий патруль. Казаки поговорили с нашими проводниками и уехали. Когда мы вышли к порогу, старший проводник сказал мне, что дальше они с нами не пойдут. Они показали мне начало тропы и сказали, что по ней только что прошел большой отряд каких-то беглых. По этой тропе мы дойдем до Усинской долины, а там уже все в наших руках. Когда мы пошли по тропе они уехали, оставив нам план-карту. Надо думать, вы и есть те люди.

— Да. Ты прав. Мы и есть те люди. Ну что, товарищи гвардейцы, возьмем горемык к себе? — спросил я шутейно. Никаких знаков возможной опасности товарищ Нострадамус мне не подавал.

— А куда же нам деваться, ваша светлость. Не оставлять же их тут на перевале, — за всех ответил капитан Пантелеев.

— У нас уже почти голод, сухарей остался последний мешок, только кой-какие охота с рыбалкой и спасают, много больных. Да и народ уже устал, — добавил Савелий последние штрихи в свое повествование.

— Тему вашего положения закрываем, тут всё понятно. Мы были в вашем положении. Вы можете присоединиться к нам. Но жизнь у нас то-же не сладкая, голодать не голодаем, но до сытой жизни еще далеко. Кто не работает, тот не ест. Это первое, — всё точки над и надо расставлять сразу. Что бы потом не посыпать голову пеплом. — Второе. Беспрекословное подчинением нашим законам и порядкам. Главный здесь я. Кто не согласен, скатертью дорога. Сейчас ты, Савелий, идешь к своим, всё быстро обсуждаете. Буквально на раз-два и даете нам ответ. Те, кто согласен на мои условия поступают под начало капитана Пантелеева, — я показал на Ерофея. — Кто не согласен, держать не будем. Накормим, дадим лошадей и вперед, горных долин тут много.

Савелий ушел к своим, а мы провели короткое рабочее совещание.

— Наша диспозиция следующая. Капитан Пантелеев, ты со своими гвардейцами организуешь последний переход этих людей. Учить вас как действовать я не буду. Вы лучше меня это знаете. Задача народ как можно быстрее спустить к острогу, а затем в долину. Глядеть в оба. Всех подозрительных замечать, — я сделал короткую паузу, ожидая замечаний, затем продолжил. — Мы с Митрофаном едем к острогу, я даю инструкции Пуле и возвращаюсь в Усинск. Резервный десяток пусть пока остается в остроге. Разумнее всего этим людям пока остановиться на месте нашего последнего лагеря на бкркегу Уса. Пусть там дух переведут, да и мы к народу присмотримся. Пока суть да дело поставим там три-четыре юрты, туда я пришлю Евдокию с командой. Ты Ерофей, как все тут организуешь, оставляешь старшим одного из сержантов и возвращаешься в Усинск, — я улыбнулся. — И если не будет никакой в тебе острейшей надобности, то считай себя до следующей среды в отпуске.

В Мирском остроге я задержался буквально на пятнадцать минут, попил воды и проинструктировал сержанта Пулю, который с каждой минутой нравился мне все больше и больше своим умом и сообразительностью.

Второй резервный десяток мы перехватили у устья Мирской реки. Вместе с ними ехал и Ванча, успевший вернуться со своей разведки. Ничего подозрительного разведчики не обнаружили, казаки очень быстро шли восвояси. Ванча осмотрел пограничный знак и поспешил обратно.

В устье Мирской я также не стал задерживаться, поставив задачу командиру гвардейского десятка сержанту Емельяну Матвееву, я в сопровождении Митрофана и Ванчи поспешил в Усинск.

Кондрат Тимофеев с Лукерьей в мое отсутствие проявили разумную инициативу. Когда я вернулся в Усинск, Кондрат доложил о произведенных вне всяких планов трех телегах и пяти каркасов для юрт, именно столько войлоков у нас было отложено в НЗ.

— Разумная, а самое главное полезная инициатива всегда приветствуется. Я по дороге все сокрушался, что телег лишних нет. Молодцы! Просто молодцы!

— Да мы еще и караваев сегодня поболее напекли. Хотя честно скажу, ваша светлость, лишнюю муку прямо от сердца оторвала, — добавила Лукерья Петровна.

— Ничего, Лукерья, воздастся. Там двадцать три семьи идут. А это рабочие руки, которых нам очень не хватает. И двадцать из них похоже крестьянского сословия. А кроме хлеба еще что-нибудь есть? — после похвалы забросил я удочку. — У них на самом деле уже полнейшая голодуха. А там ведь почти сотня ребятни всякой.

— Сколько смогли яиц набрали, — начала перечислять Лукерья состав нашей гуманитарной помощи. — почти два удоя молока. А ребятня наша вчера и сегодня рыбу ловили и сразу коптили. Мы ведь небольшую коптильню соорудили. Вчера попробовали, а сегодня уже с самого утра коптим. Пуда три через пару часов будет готово.

— Одни приятные сюрпризы, — я поднял в верх большой палец. — Но вот с молоком и яйцами рисковать лучше не будем. Рыба и мясо им хоть немного, но перепали, а вот яиц с молоком они давно не видели. Давайте загружайте телеги, одна телега пока должна быть свободной. Завтра с рассветом тронемся.

Приятные сюрпризы на этом не закончились. Канцелярия тоже оказалась на высоте. Степан продемонстрировал мне два десятка листов бумаги достаточно приличного качества формата примерно А4. Половина из них тут же перекочевала в мою походную сумку. Так же

Степан представил мне полный отчет о делах наших грешных за время моего отсутствия.

— Отлично Степан, отлично. Никаких замечаний. Завтра со мной должны поехать двое твоих. Молодой человек и девица. Распорядись сейчас.

В госпитале меня ожидали все мои сотрудники. Евдокия по совету Лукерьи Петровны два дня готовила бинты и используемые нами отвары трав. Вишенкой на торте для меня было состояние нашего единственного пациента. Хотя в медицине и нет такого понятия, но я бы его состояние охарактеризовал как отличное. Поэтому я с чистой совестью выписал его из госпиталя, проведя естественно беседу о правильном образе жизни.

Сверхнасыщенный делами и свершениями день закончился глубокой ночью визитом к отцу Филарету.

К полудня следующего дня в устье Мирской реки мы поставили пять юрт, одну из них я выделил для медицинских целей. И буквально через полчаса к нашему лагерю, который с чьей-то легкой руки уже стали называть Матвеевским, вышли первые две семьи беглецов. Все были очень худые и изможденные. Несмотря на середину лета, мы развели несколько костров и они сразу же устремились к теплу.

Ванча, оставшийся с резервным десятком гвардии, оказался на высоте и вместе с двумя гвардейскими егерями-следопытами сумел добыть крупного марала. Каждая выходящая к нашему лагерю семья сразу же получала большой каравай хлеба, немного копченой рыбы и свежее мясо марала. И буквально через час над всей округой стоял дурманящий запах свежего мясного бульона и жареного мяса. Всем новоприбывшим я прочитал небольшую лекцию об опасности переедания.

Глава первой же вышедшей семьей был настолько истощен, что на перевале упал и в наш лагерь его на носилках вынесли наши гвардейцы. Никаких серьезных травм и болезней, кроме ушиба всего тела и истощения, я у него не диагностировал. Евдокия обработала все его многочисленные раны и ранки, я наложил две повязки на еще кровоточащие раны голеней и стоп. Раны все были поверхностные и я надеялся на благоприятный исход.

Ближе к вечеру приехал отец Филарет, привез еще свежее испеченного хлеба и очередную партию копченого хариуса.

В воскресенье радостные и счастливые Ерофей со своей Софией выходили из храма после венчания. Отец Филарет просто светился от радости во время таинства венчания. Несмотря на скромность нашего храма, обряд прошел торжественно и возвышенно. Даже звон маленького колокольчика, уместившегося на моей ладони, других колоколов у нас еще не было, мне показался полноценным колокольным звоном.

Лукерья Петровна, несмотря на скудность нашего бытия, организовала просто шикарный свадебный стол. Госпожа Маханова выделила из своих неприкосновенных «нижних подвалов» целых три бутылки с градусами. Абсолютно все кто мог, приехали в Усинск, поздравлять и чествовать новобрачных. Лишь в двух острогах осталось по трое караульных, да почти все новички, успевшие спуститься в долину, остались в Матвеевском, кроме семей двух новых кузнецов и оказавшихся то же кузнецами Ивана Подковы с братом. Прослышав о них, Петр Сергеевич сразу же взял новичков в оборот и заводскими силами перевез их в Усинск.

Вечером, сославшись на усталость, я ушел в госпитальную юрту. Госпиталь наш был пуст, отослав потянувшихся было за мной Митрофана и Евдокию, я остался один. Грусть и тоска охватили меня, впервые за многие годы я заплакал.

В моей жизни было три женщины, которых я любил. Были конечно по молодости еще

увлечения, их я позже для себя называл интрижками. Первая моя настоящая любовь пришла ко мне на фронте. Это была двадцатилетняя медсестра нашего медсанбата. Она погибла в сорок третьем. Тогда я плакал последний раз в той жизни. После войны был страстный роман с будущей моей первой женой, закончившийся для меня зоной. И я скорее всего стал бы просто женоненавистником, но на моем жизненном пути оказалась еще одна женщина, с которой я в итоге прожил много лет в счастливейшем браке.

Оказавшись здесь в восемнадцатом веке в чужом теле, моя личность, душа остались прежними. Но старый хозяин моего тела не исчез бесследно, осталось много того, что называется мышечная память. Постепенно, я понял в общих чертах кем был прежний хозяин моего тела. Я быстро разобрался в житейских дебрях восемнадцатого века. Но вот отношение к противоположному полу осталось неизменным: женщина — друг, товарищ, дочь, внучка. Никаких волнений крови и бурления гормонов. Память о моей жене и верность этой памяти стали просто моей второй натурой. Физически я стал двадцатипятилетним человеком, но душа и личность остались прежними, душой и личностью человека прожившего больше восьмидесяти лет. Наиболее комфортно мне было общаться с дедушкой Фомой. Просто с силу его возраста. И с отцом Филаретом. Он знал обо мне то, что я не знал о себе сам, а именно: зачем и почему я здесь.

Оказавшись сразу же в гуще событий мне постоянно, практически каждую секунду, надо было решать и делать что-то глобальное для того небольшого общества, в котором я оказался. Да и просто спасать себя, свою новую физическую сущность. Все гормоны и прочие специфические химические вещества, вырабатываемые моим новым физическим организмом, без остатка уходили на всё это.

И вот сегодня, во время свадебного застолья, я внезапно почувствовал себя свободным от необходимости что-то срочно решать и делать. Меня охватило чувство одиночества и никчемности. Зачем я здесь, для чего? Каким-то неведомым образом я оказался тут, среди этих людей, скорее всего действительно являясь каким-то князем. Я тут похоже начал создавать какое-то новое государство. Но я тут чужой, один как перст. Нет ни одной живой души, никого, кому я могу поплакаться в жилетку.

Да, да. Поплакаться в жилетку. Впервые в жизни я почувствовал потребность в этом. Потребность в человеке, которому можно излить душу. Когда я познакомился со своей будущей женой, то честно рассказал ей многое о себе, а потом пришло время и абсолютно все. И когда мы переехали в эти края, то просто жили, не останавливая поезда и всё.

На этих моих думах в юрту-госпиталь внезапно вошел отец Филарет.

— Ваша светлость, наш недавний разговор помните? — спросил меня иеромонах, как будто не было паузы в несколько дней. — Два года назад владыка Варлаам, епископ Тобольский и Сибирский, призвал меня к себе. Из рук владыки я получил Библию и Апостола, богослужебную утварь, иконы, три колокола и колокольчики. Владыка представил меня четверем церковнослужителям, двое из них были иподиаконами. После этого мы получили архиерейское благословление. Мы должны были найти отряд пугачевцев идущий куда-то в Сибирь. Я должен окормлять их, а мои помощники беспрекословно мне подчиняться. И я должен всегда помнить наставление старца, направившего меня служить в Сибирь, — отец Филарет посмотрел на меня как бы удостоверяться помню ли я его рассказ.

— Отряд пугачевцев мы искали полгода. Потом появились вы. Кто вы такой я понял сразу, тем более мне был знак, я внезапно обрел дар влиять на погоду. Эту долину я знаю, когда я был там, — отец Филарет поднял вверх обе руки, — мой дух посетил эти места. Но

сейчас здесь немного не так. Климат здесь стал другим. Вы читали, что написал о Минусинском крае некто Ватин в 1913 году?

Я ошеломленно молча кивнул.

— То, как он описал природу и климат Минусинской котловины, сейчас соответствует нашей Усинской долине. Через много лет все вернется на круги своя, но сейчас это почти райский уголок среди сурового Саяна. И пока никто об этом не знает, — иеромонах замолчал и я понял, что сейчас он начнет говорить самое важное для меня.

— Вы, действительно князь Григорий Иванович Крылов, двадцати пяти лет отроду. Когда вам было три года, на ваших родителей на дороге напали разбойники. Князь с женой погибли. Младенец пропал. Остался живым один только пятнадцатилетний кучер Прохор. Его отдали в солдаты. Княжеский титул унаследовал двоюродный брат князя.

Отец Филарет неожиданно показал на мое левое плечо.

— У вас на левом плече семь родинок, такие же родинки были у вашего отца и деда. Бывший кучер оказался одним из троих солдат, пошедших за капитаном Пантелеевым. Он увидел ваши родинки и след от ожога кипятком на правой ноге. Это случилось по недогляду вашей кормилице, когда вам было два года. Прохор сказал фельдфебелю Шишкину, а тот пришел ко мне. Я велел им держать язык за зубами, но называть вас князем и светлостью.

Мое изумление нарастало просто какими-то космическими темпами. Григорий Иванович Крылов-Каргин 20-го века вселился в одноименное тело 18-го века, да еще и князя! Но отец Филарет на этом не закончил.

— В душе вашей разброд и шатание, вы чувствуете себя совершенно одиноким человеком и не понимаете смысла вашей жизни, не знаете, как вам жить, — я молча кивнул, это было именно так. — Но посмотрите на это с другой стороны. Вы не одиноки, для большинства этих людей вы свет в окошке. Все здесь вас любят и уважают. Там, в будущем, вы просто жили и всё. Какой там был смысл вашей жизни? Поэтому просто живите и здесь. А Господь управит, — отец Филарет задумчиво посмотрел на меня. — У вас была ваша вторая половина и вы были счастливы. А почему вы думаете что здесь, в этой вашей новой жизни, нет вашей новой половинки?

Через неделю после пантелеевской свадьбы на неделю зашли дожди и все работы остановились. Желания мокнуть под дождем не было никакого и мы с Петром Сергеевичем провели это время, беседуя на различные темы. Как-то незаметно беседа превратилась в лекцию, где лектором был я. Очень быстро к нам присоединились Яков и дедушка Фома. Внучок Степан оказался еще и крепким хозяйственником и худо-бедно уже начал обеспечивать нас бумагой. На свадьбе капитана Пантелеева Яков рассказал степановой команде несколько доступных для нас рецептов приготовления чернил и ребята через неделю наладили производство чернил из березовой чаги, камеди лиственницы и кедровой сажи, творчески переработав древний сибирский рецепт.

Как же мне пригодились мои увлечения историей техники и проводимые с учениками реконструкции. Благодаря им, я представлял уровень развития науки и техники теперь уже моего времени. И мне без проблем удалось рассказать про паровую машину Уайта и её применение и про изобретения англичан Модсли и его учеников создавших универсальный токарный станок. Мои собеседники оказались очень осведомленными о достижениях английских металлургов и механиков, а Яков оказалось два года провел в Западной Европе. На мой немой вопрос он немного рассказал об этом:

— Когда Кирилл Густавович стал академиком, я иногда сопровождал его на заседания в Академии. А Президент Академии, граф Владимир Григорьевич Орлов, тогда боролся с немцами. Он хотел, что бы протоколы писались на русском языке. И однажды получилось так, что из всех присутствующих только я мог написать протокол на русском языке. А их сиятельству почему-то этот протокол был нужен именно на русском языке. А когда граф летом 1771 года поехал лечиться в Европу, я с ним поехал, писарем. Иногда был секретарем.

Я слушал Якова в буквальном смысле затаив дыхание, такой рассказ не каждый день услышишь.

— Их сиятельство Владимир Григорьевич, за два года побывал во Франции, Германии и Англии, везде виделся и имел случай беседовать со многими выдающимися научными людьми. Он же везде был вхож. Я почти всегда его сопровождал. У меня хорошая память и я всегда составлял отчеты о визитах. А в Англии ничего нельзя было записывать, только смотреть. Вот их сиятельство и полагались на мою память.

— Не понятно, Яков Иванович, как тебя посмели в Барнауле в такой оборот взять? — моему удивлению не было приделов.

— Для самого загадка, Григорий Иванович. Я ведь даже не знаю, что было в отчете, который мне надо было привезти в Питер. И почему меня за таким пустяшным делом послали. Да теперь это не имеет никакого значения. Я хоть и залетал в высокие сферы, но зуботычин столько было, что ..., — Яков махнул рукой. — У меня предчувствие было нехорошее, но отказаться я ни как не мог.

— Давайте лучше Яков Иванович, поговорим о приятном, — решил я переключить Якова на другое. — Вы, сударь, сведущи во многих науках. Но мне показалось, что больше всего вам по душе химия.

— Вы правы, Григорий Иванович. Во время занятий химией, я очень часто ощущаю себя на небесах, — мечтательно сказал Яков.

— Отлично. Я хочу попросить вас как можно быстрее создать у нас химическую

лабораторию.

— С огромным удовольствием, — Яков даже потер руки. — Я ведь уже беседовал с нашими кузнецами, самое необходимое они мне сделают. А колбы и всё остальное я сделаю сам.

— Не сомневаюсь в этом, — улыбнулся я. — Подбери себе помощников и скорее приступай к делу. Первое, что мне крайне необходимо, это кислоты серная и азотная. Зачем, объясню позже. А сейчас поверь на слово, это очень важно. Теперь второе. Степан обещает листов по пятьдесят в день производить, было бы сырье. Тряпья пока достаточно. Поэтому прошу тебя каждый день писать руководство по химии, — Яков слушал меня молча и очень внимательно. — Третье. В Европах ты слышал дебаты о необходимости новой, универсальной, системе мер?

— И неоднократно, особенно во Франции. И мало того, я знаком с работой комиссии при Анне Иоановне.

— Замечательно. Тогда вам должно быть понятно, то, что я предлагаю. Прочитайте.

Я протянул Якову написанную мною международную систему СИ, естественно, ту её часть, которая соответствовала концу 18 века. Никаких пока амперов, кельвинов, молей, кандел. Пока. Только метр, килограмм, секунда, градус Цельсия.

— Целиком согласен с вами, — Яков положил правую руку на листы моего «трактата». — Такое впечатление, что вы слышали бурные дискуссии в Парижской академии наук. Можно сказать слово в слово. Вы, ваша светлость, обладаете знанием на несколько шагов больше нашего и вы задумали здесь совершить какой-то, — Яков замолчал, подбирая нужное слово, — научно-технический прыжок.

Ай да Яков. Словосочетания «научно-технический» еще нет. Похоже кашу мы с ним сварим.

— Вы меня слышите, Григорий Иванович? — с своих мыслях я немного куда-то улетел.

— Конечно слышу, — я тряхнул головой.

— Мне показалось, что вы отвлеклись от нашей беседы.

— Тем не менее я слышал, что вы говорили. Ваши последние слова, я задумал совершить здесь какой-то прыжок, вы его назвали научно-техническим. Что вы подразумеваете под этим?

— Вы хотите построить завод, лучше английского, опередить их, а значить и весь мир в технике и науках. И для этого нужна новая метрическая система, притом она должна быть десятичной, как предлагал сто лет назад Джон Уилкинс, секретарь Лондонского королевского общества.

Молчание знак согласия, поэтому мы несколько минут молчали оба. Вернее молчали мы троим, Петр Сергеевич всю нашу беседу тихонечко сидел в сторонке и внимательно слушал нас. Я протянул ему свои записи, он быстро прочитал их и кивнул в знак согласия.

— У нас есть барометр, два ртутных термометра, один со шкалой Цельсия, другой со шкалой Фаренгейта, железный аршин и два английских хронометра, — Петр Сергеевич перечислил метрические приборы спасенные им при уходе с уральского завода. — Но если я правильно понимаю то, что вы написали, железный аршин не годиться как эталон меры длины.

— Вы правы, не годиться. Единицей длины должен стать метр, он делится на сто сантиметров и тысячу миллиметров. Эту меру длины предложил сто лет назад ученый Тито Бурагани. Эта единицу длины, эквивалентна длине маятника, совершающего колебание от

вертикального до крайнего положения за секунду, то есть с периодом колебаний в 2 секунды, — здесь я немного слукавил, метр Бураттини отличался от метрического метра примерно на сантиметр. Однажды кто-то из моих любознательных учеников предложил воспроизвести эксперимент Бураттини и после многочисленных измерений нам удалось вычислить разницу метра Бураттини и метрического. — Эталонный аршин равен семьдесят одному сантиметру и двенадцати миллиметрам. Пока сделаем эталон метра исходя из этого. Когда появится возможность покорпеем с маятником и сделаем более точный эталон.

Наше совещание затянулось далеко за полночь и его итогом стало появление у нас метрической системы мер, той, которая появится в конце века во Франции. Мерных аршинов у нас оказалось два, у Кузнецовых был мерный полуаршин. К моему удовлетворению они совпали. Над эталоном метра Василий Иванович трудился целый день.

Прошло больше месяца. В последний день лета тридцать первого августа я собирался возвращаться в Усинск с нашего завода. За прошедший месяц с небольшим, мы сумели действительно построить настоящий завод.

На заводе постоянно были Петр Сергеевич, дедушка Фома и наши кузнецы. Яков Макаров и Ванча совершили несколько экспедиций для изучения долины. К Якову я приставил Илью, брата Евдокии. Отказать своей главной помощнице я ну никак не мог. Малец оказался шустрым и сообразительным, Яков помощником был доволен. Единственным его недостатком была потрясающая худоба, но Яков обещал откормить своего помощника. Достаточно большой участок от реки Макаровка до Золотой был ими тщательно обследован. Поднявшись по реке Теплой они попали в Гагульскую котловину, где были просто очарованы её красотами.

Яков, с моей ненавязчивой подсказке, быстро нашел золото и в сейфе у господина Маханова оказалось целых три, величиной с лесной орех, золотых самородка. Но главной его находкой были два скудненьких пласта каменного угля. Как он и предполагал, пласты шли из Урянхайского края как бы переламываясь через Куртушибинский хребет восточнее Гагульскую котловину, где высоты хребта были значительно меньше других мест. Сначала Яков обнаружил на берегу небольшой речки спускающейся с гор в котловину небольшие пласты песчаника, содержащие куски и кусочки каменного угля. Проследив направление пластов песчаника, он и нашел два угольных пласта.

В моем прошлом эта небольшая речушка называлась Саксонак, в месте её спуска в котловину был небольшой поселок Гагуль. Но мы речку назвали Угольной, а вот поселок заложили на том же месте. Примерно в версте восточнее поселка, в двух шурфах оказались пласты угля толщиной до тридцати сантиметров. Уголь было решено добывать вахтовым методом, бригадами из пяти человек по недели.

Гагульскую котловину я решил оставить в её первозданной красоте. Дорогу к заводу мы проложили постепенно по горным отрогам севернее котловины, затем до Уса вдоль по реки Теплой. Там же, восточнее котловины Яков обнаружил достаточно удобный пологий перевал через хребет со слабозженной тропой. Я знал о её существовании и однажды даже мы совершили недельный поход в Гагульскую котловину с выходом по этой тропе в Туву. Угольщики-вахтовики будут также присматривать за тропой. К первому сентября уже состоялись две полноценных вахты и на угольном складе завода лежало почти десять пудов угля.

Яков быстро нашел недалеко от нашего завода глину и песок вполне пригодные для производства кирпича и стекла. Фома Васильевич даже от радости расцеловал его, теперь у

нас было отличное сырье для получения шамота из глины Железного озера и рядом с заводом глина для простых кирпичей.

В среднем течении Золотой реки, а эту реку как-то естественно стали называть так после находки первых самородков, на размытом половодьем обрывистом берегу Яков с Ванчей нашли выход интересной рудной жилы. Поработав с породой этой жилы, мы получили несколько крупинок золота, свинца, меди, олова и естественно серный колчедан. Стопроцентной уверенности что это именно эти металлы у нас не было, но это был вопрос времени. И там же мы нашли несколько крупинок серебра. Две их них вызвали у меня подозрения, но не стал нечего раньше времени говорить моим товарищам, платина еще была веществом практически неизвестным и неизученным. Жила была очень скудненькая, но на безрыбье и рак рыба. Если не удастся найти ничего более достойного, придется работать с ней пока не встанем на ноги и не появится возможность провести полноценные изыскания и добывать руду шахтным способом.

Изучение долины Яков успешно сочетал с налаживанием стекольного производства. Он лично подобрал себе шестерых помощников среди ребят, а неделю назад неожиданно для меня попросил отрядить в свою команду и двух девиц. Все они Якова просто боготворили и дела у его команды шли просто замечательно.

Кузнецов у нас набралось в общей сложности целый десяток. Проведя тщательную работу с кадрами Петр Сергеевич выявил всех скрытых железных дел мастеров и в кузнецком сословии оказались все мало-мальски знакомые с этим делом. Опытные наставники за неделю научили новичков многим премудростям кузнечества и работа в кузнечном цеху кипела день и ночь. По примеру Якова Василий Иванович также набрал себе в помощники полтора десятка малолетних помощников.

Но главными трудовыми фронтами были строительство водяного колеса и кирпичные заводы. Две недели в Усинске и на заводе день и ночь кипели строительные работы, затем несколько дней наладка работы водяного колеса. И вот ранним утром 17 августа отец Филарет отслужил молебен и наше водяное колесо начало свою работу. Для работы на пилораме Кондрат выделил десяток мужиков. Они помогали заводским валить лес, распускать хлысты на доски, привозить заготовленные хлысты с Усинска и отвозить туда готовые доски.

Кирпичных производств у нас получилось два, на заводе и на Железном озере, на которое Фома Васильевич ездил три раза, обучая и контролируя Трофима Рычкова. В итоге на озере все было сделано как положено. Добытую глину сразу же промывали для очистки от всяких посторонних примесей, именно здесь мы и отделяли от глины так нужное нам железное сырье. Первоначально абсолютно все делалось из дерева и вручную. В последующем Фома Васильевич планировал построить основательные кирпичные бассейны для промывания глины и последующего размельчения и сделать механизацию с использованием лошадей. Но пока это все делали женщины и дети гвардейцев и артельщиков Рычкова. Процесс естественной сушки первой партии подсократили и выложив из первой тысячи кирпича-сырца временную печь, произвели его обжиг.

Это было сделано по моему настоянию. Дедушка Фома был категорически против, но меня поддержали Петр Сергеевич и Яков. Несмотря на скептицизм нашего главного кирпичника, основная масса получившихся кирпичей были приличного качества и внешнего вида. Наше предположение, что глина Железного озера шамотная тут же блестяще подтвердилось опытным путем. Часть бракованных кирпичей были оставлены для

испытания временем, в восемнадцатом веке кирпич считался годным, если пролежав на улице не менее полугода, он не рассыпался и не приходил в негодность, но большая часть была отправлена на завод.

Первая партия шамотного кирпича, полученная не по сокращенной технологии, ожидалась в конце сентября, а пока полученный кирпич решено было использовать в кузнице и на самих кирпичных заводах.

Кирпичное производство на заводе было аналогично, только немного быстрее, все-таки рабочих было здесь поболее. Глина, годной для кирпичного производства, на берегах Уса и реки Терешкина, Яков нашел в достаточном количестве. На заводе мы так же сначала начали производство по ускоренной технологии. Полученный красный керамический кирпич по своему качеству вполне нас устроил.

Параллельно всем работам в цехах завода потихоньку мы строили сам завод. Естественно все пока было из дерева. Печи, горны и все подобное мы первоначально делали из камня. Первые партии кирпича были тут же использованы в кузнечном и стекольном цехах.

Петр Сергеевич сразу же занялся созданием инструментального цеха. Целый день он колдовал над планом и поздним вечером пригласил меня ознакомиться со своим творением. Даже беглого взгляда мне было достаточно что бы понять, что наши беседы не прошли даром. У меня даже дух перехватило, как Петр Сергеевич четко расписал план создания универсального токарного станка. Над будущим приоритетом господ-англичан нависла реальнейшая угроза. И мало того, Петр Сергеевич в своих планах предусмотрел привод станков от паровой машины!

— Петр Сергеевич, вы я смотрю так уверены, что нам удастся построить паровую машину, что другой постоянный привод даже не рассматриваете. Ползунов строил свою машину несколько лет, а вы планируете через полгода иметь работающий экземпляр, — с нескрываемым удивлением спросил я.

— Так ведь нам проще работать. Мы, вернее вы, — наклон головы в мою сторону, — знаете что и как делать. А я реально знаю возможности наших кузнецов. Через месяц, максимум полтора, у нас будет вполне работающий токарный станок. Еще до морозов, использую водяной привод, мы изготовим многие нужные нам детали. Это ускорит нашу работу. И месяца через четыре начнем монтаж машины.

Главным помощником Петра Сергеевича был дедушка Фома. Как только были произведены первые партии кирпича, он переключился на создание инструментального цеха. А главным кирпичных дел мастером на заводе стал родной брат Кондрата Тимофеева, Емельян. Он быстро осваивал премудрости кирпичного дела и Фома Васильевич ограничивался общим контролем.

Две недели назад на заводе начала работать техническая школа. Первой целью было обучить всех неграмотных заводчан читать, считать и писать. А затем начинать давать азы технических знаний. Директором школы я назначил Фому Васильевича, а учителями и преподавателями стали мы трое: Петр Сергеевич, Яков и я. Больше всего я занимался с кузнецами. Среди учеников я выделял четверых: Василия Ивановича Кузнецова, знания он впитывал как губка и тут же находил им практическое применение; заводского кузнеца Феропонта Пучкова, который был просто кузнецом-универсалом 18 века, Ивана Подкову, который оказался просто гением кузнечного дела и его брата Лаврентия.

В один из дней я поручил им изготовить два штангенциркуля и утром вчерашнего дня

кузнецы торжественно вручили мне два новеньких штангенциркуля. Они практически ничем не отличались от привычных мне приборов двадцатого века. Один прибор остался на заводе, другой поступил в мою личную собственность.

Брату Ивана Лаврентию было тридцать лет, он был на десять лет моложе. У него был детский церебральный паралич и он самостоятельно почти не ходил. В раннем детстве они остались без матери, но Иван сумел в одиночку выходить брата. Очень рано выяснилось, что он потрясающе умен и у него золотые руки. К двадцати годам Лаврентий уже считался лучшим часовщиком Киева и окрестностей. В семейной жизни братья были несчастливы, жена Ивана умерла молодой и бездетной, а Лаврентий просто совершенно не интересовался женщинами. Пять лет назад братья перебрались в Тобольск и стали работать там на Оружейном дворе. Но три месяца назад их внезапно схватили и заковали в железо, а потом они оказались в ногах у Савелия Петрова. Причина этого несчастья была им неизвестна. Чуть ли не весь переход до Уса Иван нес брата на себе, благо здоровье ему позволяло.

Лаврентий был для нас просто находкой, даром небес. Он был действительно гениальным часовых дел мастером и не только часовых.

Итак в последний день лета тридцать первого августа я собирался возвращаться в Усинск с нашего завода. Около полудня я тронулся в путь. Сопровождали меня как всегда двое: Митрофан и крыловский кучер Прохор, отданный много лет в солдаты.

После беседы с иеромонахом я призвал его к себе и допросил с пристрастием. Прохор с плачем упал мне в ноги:

— Прости меня, князюшка, убогого, что не смог уберечь тебя и твоих родителей. Тати те, ударили меня по голове и я упал на землю без памяти. Они видать решили, что меня порешили, как и других. Очнулся, кругом мертвые лежат: ваши батюшка с матушкой, батюшкин денщик, ваша мамка. А вас нету, только пустая люлька. Не виноват я, ваша светлость ...

— Встань, Прохор, — товарищ Нострадамус безапелляционно говорил мне, что Прохор не врет, — об этом ты мне какнибудь потом расскажешь, — Прохор встал, а я продолжил после небольшой паузы. — Ты уверен, что я князь Крылов?

Прохор вытер слезы, поклонился мне в ноги:

— Да, уверен. Вы когда мылись, я вам поливал и сразу признал. Такие отметины были точь-в-точь у вашего батюшки и деда и след ожога на ноге. Эти метки мне всегда снились в день несчастья. Не сомневайтесь, ваша светлость, вы князь Григорий Иванович Крылов.

Так я узнал свое происхождение и свой день рождения, 25 марта 1751 года, Благовещение Пресвятой Богородицы. Подробностей моей родословной Прохор не знал, сказал лишь, что князем был еще мой прадед при государе Алексее Михайловиче. Прохора после этого я забрал к себе.

Надо сказать, что после этого внутри меня что-то изменилось. Чувство одиночества и разброд и шатание в душе исчезли, я полностью стал человеком 18 века, во мне проснулась кровь русского столбового дворянина, князя Григория Ивановича Крылова. А в одну из первых августовских ночей я неожиданно проснулся и услышал, как какой-то женский голос тихо зовет меня.

Все кругом спали глубоким сном. Я вышел из юрты и огляделся. Светало. В звенящей тишине были слышны отдаленные шаги караульного и еле слышное поскуливание сторожевого пса. Я огляделся. На берегу речки, метрах в пятидесяти в поднимающемся от воды тумане, стояла молодая женщина. Подойдя ближе, я понял, что это моя фронтовая любовь медсестра Машенька. И ту же секунду в моей голове зазвучал голос, это был именно её голос:

— Гришенька, золотко ты мое, — именно так она звала меня, когда мы оставались одни. — Ты не забывай нас с Машей, — мою вторую жену то же звали Марией. — Ведь мы же с ней родные. Помнишь, как она тебе рассказывала про своего прадеда? Так он же и моим прадедом был. Но живой должен думать о живом. Скоро нас будет трое. Ты свою Машу люби, как нас любил.

Подул ветерок, туман мгновенно рассеялся и Машенька растаяла. Несколько минут я ошарашено стоял, пытаясь понять происшедшее, ведь в свое время я обратил внимание на Марию, свою будущую жену, именно из-за её потрясающего сходства с Машенькой. Я вернулся в свою юрту и мгновенно заснул. Через несколько дней я рассказал об этом отцу

Филарету. Он долго молчал, а потом ответил:

— Подобным, как и снам, не надо прельщаться. Но иногда это бывает вещим. Вам, князь, надо чаще причащаться.

Прошла пара недель и я стал замечать, что среди нас есть молодые красивые особы, общение с которыми мне просто нравится и волнует мою кровь. После чего мне регулярно стали сниться эротические сны.

Острой необходимости ехать в Усинск не было, но первого сентября все наши дети с восьми до четырнадцати лет должны пойти учиться. Отец Филарет с Анной Петровной разработали целую программу ликвидации неграмотности. Я сначала к этой идеи отнесся с большим скептицизмом, но отец Филарет развеял все мои сомнения. Рядом с храмом мы поставили юрту, где и разместилась наша школа. К следующему лету отец Филарет с Анной Петровной запланировали всех детей старше восьми лет и неграмотных взрослых обучить чтению, письму и счету. Всех способных к наукам мы решили затем отправлять в техническую школу на завод.

Утром первого сентября отец Филарет решил отслужить молебен на учебногo года и я естественно должен был на нем. Поэтому я и ехал в Усинск.

В моё отсутствие всем в Усинске заправляла Лукерья Петровна и надо сказать делала это она вполне успешно. Она оказалась просто прирожденным организатором и психологом. В Савелии Петрове она сразу же разглядела хлебоборбскую жилку и не ошиблась. Савелий быстро нашел общий язык с братьями Кучиными. Совместно они подобрали еще двух мужиков из пришедших с Савелием и день и ночь поднимали целину. После первого сентября они запланировали сев озимой ржи, подготовив под посев почти сорок гектаров. Переход от десятинок к гектарам произошел совершенно безболезненно. Выслушав мои разъяснения, мужики в этот же день стали говорить гектар, а не десятина. Казенная десятина практически равнялась гектару и это делало переход совершенно безболезненным.

Всё в Усинске и его окрестностях, что имело отношение к древесине, относилось к ведомству Кондрата Тимофеева. Кондрат со своими мужиками, как и заводчане, работали и днем и ночью: валили лес, пилили доски, строгали и строили. Сама Лукерья занималась нашим животноводством, рутинными ежедневными бытовыми проблемами и подготовкой к предстоящей зиме. Главным было максимально заготовить на зиму кедровых орехов. По моему разумению и опыту зимой кедровые орехи будут нашей основной пищей. Лукерья Петровна правда со мной не согласилась и не без гордости показала мне свои стратегические запасы: корченые рыбу и мясо, которое понемногу добывали наши мужики-охотники и гвардейцы. А затем и «секретные хранилища госрезерва». Гвардейцы Ерофея нашли в горах нерастаявший лед и Кондрат соорудил ледник в построенном продуктовоm амбаре. Лукерья привела меня в свежестроенный новенький амбар и показала первые головки зреющего сыра и три килограмма свежесбитого сливочного масла.

Анна Петровна быстро наладила работу на нашей швейной-сапожной фабрике и потихоньку наш народ переодевался и переобувался в её продукцию. Но в ближайшем будущем над работой фабрики нависла «страшная» угроза — дефицит сырья, китайские ткани стремительно заканчивались, а кожи уже практически не было. Надежда была на предполагаемую торговлю с Тувой, да на охотничьи трофеи.

Наша канцелярия работала без каких-либо замечаний, попутно наладив производство бумаги и чернил, но в бумажном производстве также впереди был сырьевой кризис. Выход из будущего кризиса я видел только в использовании древесины. В своих смелых мечтаниях

я конечно видел создание нами бумагоделательной машины, ведь всего через четверть века она появится во Франции, но пока это лишь мои мечты. А пока внучок Степан экспериментирует с замачиванием опилок для получения древесной массы, думает, как соорудить изобретенный голландцами еще в 17 веке ролл или голлендер и с моими подсказками изобретает дефибрер. Ролл заменил толчею и в разы повысил производительность и повысил качество бумаги, созданный в середине 19 века дефибрер измельчал древесины и позволил из нее делать бумагу. А когда заработает химическая лаборатория Якова и у нас появится сода, я предложу Степану её использовать и он получит целлюлозу.

И конечно всегда в Усинске я несколько часов тратил на обучение своих коллег-лекарей. Как минимум два раза в неделю я занимался с ними. Поразмыслив на досуге как это делать, я два часа читал им лекции по теории медицины, затем два часа практических занятий, а затем ещё два часа практики, но уже исходя из конкретных потребностей. Несколько бессонных ночей потратил я на составление программы своих курсов. Накануне я писал конспект, затем читал по нему лекцию и проводил первое практическое занятие. Второе занятие посвящалось разбору наших практических случаев или работе в госпитале. Конспект я оставлял Евдокии и она проводила еще пару раз дополнительные занятия, повторяя и закрепляя пройденное.

Госпиталь наш не пустовал, травмы шли сплошным косяком, но Евдокия справлялась без меня. Серьезных случаев было всего три: пришлось шить рваные раны бедра и передней грудной стенки. Но самым опасным случаем была травма плеча с повреждением артерии.

Предчувствие меня не подвело и буквально накануне я провел занятие по кровотечениям. В мое отсутствие Евдокия с сотоварищами не ударили в грязь лицом. Они грамотно наложили жгут, послали гонца за мной, обработали рану, в меру дали страдальцу алкоголя. К моему приезду раненый лежал на операционном столе и все было готово для работы.

Целых два часа длилась операция. Несколько раз я опасался потерять пациента от болевого шока. Но Бог миловал и мы спасли раненого лесоруба.

Последний день лета закончился у меня очень-очень поздно, но спать я лег в совершенно прекраснейшем расположении духа.

Сразу же после молебна я поспешил к Ерофею, который ожидал меня в Железногорске. За месяц у Железного озера был построен острог, рабочий поселок и кирпичный завод с кузницей, куда решено было перевести одного из кузнецов. Как-то незаметно появилось и быстро закрепилось название всего этого — Железногорск. В Семиозерках тоже поставили острог, но поменьше. В нем вахтовым методом стали нести службу пять гвардейцев. На Таловке, Медвежьем перевале и месте выхода тропы в долину, остроги решили до весны не ставить. Решили обойтись гвардейскими разъездами. Главным на севере естественно стал лейтенант Шишкин.

В устье Мирской поселились семьи гвардейцев с Мирского острога и две семьи из Усинска: Трофим Кузнецов, один из близнецов любителей лошадей и Тихон Грязнов из команды Савелия Петрова, такой же любитель лошадей. Трофима было решено уволить из гвардии и на правобережье Уса создать свой конезавод. Для этого было отобрано два десятка горных ойротских и шестьдесят степных кобыл, и два десятка жеребцов различных пород: горных, степных, среди немногочисленных лошадей других пород отобрали ахалтекинцев и всяких разных, наибольшую ценность представляли пять лошадей похожих на персидских и

два жеребца-тяжеловоза. Эти жеребцов еще сложно было называть именами этих пород, кроме ахалтекинцев естественно. Трофиму и Тихону я почти шесть часов читал лекцию по коневодству, насколько я знал этот предмет из истории и биологии. Внучок Степан успел за мной все подробно записать и Трофим получил на руки текст моей лекции. Тихон к сожалению был неграмотным. В своих мечтаниях я планировал вывести породы типа алтайской и казахской 21 века. Сержант Василий Пуля заправлял всем на правом берегу Уса. Его караулы приглядывали за всеми тропами Мирского хребта и до реки Таловки.

Ерофей сразу после свадьбы без раскочки включился в работу. Молодая жена с первого же дня стала капитану верной боевой подругой, везде сопровождая любимого. Ерофей, толи от бурного медового месяца, толи от ежедневных мотаний по острогам и гвардейским станицам, за август месяц стал худым как щепка, одежда просто болталась на нем.

И сегодня, первого сентября тысяча семьсот семьдесят шестого года, я инспектировал ведомство капитана Ерофея Кузьмича Пантелеева, командира нашей гвардии. Нижний или Западный острог и гвардейскую станицу Усинска я проверил накануне. В Нижнем постоянно находился только сержант Василий Леонов. Бывший донской казак, клейменный за участие в Пугачевском бунте, сторонился людей и предпочитал тянуть ляжку гвардейской службы за себя и за того парня. Товарищ Нострадамус характеризовал его одной фразой: «За Васей, как за каменной стеной». Для несения службы к Леонову на неделю вахтовым методом приезжали четверо гвардейцев из Усинска. И главной проблемой для нас было найти для сержанта спутницу жизни. Но здесь пока даже отец Филарет разводил руками.

Поздним вечером второго сентября, закончив инспекцию правобережья Уса, мы возвращались в Железногорск. На завтра была намечена инспекция острога в Семиозерках, караулов Медвежьего перевала и тропы до знака Хаин-Дабана. Я был в прекраснейшем расположении духа. Еще бы, отстроенный Мирский острог, налаженная как часы караульная служба на хребте и Таловке, как лубочная картинка Мирская станица, гладкие, упитанные лошади Трофима и Тихона. Причем буквально за пару недель.

Но вместе с нами к острогу Железногорска подъехал гвардеец с Семиозерского острога: к Медвежьему перевалу из Урянхая приближался какой-то караван.

Еще затемно Ерофей послал гонца в Усинск с приказом резервному десятку выдвинуться в Железногорск. А мы на рассвете поспешили в Семиозерки. Прискакавший из Усинска Ванча, догнал нас перед самым перевалом.

В полдень мы оседлали Медвежий перевал. Из камней гвардейцы заранее сложили небольшое укрепление, в котором могли занять боевую позицию несколько человек. Пятерка гвардейцев расположилась в нескольких десятках метров ниже гребня перевала.

В подзорную трубу я хорошо видел приближающийся караван. До перевала ему оставалась пара километров. Почти сотня навьюченных низкорослых лошадей и три десятка всадников. Среди всадников я узнал нашего урянхайского переговорщика Ольчя. Но больше меня заинтересовали четверо всадников в середине каравана, трое мужчин и одна женщина. Что-то неуловимое заставило меня предположить, что они русские.

Я протянул подзорную трубу Ерофею. Капитан мельком глянул в неё и передал своей жене. Я недоуменно посмотрел на него.

— У Софьи глаз не нам чета. Она сейчас глянет и полный отчет нам даст.

Софья несколько минут разглядывала караван.

— Везут они, ваша светлость, войлоки. В середине каравана православные едут. Они одеты по-другому. Первым едет купчина. Следом думаю его дети: дочь и сын. А четвертый

скорее всего приказчик. Их товар выюков тридцать. И думаю, в караване еще другие русские есть.

— Почему ты так думаешь? — я был немного озадачен.

— Этот, который впереди, самый старый из них. Он перекрестился, достал нательный крест и поцеловал. Потом повернулся к двум другим вот по-отцовски как-то. А четвертый от них поодаль. И все на лошадей с тюками оглядывается. А за ними еще трое едут, одна из них баба, тот, что приказчик к ней подъезжал.

Не доезжая до нас метров сто, двое урянхайцев увидели нас и громко гортанно крикнули. Караван остановился. Ольчей скомандовал своим людям и когда они спешились, направился с купчиной к нам.

— Здравствуй, князь.

— Здравствуй, Ольчей.

— Земли к западу от перевала мы признали твоими. Но ты обещал нам разрешить охоту в своих лесах. Ты подтверждаешь свое слово?

— Да Ольчей, подтверждаю. Ты и твои люди могут беспрепятственно охотиться там, где мы договорились.

— Нам князь, за месяц надо добыть сто шкурок барсука и крота. В наших землях охота плохая. Как ляжет снег надо платить дань хану. Поэтому отец послал меня, а не приехал сам. Два десятка наших охотников поставят юрты там, где мы договорились.

— У нас Ольчей, есть подарок для тебя. Двадцать две шкурки барсуков и кротов.

Во время переговоров Ольчей рассказал что сумону его отца была установлена особая дань, с первым снегом в ханскую ставку надо было отправлять шкурки кротов и барсуков. Причем каждое лето их количество было разным. Ничего подобного я не слышал и очень был этим удивлен. Ладно барсучьи шкуры, но кроты? Шкуры кротов приобрели популярность у русских купцов где-то ближе к концу 19 века, но что бы они были востребованы в Китае? Да еще и летний мех. Да историческая наука 21 века явно не всё знает.

— Спасибо, князь. Это ценный для нас подарок. Поистине княжеский. — Ольчей склонился в седле в поклоне. — Мы тебе возем сто войлоков для юрт. И отдельно подарок. Твой соотечественник Иван.

Леонтий Тимофеев Сизых был приказчиком в Кяхте и вел дела от имени компании нижегородских купцов. Пять лет назад, когда Леонтий был в отъезде, случилось несчастье: красавицу жену, их тринадцатилетнюю дочь и еще трех русских женщин похитили и увезли в Китай. Вернувшийся домой буквально через пару часов Леонтий, не мешкая, с сыном Тимофеем и десятком таких же мужей и сыновей, бросился в погоню. Через сутки они настигли похитителей, схватка с которыми оказалось очень скоротечной. Удачным пистолетным выстрелом Леонтий сразил главаря бандитов, которые тут же просто разбежались, бросив своих пленниц. И вот тут выяснилось, что вернуться домой очень проблематично. Китайский пограничный начальник от «дерзости» русских пришел в ярость и послал целый отряд, приказав арестовать Леонтия с сотоварищами. Перспектива изучения какой-нибудь китайской тюрьмы совершенно их не заинтересовала и началась китайская одиссея полутора десятков русских мужчин и женщин. Спасло их только знание Тимофеем языков, да золото и серебро, оказавшееся в сумке убитого главаря.

И вот после пятилетних мытарств и скитаний по огромному Китаю остатки этого русского отряда вышли на российские рубежи. За пять лет умерли или погибли большинство мужчин и две женщины, в том числе и жена Леонтия. Остались в живых сам Леонтий, его дети, Агрипина, вдова друга Леонтия, умершего год назад, с сыном Логином, да двадцатипятилетний сибирский казак Илья Михайлов с молодой женой Ульяной, которая была племянницей жены Леонтия. Когда через месяц после свадьбы Илья подрядился сопровождать Леонтия, Ульяна осталась у тетушки и разделила её участь, оказавшись похищенной вместе с ней.

Почему-то соплеменники Ольчeya стали звать Леонтия Иваном, спорить он с ними не стал. Пока Ольчей показывал Митрофану с гвардейцами привезенные войлоки, Леонтий честно обо всем рассказал мне с Пантелеевым, не утаив даже то, что три месяца сожительствует с Агрипиной.

— И что, Леонтий Тимофеевич, собираешься дальше делать? По большому счету Россия-матушка, вот за перевалом начинается. До пограничной тропы несколько верст, казачьи караулы на ней ежегодно бывают.

— До Бога высоко, до царя далеко. Я тебе, ваша светлость, тайну открою. Старик, что с Ольчеем к вам приезжал, очень умный и проницательный человек. И показалось мне, что он нашу речь понимает. Он мне сказал, что в долине за эти хребтом раньше никто не жил. Иногда ходят русские караулы, да его соплеменники охотятся. Вы там появились этим летом, прейдя через другие горы. И вы скрываетесь от властей.

Опасности от старого спутника Ольчeya во время переговоров я не почувствовал, но вот что он не так прост, как казалось, я чувствовал. Мы с Ерофеем молча переглянулись, ожидая продолжения.

— Нам домой пути нет. Не знаю, кто хотел нашими бабами полакомиться, но убийство главаря той банды китайцы нам не простили, а они злопамятные. Поэтому мы, ваша светлость, просим разрешения остаться у вас. Нас семь человек, четверо взрослых мужиков. И едем мы не с пустыми руками. В наших тюках ткани, сахар и чай. Два тюка необработанного хлопка, есть его семена.

Леонтий помолчал, а затем с какой-то внутренней улыбкой продолжил.

— И еще мы возьмем земляные бобы, они очень вкусные и сытные. Жаль осень уже на дворе, нельзя их посадить. Хотя на них уже много ростов, но мы их обламываем.

У меня все похолодело внутри и как говориться засосало под ложечкой.

— Покажи Леонтий, мне эти бобы, — у меня даже голос от волнения сел.

Леонтий повернулся к своим и крикнул:

— Принесите их светлости земляные бобы, да с ростками.

Дочь Леонтия подошла к нам, держа в руках несколько «земляных бобов», в которых я сразу узнал проросшие клубни картофеля. Леонтий продолжал что-то говорить, но я перестал воспринимать что-либо. Передо мной стояла и улыбалась третья Маша.

— Здравствуй, Машенька.

Леонтий на полуслове замолчал. Наступила какая-то звенящая тишина, Леонтий еще нам не называл имя дочери.

— Здравствуйте, ваша светлость. А откуда вы знаете мое имя?

Я засмеялся, еще мгновение и с моего языка сорвались бы слова, что через несколько дней я поведу её под венец. Но я совладал со своим языком и спросил у Леонтия:

— Что ты говорил, я как-то отвлекся?

— Машенька, посадила два клубня в горшок, они выросли и цвели. Очень ей их цветки нравятся. Семена собираются с них собрать.

Примерно через час мы тронулись в путь. Ольчей заметно повеселел и спросил меня, не буду ли я возражать, если он вернется к себе, а за него останется главный охотник Мерген, его двоюродный брат.

Я улыбнулся, Мерген — меткий стрелок.

— Нет, не буду. Можешь спокойно возвращаться к отцу, мы постараемся помочь вам добыть нужные шкурки.

С нами остались двадцать пять урянхайцев во главе с Мергеном, который был поразительно похож на Ольчу, только более старший. Трое урянхайцев были со своими семьями, это были самые удачливые охотники. С семьей был и Мерген. Как-то само собой получилось, но всю дорогу до Семиозерок, а затем и до Железногорска рядом со мной ехала Мария Леонтьевна, все остальные немного позади.

В Семиозерках мы немного задержались, еще раз переговорив с Мергеном мы решили, что он поставит свои юрты между острогом Семиозерок и перевалом. Охотится они будут в долине Иджима до Железногорска и по пограничной тропе до Хаин-Дабана. Пока суд да дело, в Семиозерках останется Ванча, гарнизону острога без толмача ну ни как. Вскорости подошел резервный гвардейский десяток из Усинска. Командиром десятка был сержант Ермил Нелюбин. Некоторые урянхайцы знали его и очень были довольны его появлением. Вдобавок ко всему выяснилось, что Ермил именно Мергена спас от разъяренного медведя. Мы с Ерофеем решили пока в Семиозерках разместить десяток гвардейцев.

Уличив удобный момент, я спросил Ерофея:

— Твое мнение, капитан.

Ерофей засмеялся:

— Ты, Григорий Иванович, задаешь глупый вопрос. Но это не удивительно.

— Это почему не удивительно?

— Потому что ты, ваша светлость, сейчас похож на токующего глухаря.

В наступающих сумерках мы вернулись в Железногорск. Для наших гостей были поставлены две юрты, одна для женщин, другая для мужчин.

Сразу же по прибытию в Семиозерки, я отправил Митрофана в Усинск. Ему было поручено рассказать членам Совета и отцу Филарету о прибытии каравана урянхайцев и компании Леонтия. Для себя я решение уже принял, но меня интересовало их мнение. А до возвращения моего посыльного мы с Ерофеем решили задержаться в Железногорске, тем более что в любом случае надо было закончить инспекцию Железногорска и окрестностей.

Весь следующий день я потратил на инспекцию Железногорского завода. Фома Васильевич не зря несколько раз ездил сюда: завод работал вполне прилично, я конечно не был большим знатоком кирпичного производства, но на мой взгляд больших недостатков в работе не было, так небольшие мелочи. Надо сказать, что всё пережитое за последние годы, очень простимулировало чувство ответственности практически у всех. Можно было смело сказать, что нахлебников, лентяев и халявщиков среди нас нет. И просто потрясающее чувство коллективизма. Главным недостатком в наших северных пределах была просто обычная неграмотность и я не знал как к этой проблеме подступиться. Решение проблемы нашлось неожиданно для меня.

Пятое сентября мы с Ерофеем решили посвятить последнему пункту нашей инспекции: я решил лично посмотреть на Хаин-Дабан. Ранним утром мы выехали из Железногорска и по берегу Уса стали подниматься до устья реки Коярд, где был установлен этот пограничный знак. Неожиданно для меня мы очень быстро достигли Хаин-Дабан и не задерживаясь, смотреть там собственно было нечего, двинулись в обратный путь. Но не вдоль Уса, а по тропе, ведущей в Семиозерки, которых мы достигли уже практически ночью.

Митрофан вернулся из Усинска накануне вечером и привез ответ Совета и отца Филарета: «Решай, князь сам». Выслушав Митрофана, Ерофей вопросительно посмотрел на меня, ожидая моего последнего слова.

— Решение мое, Ерофей Кузьмич, такое. Кто хочет остаться с нами, пусть остается. Наши условия они знают. Кто не хочет, вольному воля.

В течение часа мы с Ерофеем еще раз поговорили со всеми прибывшими и они все, как один решили остаться с нами. Капитан сразу положил глаз на Илью и взял его с собой в наш вояж до Хаин-Дабана. Вечером во время ужина он сказал мне о своем предложении:

— Мы вчера, Григорий Иванович, всё судили, рядили как нам безграмотность в Железногорске победить. А решение вот оно, рядом лежит. Илья Михайлов. Он не против в нашей гвардии служить. Они с женой грамотные. И я предлагаю определить его служить в Железногорске помощником Шишкина, а главной задачей ему определить обучение народа в острогах и на заводе. Они согласны с таким раскладом.

На том и порешили. Илья с женой на несколько дней едут в Усинск, а по возвращению получают отдельную юрту для проживания и проведения занятий с народом. Трофиму Рычкову была поставлена задача при первой же возможности поставить для школы отдельную юрту.

В Усинск мы вернулись вечером шестого сентября. На наших северных рубежах остались два гвардейских десятка и естественно лейтенант Шишкин. Он заметно повеселел, получив в помощники Илью с супругой.

Вернувшись в Усинск, я в буквальном смысле в ту же секунду помчался к отцу Филарету. Выслушав меня, он по своему обыкновению несколько минут молчал. Я давно заметил, что, общаясь со мной, отец Филарет почти всегда делает паузу перед ответами на мои вопросы.

— Сейчас я не знаю, что вам, князь, сказать. Поэтому идите к себе. Через час я вас жду

на исповедь. Завтра причаститесь и после Литургии побеседуем.

Первый раз после моего попадания я почувствовал себя человеком двадцати пяти лет отроду. До этого я всегда был только внешне двадцатипятилетним, внутренне я ощущал себя на свой возраст там, в начале 21 века. Тут же и жизненный опыт, и мои способности контролировать себя, оказались бессильны перед забушевавшей во мне гормональной бурей.

На следующий день, седьмого сентября, после окончания Литургии я подошел к отцу Филарету.

— Вчера я побеседовал с Марией и её отцом. Молодой особе я рассказал о вас всё, — иеромонах улыбнулся какой-то необыкновенно доброй улыбкой. — Если ты, Григорий Иванович, уверен, что это твоя вторая половина, то засылай сватов.

В воскресенье отец Филарет обвенчал нас. Вместе с нами венчались Леонтий и Агрипина. А затем у нас с Машенькой была медовая неделя. Ни какими делами я особо не занимался, мы немного попутешествовали по нашей долине, но в основном занимались обустройством нашего семейного очага.

Машеньке понравилось одно живописное место на правом берегу Макаровки, немного выше предполагаемой гвардейской станицы. На большой поляне нам поставили три юрты: одну для нас, вторую для Митрофана с Прохором и третью для помощницы Марии Леонтьевны. Сразу же после венчания, Петр Сергеевич поздравляя нас, демонстративно обратился к новобрачной по имени отчеству и «ваша светлость». Тонкий намек все поняли. Естественно тет-а-тет я обращался по-другому, также как и отец и брат молодой княгине.

В помощницы Машеньке Анна Петровна с Лукерьей предложили взять шестнадцатилетнюю Христину, племянницу Анфисы, одной из моих санитарок, оставшейся круглой сиротой полгода назад. Пообщавшись с девицей, мы согласились и надо сказать никогда об этом не пожалели. Нашим выбором места жительства очень были довольны Пантелеевы. Они поселились в гвардейской станице и мы стали их соседями, а жены наши вскорости стали лучшими подругами.

Сказать, что я почти полторы недели ничем не занимался, конечно было нельзя. Я дал несколько поручений Лукерье и на заводе, много общался со своими новыми родственниками, необходимо было найти им правильное занятие.

Илья Михайлов на следующий день после нашего венчания уехал в Железногорск. Леонтия с Лонгином я запланировал со временем сделать нашими купцами, а пока они стали работать как все мужики Усинска. Для Лукерьи и Кондрата они оказались просто бесценной находкой. Леонтий был настоящим сибиряком, еще его дед перебрался в Сибирь. И к своим сорока годам стал ходячей энциклопедией сибирской жизни, а пять лет китайских скитаний обогатили его еще и знанием Китая.

Для нас большую ценность представляли рассказы об Урянхайском крае. Принципиально ничего нового я не узнал, но очень важным было подтверждение того, что мы знали. Очень интересным был рассказ Леонтия о старике, спутнике Ольчeya, но самым главным был его вывод, чем можно торговать с сумоном Ольчeya. Урянхайцы могли нам предложить только войлоки для юрт и немного своей одежды и обуви. Это всё у них оказалось в небольшом избытке после всех злоключений последних десятилетий. А вот нуждались они можно сказать во всем. И конечно меня интересовало мнение Леонтия с товарищами о самом зайсане Мёнге-Далае, отце Ольчeya. Я хорошо знал историю Тувы, особенно то, как Тувинская Народная Республика воевала с фашистами и даже сталкивался с этими замечательными воинами на фронте. И я очень надеялся, что зайсан из когорты

честных и отважных тувинских воинов. Мнение Леонтия было, что скорее да, но ухо надо держать востро.

Лонгин на мой взгляд был прирожденный купец. Именно благодаря нему наши новые товарищи оказались не с пустыми руками. С оказавшимся в их руках золотом он сумел провести какие-то совершенно фантастические операции. Я, честно говоря, даже не все понял из рассказов о его торговле с китайцами, но для себя сделал вывод, что сей господин просто какой-то академик торговли и при необходимости сумеет продать даже воздух. Получить в свое распоряжение несколько килограммов хлопка, да о подобном подарке я даже не мечтал.

Агрипина через пару дней стала правой рукой Лукерьи и вдвоем они к концу недели стали представлять мощнейший руководящий тандем, на который можно было смело положиться.

А вот Тимофея, брата Машеньки, я назначил директором нашей школы. Он был старше сестры на пять лет, женить его Леонтий до китайской эпопеи не успел, да и сам Тимофей не горел подобным желанием. Был он достаточно прилично образован, насколько это было возможно в условиях Кяхты, в совершенстве знал китайский, свободно читал и писал. После пяти скитаний овладел и монгольским языком и мог общаться с урянхайцами, что для нас было очень ценно. Но главным его талантом были математические способности. Все свободное время Тимофей проводил за чтением книг. А так как в Кяхте с этим было не очень хорошо, то имеющиеся книги он читал по несколько раз и знал их почти наизусть. Особенно Тимофей любил ездить с отцом в Иркутск, где ему часто удавалось прочесть что-нибудь новенькое.

Потратив на беседы с ним три вечера, я убедился в достаточности его знаний и подробнейшим образом объяснил, как надо организовать обучение детей и взрослых. Предложенное дело Тимофею очень понравилось и он с энтузиазмом взялся за него.

Каждый вечер я наносил визит в нашу канцелярию и Степан докладывал мне о состоянии наших дел. Мария Леонтьевна меня всегда сопровождала и к концу нашей медовой недели была в курсе всех наших дел, чему я был несказанно рад. Еще до венчания я прямо спросил Машеньку, был ли у нее разговор с отцом Филаретом о моей прошлой жизни в будущем. Она сразу же ответила «да» и мало того подробно пересказала разговор с отцом Филаретом. После венчания я стал полностью ощущать себя человеком 1776 года, имеющим знание о будущем. А знание жены моей «тайны» просто сделало мое существование очень комфортным, ведь я теперь мог смело обсудить практически любой вопрос, не задумываясь над тем как мне преподнести свое знание.

И естественно изменение моего семейного положения никак не отразилось на деятельности нашей медицинской службы. И тут меня ждал большой, но очень приятный сюрприз: Машенька проявила такой интерес к лекарскому делу и самое главное такую хватку, что я сразу решил: княгиня Мария Леонтьевна будет доктором.

Ранним утром понедельника, 19 сентября мы с Машенькой отправились на завод. «Медовая» неделя пролетела и более отстраняться от дел я себе позволить не мог: стремительно приближалась зима, а до нее слишком много надо успеть сделать.

Кондрат со своими мастерами сделали мне свадебный подарок. Однажды мы с дедушкой Фомой обсуждали какие телеги нам необходимы. И Фома Васильевич рассказал о виденных им когда-то в Европе больших транспортных фургонах и фургонах бродячих циркачей. Я в свою очередь рассказал о цыганских вардо, которые должны появиться в Англии лет эдак через семьдесят и несколько десятилетий использоваться странствующими цыганами в качестве дома. Особенно подробно я рассказал о так называемых фургонах-ридингах, которые отличались повышенной проходимостью. Кондрат присутствовал при этом разговоре и очень подробно расспросил меня о конструкции этого ридинга.

И вот, выйдя из храма в воскресенье, мы увидели построенный для нас такой фургон. Правда, от описанного мною ридинга, этот фургон немного отличался. Длина его была пять метров, ширина почти два с половиной и запряжена в него была пара лошадей. Высокие арочные колеса, задние на полметра больше передних, Кондрат сделал более широкими. Двери было две, боковая и передняя, перед которой были откидные двухместные козлы. Сзади и по бокам были окна. Внутри было два отсека, в заднем была откидная кровать. Сделано всё искусно и аккуратно. Осмотрев творение наших мастеров, я спросил Кондрата:

— И как называется эта колесница?

— Мы, ваша светлость, когда строили называли его вардой. Я помню вы говорили что так его зовут цыгане.

Я засмеялся.

— От цыганской кибитки-вардо твое творение немного отличается, но пусть будет вардо. А не длинновато?

— Думаю что нет. Но ежели что, укоротить можно.

— А вы его испытывали?

— Конечно, ваша светлость. На этом целых пять дней ездили. Мы два таких сделали. Второй грузы возить. Так тот и за железом и на хребет гоняли. Особо через речки вброд пробовали.

— И какой глубины брод был?

— Вода до пола доходила.

— Спасибо Кондрат, за подарок. Будем дальше его испытывать.

И вот на нашем персональном вардо мы едем на завод. Митрофан с Прохором на козлах, Христина дремлет в переднем отсеке, мы в заднем. Я, пользуясь возможностью, образовываю Машеньку, у нас занятие по анатомии и физиологии человека.

На завод мы ехали не с пустыми руками: мы везли два тюка хлопка, привезенного Леонтием и несколько десятков грязно-молочных шариков размерами с грецкий орех, похожих на обыкновенные ластики. Это был каучук, полученный из одуванчиков. Лукерья три недели назад собрала компанию из двух десятков ребят и девчонок. Во главе этой компании она поставила своего сына Емельяна. Каждый день они выкапывали одуванчики прямо с корнями, мыли их, тщательно измельчали, полученную массу отжимали. Затем полученный млечный сок три-четыре часа выпаривался. В итоге получался каучук. В

горячем виде из него скатывали шарики. Общий вес их был почти килограмм. Из этого каучука я планировал получить резину.

Накануне вечером вместе со Степаном к нам пришли Лукерья и Леонтий с Агрипиной. Зная о моих планах, Леонтий решил взять как говорится быка за рога.

— Григорий Иванович, ты не сомневайся, здесь в Усинске все идет своим чередом. Степан собственно тебе отчет каждый день дает, если что коррективы внесешь. А вот на заводе ты край нужен. Тебя там ждут, не дождутся. Петр Сергеевич неделю там безвылазно.

На заводе меня действительно ждали с большим нетерпением. Я был просто поражен тем, сколько всего было сделано за неполные две недели моего отсутствия. Как-то так получилось, что в эти края мы с Машенькой еще не заезжали.

Кирпичный цех начал производство более-менее «правильных» кирпичей, и Яков сложил небольшую, но тоже «правильную» печь на своем пока небольшом стекольном производстве. Кузнецы сделали ему весь необходимый инструмент и стекольный цех уже начал выдавать так нам необходимую стеклянную продукцию. За время моего отсутствия еще четыре человека пополнили команду Якова, причем он привлек еще двух девиц. Но главным помощником у него стал Илья. Параллельно работам со стеклом Яков ударными темпами оборудовал химическую лабораторию. Илья просто на лету схватывал всё, что говорил и показывал Яков. И к моему удивлению, оказалось, что еще двух девиц Яков взял по его рекомендации.

— Рад вас видеть Яков Иванович. У меня для вас подарок, вернее даже два. Помните вы у меня спрашивали зачем нам нужны одуванчики?

— И вы, ваша светлость, не снизили до объяснения мне сирому и убогому, — сирость и убогость тут же была мне продемонстрирована, — высоту полета вашей мысли, — просто огромный прогресс, у Якова оказывается есть чувство юмора, надеюсь скоро испытанное им страшное потрясение перестанет его ломать и корезить. — И вы обещали мне сделать одуванчиковый сюрприз.

— Время пришло, но сначала вы сударь, должны разгадать загадку, — я протянул Якову каучуковый шарик. — И так, любезнейший, Яков Иванович, вы должны ответить мне на вопрос, что это такое?

Яков осторожно взял шарик в руки и внимательно и осторожно начал осматривать его. Через пару минут я, заметив любопытный взгляд Ильи, стоящего немного поодаль, кивнул ему. Вдвоем они изучали шарик почти пять минут, даже попробовали его на зуб.

— Итак господа, жду ответ.

Яков хитро улыбнулся и сделал Илье приглашающий знак рукой: «Догадался, паразит! Посмотрим, что молодой скажет», — подумал я и с интересом стал ждать ответа Ильи.

— Это похоже на стиралку, которой мы чистим бумагу от карандашных надписей.

— Bravo, молодой человек, bravo, — я несколько раз хлопнул в ладоши. — А что нам скажет более старший и опытный товарищ?

— Илья молодец, это каучук. Но где вы его взяли, ваша светлость? Неужели из одуванчиков?

— Получен он действительно из одуванчиков, — я подал Якову два листа бумаги. — Читайте, здесь я изложил и про получение каучука из одуванчиков, и зачем он нам нужен. Я думаю ваши помощники с экскурсией по вашим владениям справятся и без вас. Когда я закончу осмотр заводских достижений, мы продолжим.

Не успев я сделать и пары шагов, как попал я в «тиски» наших кузнецов. Василий

Иванович со своей компанией от нетерпения готовы были уже начать отпихивать Якова с Ильей.

— Ваша светлость Григорий Иванович, полюбопытствуйте на наш подарок!

У меня в буквальном смысле в зобу дыхание сперло и я потерял дар речи. Василий Иванович сделал шаг в сторону и моему взору открылся комплект медицинских инструментов, искусно сделанный нашими мастерами по моим эскизам. Я неплохо рисовал и без ложной скромности всегда считал, что очень даже неплохо. А после попадания стал рисовать еще лучше. И при первой же возможности я подробно нарисовал необходимый лекарский комплект, сопроводив рисунки подробными пояснениями.

— Это действительно царский подарок, чего-чего, а такого я ну никак не ожидал! — скальпели, зажимы, пинцеты и тому подобное, даже два стерилизатора, ну просто чудо. Но четыре стеклянных шприца, два пятиграммовых и два десяти, и десяток игл! Просто невероятно! Приглядевшись же, я увидел два ртутных термометра! На этом моменте демонстрации заводских достижений я в буквальном смысле был близок к потере сознания.

— Ну, братцы, нет слов! В своих самых смелых мечтах я ожидал подобное ну ни как не раньше зимы! Спасибо, мои дорогие, — я поклонился в ноги нашим мастерам, лишив их этим на несколько мгновений дара речи.

Кузнечный, стекольный и кирпичный цеха, лесопилка и водяное колесо просто радовали глаз, не верилось что все это создано за такой короткий срок. Петр Сергеевич, видя мое удивление, довольно кивнул головой:

— Мне самому не верится, что еще два месяца здесь ничего не было. Если бы я сам не горбатился бы здесь денно и ночью, никогда не поверил бы что такое возможно. Но это, Григорий Иванович, еще не всё. Пожалуйста в мой инструментальный цех.

То, что я увидел было действительно вишенка на торте: господин Модсли с компанией отдыхают. Первый универсальный токарно-винторезный станок создан здесь, в далекой и глухой окраине Российской империи, раньше англичан и прочих на четверть века.

— Когда я думаю о тех возможностях, которые у нас появляются с появлением этого станка, у меня даже голова начинает кружиться. Хотя конечно нам еще далеко до полноценной работы станка, самое главное нет приличного привода. Через пень колоду он работает от водяного колеса, но в основном привод ножной.

— Как вы сумели так быстро воплотить в жизнь эту идею, поделитесь.

— Когда вы умчались с Ванчей в Усинск, меня чуть ли не в буквальном смысле торкнуло и я четко представил, что и как надо делать. Я прекратил практически все работы на заводе и мы просто набросились на этот станок. Правда работать на нем могу только я, да Фома Васильевич присматривается.

Когда я вернулся в химическую лабораторию, то обнаружил там уже целую бригаду.

— Пока ты, Григорий Иванович, совершал обход завода, мы вопрос изучили и уже готовимся к работе, — Яков показал на четырех своих помощников, двух девиц и двух юношей, которые под руководством Ильи сосредоточенно возились с какими-то склянками. — Молодые люди будут не меньше часа готовиться к работе. Поэтому я вас приглашаю понаблюдать как мы получим из цилиндра первое листовое стекло. Илья, ты готов?

— Один момент, сударь.

Несколько дней назад Яков получил первое листовое стекло старинным «лунным» методом. После нескольких неудачных попыток трое его ребят освоили эту методику и

каждый день по два-три десятка стекол двадцать на двадцать начали поступать на заводской склад готовой продукции. Но сегодня Яков собрался получить первые листы стекла способом цилиндров, самым распространенным в настоящий момент.

В стекольный цех мы пришли в самый ответственный момент. Помещенный в печь стеклянный цилиндр разогрелся и раскрылся. Яков, по каким-то лишь ему понятным признакам, через полчаса решил — пора. И тут же он ловко со своими помощниками выхватили цилиндр из печи и аккуратно положили на специальный стол. Я понимал, что стекольный цилиндр еще горячий и должен легко разрезаться. Для резки стекла кузнецы изготовили по заказу Якова три специальных ножа и он ловко и быстро вырезал из раскрывшегося цилиндра восемь стекол. Их размер я оценил примерно сорок на тридцать и толщиной с сантиметр. Когда стекла остыли, их размеры оказались именно такими. Поверхность стекол оказалась почти идеально ровной.

Дедушка Фома наблюдал за процессом от загрузки сырья до получения готового стекла и за несколько часов не проронил ни слова. Тщательно осмотрев полученные стекла, он вынес свой вердикт:

— Да, Яшенька, большой ты мастер. А без тебя, когда справятся?

Яков наклонил голову и прищурившись оглядел свою команду.

— Сегодня, завтра нет, — помолчав, ответил на вопрос. — Если каждый день будем резать, то цилиндры на десятом должны будут справиться.

— Яков Иванович, а почему такие размеры стекла?

— Так нам так Кондрат заказал. Он сказал, что окна в юртах надо делать таких размеров.

День начал клониться к вечеру, но откладывать эксперимент с каучуком на завтра не хотелось. Тем более пока мы обсуждали «стеклянные» дела, Илья поспешил в лабораторию и когда мы, то есть Петр Сергеевич, Фома Васильевич, Яков, Мария Леонтьевна и я вернулись в царство химии, так назвал лабораторию Фома Васильевич, то там все было готово для проведения эксперимента.

— Григорий Иванович, вы десять дней назад попросили меня срочно получить серу и попробовать с серной кислотой. Серного колчедана или пирита у нас достаточно, проблем с сырьем нет. Поэтому серу получить удалось практически без проблем. Вдобавок ко всему у нас есть немного самородной серы. Я уже говорил как-то, наши Саяны продолжение Алтая, поэтому если знать где и как искать, найти можно много чего. Особенно там, где есть золото. А здесь в северных отрогах Куртушибинского хребта золото есть. А вот с серной и азотной кислотами пока есть проблемы, я конечно получаю их по чуть-чуть, но думаю нам надо будет больше.

— И сколько вы получили серы?

— Почти пять килограмм.

— Этого достаточно что бы начать наши эксперименты с каучуком.

Легко делать великие открытия, когда на сто процентов знаешь как. Я знал, как Чарльз Гудьер открыл процесс вулканизации резины. И не мудрствуя лукаво, я изложил на бумаге как должен выглядеть этот процесс. К нашему приходу Илья со своими помощниками тоненько раскатал один из каучуковых шариков, постепенно нагревая его. Причем шарик раскатывался в сере, которой каучук в итоге просто пропитался. После этого в течение четырех часов мы нагревали лепешку пропитанного серой каучука при температуре сто сорок градусов. Название процесса и готовый продукт я решил оставить привычными,

вулканизацией и резиной.

— А какой прок от этой резины? — Фома Васильевич покрутил в руках полученный образец, даже попробовал её на зубок.

Когда заканчивалась вулканизация, к нам присоединились несколько мастеровых и Ерофей с супругой. Они с пятью гвардейцами пять дней обследовали левобережье Уса от Нижнего острога до Енисея. С завтрашнего дня Ерофей планировал начать обследование правобережья Уса до его устья.

— Помнится мне, как-то был разговор об этом каучуке, — сказал Ерофей и я сразу вспомнил как однажды рассказывал Ерофею про каучук и ластики. — И Григорий Иванович рассказывал, как каучук появился в Европе и чем он хорош, но боится жары и холода. И поэтому сейчас из него делают только ластики. Если Григорий Иванович говорит, что эта самая резина очень нужная и важная для нас вещь, то значит так и есть. Я вот вижу, что из этой штуки можно будет делать сапоги непромокаемые и плащи. Представьте, как это будет здорово.

— А еще разные накидки и пологи, — продолжил я. — Резина вещь очень прочная, эластичная, твердая и водонепроницаемая. Долго рассказывать о наших перспективах, которые нам даст резина. Начнем с ней работать и сами все поймете. Главным по резине пусть будет Илья.

Откладывая в долгий ящик такое важное дело я не стал и сразу же начал обучать Илью. Как-то само собой получилось, но обучение быстро превратилось в производственное совещание, главным вопросом которого стала паровая машина.

Сразу же после получения первой резины кузнецы дружно покинули химическую лабораторию, но часа через полтора Василий Иванович вернулся и воспользовавшись первой же паузой неожиданно спросил:

— Ваша светлость, а нельзя как-нибудь сделать так, что бы резина выдерживала большую температуру?

— Можно, а почему и какие температуры вас интересуют?

— Петр Сергеевич и Яков Иванович подробно рассказали о машине Ползунова, но машину мы делаем немного другую, схему которой вы нарисовали. Так вот что я хочу сказать, надо сначала сделать маленькую машину, всё на ней попробовать, а потом делать большую.

— Здравая идея, Ползунов предлагал сначала построить небольшую машину, на которой можно было бы выявить и устранить всё её недостатки. Если бы с ним согласились, глядишь и не умер бы он. Да и машина его работала бы. И когда ждать готовую машину?

— Больших проблем три: центробежный регулятор, манометр и прокладки и сальники. Как вы уехали, Петр Сергеевич занимался исключительно токарным станком. Но теперь он к нам опять присоединиться и дело пойдет быстрее, одно дело ковать, другое на станке. Регулятор и манометр мы быстро сделаем. Ведь я почему говорю о маленькой машине? У нас много чего уже было, да и маленькое проще ковать. А если хорошие прокладки и сальники будут ...

— Будут, Василий Иванович, будут. Яков Иванович, у тебя, есть образцы всего что ты находишь, так?

— Конечно есть, ваша светлость.

— Ты говорил, что есть асбест. Сколько его у тебя?

— С четверть пуда будет.

— Этого сейчас выше крыши. За пару дней Илья освоит работу с каучуком, будут и нужные сальники и прокладки.

— Тогда я, ваша светлость, в кузню.

Несколько минут после ухода Василия Ивановича мы молчали.

— Наши мужики в буквальном смысле работают день и ночь, — первым заговорил господин инженер, — понимают что помощи ждать не откуда, а зима близко. Они мне еще неделю назад предложили делать машину поменьше. Я сказал, что в принципе согласен, но окончательное слово за тобой. Машина правда слабовата получается, думаю только станок вытянет.

— А это главное, Петр Сергеевич. Будут работать ваш станок, всё быстро вперед двинется. Но сейчас давайте о другом.

Одно из первых, что мы начали делать придя в долины, было устройство селитряниц, в которые закладывались абсолютно все наши биологические отходы. Я популярно объяснил, зачем они нам нужны и народ очень сознательно отнесся к этому делу. Яков в изысканиях с Ванчей нашел немного селитры и к моему приезду уже успел получить около литра азотной кислоты. Я хотел попробовать получить бездымный порох. Начать я решил с хлопка, а затем использовать опилки и лен. Я читал когда-то об экспериментах со льном, но сначала надо гарантировано научиться получать пироксилин из хлопка, а затем из опилок. Затем попробовать получить тринитрофенол или мелинит, так это взрывчатое вещество называли в Российской империи, из шерсти, шелка и природных смол. Наши леса были неограниченным источником этого сырья.

Бездымный порох я хотел получить для его применения в новом оружии, которое виделось мне в моих мечтах: винтовка Ремингтона с откидным затвором (или с крановым, так тоже говорят). Я заранее в пяти экземплярах подробно описал все наши действия и мои собеседники Петр Сергеевич, Фома Васильевич, Ерофей и Яков получили каждый по экземпляру.

Когда я закончил говорить воцарилось почти гробовое молчание, все внимательно изучали мои записи и желающих говорить пока не было. Первым заговорил Ерофей.

— Ну понятно, что это нам даёт. Просто бешеная скорострельность, а для штуцеров такая штука даст то еще и прицельную дальность ого-го, — Ерофей очередной раз заглянул на шаг вперед, молодец, ничего не скажешь. — Это решит все проблемы нашей обороны.

— Порох, да и весь патрон целиком получается моя проблема, — Яков вопросительно-утвердительно посмотрел на меня. — Хотя конечно можно использовать и черный порох.

— Можно естественно, — согласился я, — но для нас проблема и его получить.

— Получается нужна азотная кислота, спирт и ртуть — начал вслух рассуждать Яков. — С кислотой всё понятно, со спиртом то же. Ртуть надо будет получать из киновари, благо она есть. В принципе все реально. Только надо будет делать специальные дистилляторы.

— А свинец?

— Со свинцом Ерофей Кузьмич, сложнее. Богатых свинцовых руд у нас нет, так с миру по нитке. Как собственно и медь — медь есть, он еще её не нашел, — и много еще и что. Выбора нет, придется выжимать из того что есть.

— Со свинцом разберемся как-нибудь. Наторгуюем в конце концов. Ты вот Петр Сергеевич, лучше скажи, — я показал на рисунок, — реально нам переделать ружья и штуцера под откидной затвор?

Петр Сергеевич еще раз внимательно прочитал мои записи.

— Реально, особенно когда у станка появится паровой привод. А со временем я думаю, наши кузнецы смогут и стволы начать.

— А как говорить, с нуля сделать такую штуку? — я ткнул в нарисованную мною винтовку Ремингтона. В той жизни я неплохо рисовал, а после попадания мои художественные способности на мой взгляд улучшились.

— Завтра скажу, — пообещал господин инженер, — пообщаюсь с нашими мастеровыми, важно, что они скажут.

— Хорошо, теперь давайте еще об одном важном деле на сон грядущий, — я долго думал, когда начать развивать черную металлургия, ведь по большому счету ни нужного угля, ни железной руды нет. И решил не откладывать это в долгий ящик. — Яков Иванович и Фома Васильевич бывали в Европах и наверное что-то слышали об успехах английской металлургии. Слово кокс я думаю присутствующим знакомо. Еще лет сорок назад англичане в огромных количествах ввозили разное железо из России и Швеции, то сейчас все меняется прямо на глазах и скоро именно Англия станет главной металлургической державой. И всё это благодаря коксу.

Целый час я рассказывал своим товарищам о развитии металлургии с древнейших времен до конца 18 века, естественно 18 века не нынешней реальности, а той, из которую я перенесся. Хотя я предполагал, что до поры до времени и в нынешней реальности все будет происходить также. Я рассказал о лорде Дадли, о семье знаменитых металлургов Дерби и несчастном Генри Корте, который через несколько лет усовершенствует технологию пудлингования. Тут я немного схитрил и события 1784 года в своем рассказе перенес лет на десять раньше.

Мои собеседники все понимали с полуслова, уральский завод был железоделательным, а Яков был хорошо с этим всем знаком.

— Ты, Григорий Иванович, предлагаешь нам научиться получать этот самый кокс. Так? — дедушка Фома посмотрел на меня своим хитрым прищуром.

— Так, Фома Васильевич.

— Англичане Дерби начинали с простых угольных куч, а потом придумали специальные печи. Мы сразу начнем работать с печами. Так? — тут же последовал новый вопрос.

— Уголь, который нашел Яков годится для получения кокса и у нас есть все для этого, — начал отвечать я рассуждая вслух, — и мы через какое-то время построим коксовую печь и я думаю кокс мы получим быстро. Руду надо плавить в доменной печи. Доменную печь мы тоже сможем построить. Нужно просто много кирпича наделать. Вот только домна это непрерывный процесс, а у нас для этого просто нет сырья.

— Эту проблему можно решить оригинальным способом, — подключился к разговору Петр Сергеевич. — Мы можем набрать сырья, сделать несколько плавов и заглушить печь. У нас на заводе домна была высотой две с половиной сажени, по новой шкале около пяти метров. И за сутки чуть ли не сто пудов получали. К примеру тысячу пудов нам хватит надолго. Когда понадобится, печьотремонтируем и снова запустим её. В домне мы получим чугуны. Для его переработки построим плавильный и кричный горны. А вообще-то можно начать не с домны, а с блауофена.

— Интересная идея, — я думал о домне и древние блауофены вообще не рассматривал, — в блауофенах насколько я знаю кокс не используется. Скорее всего мы в нем получим хороший чугуны. Кокса и руды требуется меньше, чем для домны. Затем по

необходимости фришевание в одном или двух горнах.

Яков не согласился с нами.

— Думаю, вы не правы, господа. Попробовать можно, но результат неизвестен. Потратим время, материал, сырье и может быть впустую. Идея с несколькими плавками в домне мне больше нравится. Да и построить хороший блауофен для нас не намного проще.

— Скорее всего, ты Яков, прав. И последнее, вишенка, так сказать, на торте. Воздуходувки, молот и прочее. Там где водяной привод, у нас должна работать паровая машина.

На этом наше совещание закончилось. Все это время Машенька и София, жена Ерофея молча сидели в сторонке и внимательно слушали наши умные разговоры. Но когда все разошлись и мы отправились спать в наше вардо, юрты для нас на заводе еще не было, моя супруга просто забросала меня вопросами. И в итоге наша научная семейная беседа длилась почти целый час. Я просто был на седьмом небе, общие интересы всегда были для меня одним из главных в семейной жизни. Сейчас же в особенности. Машенька знала мою историю, я с ней был абсолютно откровенным и мне не надо было думать, как преподнести ей мое знание. Тем более что пару раз моя супруга дала ну очень ценные советы.

Вот и сейчас Машенька предложила мне очень интересную идею, когда я рассказывал ей о каучуконосах. На людях женам меня называла как все: светлостью или по имени отчеству, но наедине чаще всего Гришенькой.

— Гришенька, если я тебя правильно поняла, эта твоя резина очень нужная штука и получать мы её можем только из одуванчиков?

— Да милая, других вариантов пока нет.

— А фикусы?

— Да нет, реальнее наверное из Америке сок гивее привозить, там уже плантации есть, было бы чем за это платить. А фикусы растут в Индии, Сиаме, да на всяких Зондских островах. Там надо наладить добычу, потом доставка к нам. Это не реально.

— Не спеши делать выводы. Ты говорил, что у буддистов фикус священное растение, так?

— Машенька, но это другой фикус, их же много. Нам нужен фикус эластичный или каучуконосный, другие фикусы-каучуконосы растут, как и гевея, в Америке. Инжир к примеру то же фикус.

— Еще раз говорю тебе не спеши и выслушай меня, а сначала попробуй нарисовать этот фикус.

Просьба меня несколько удивила, но потратив минут десять я нарисовал нужный фикус, как я его помнил. В покинутом мною 21-ом веке он не был редким растением, одно время у нас он тоже был, сорта Робуста.

Машенька внимательно изучила мой рисунок и продолжила:

— Ты знаешь подробности нашего спасения в Китае?

— Подробности не знаю, знаю только, что вас спасло знание языков Тимофеем, да торговый гений Лонгина.

— Да, если бы не Лонгин, мы бы все погибли, начала свой рассказ моя супруга. — Год назад нас осталось в живых только семеро. И у нас почти закончилось золото и серебро, отбитое у главаря разбойников. И остались три каких-то разрисованных статуэтки. Они были тяжелые и всё, кто их видел, думали, что они золотые. Лонгин немного старше Тимофея, но с его мнением еще в Кяхте все считались. У него какое-то чутьё на выгоду есть, он никогда

не прогорал еще с малолетства.

Машенька закрыла глаза, как бы мысленно представляя то, о чем рассказывала.

— Так вот, Лонгин как увидел эти статуэтки, сразу же сказал моему отцу, что бы он их спрятал и никому не показывал, особенно в Китае. Никто не знал о них. Мы к тому времени оказались в окрестностях города Хух-Хуто. Ты знаешь, где это? — я молча кивнул.

— Там мы подобрали буддистского монаха, он был один и просто умирал от жажды. Нашел его в песках Лонгин, дал ему воды и на себе притащил на нашу стоянку. К вечеру, когда село солнце, монах ожил и всю ночь они с Лонгином просидели у костра, — Машенька опять сделала паузу и я почти наяву представил Лонгина в песках.

— Лонгин уже неплохо говорил на китайском и понимал еще и монголов. Утром монах сказал, что нам надо идти в сам город Хух-Хуто. А когда мы пришли в этот город, то он сказал, что Лонгину и Тимофею надо идти в буддистский монастырь Да Чжао и он пойдет с ними, отец должен отдать Лонгину все три статуэтки. В сам монастырь Тимофея монахи не пустили. Лонгина не было три дня. Вечером мы все пришли к Тимофею. Монахи накормили нас и помогли найти крышу над головой. Лонгин же вернулся к нам вечером третьего дня, радостный и довольный.

Машенька просто и буднично рассказывала свою историю, я же представил как они ждали Лонгина, понимаю от чего зависит их жизнь.

— На следующее утро из монастыря к нам вышло пять монахов и мы оправались в другой храм — Храм Пяти Пагод. Около самого храма мы остановились. Монахи достали наши статуэтки и отдали их отцу, он и Лонгин пошли в храм. Остальные вместе с монахами остались их ждать. Отца и Лонгина не было три дня. Когда они вернулись то сказали, что надо возвращаться домой и идти через бывшую Джунгарию. Монахи помогли нам дойти до Урянхая.

Рассказывая Машенька, воодушевилась, на щечках заиграл румянец.

— Так вот Гришенька, в этом самом Хух-Хуто мы видели эти самые фикусы, — торжественно воскликнула он. — Монахи их выращивают в бочках. Я уверена, что Лонгин сможет привезет их оттуда. А мы будем выращивать их в каждом доме и построим со временем оранжерею для их выращивания.

— Идея потрясающая, а ты уверена, что Лонгин справится?

— Как ты говоришь, на все сто.

Следующим утром я отправил гонца за Лонгином и он, получив мои подробнейшие инструкции и рисунок фикуса, не мешкая отправился в Урянхай. Сопровождающих Лонгин не взял, заявив мне, что одному ему будет сподручнее.

— Я, ваша светлость, поеду один. До урянхайских стойбищ я доберусь без проблем, а там они мне помогут.

— А один справишься?

— Справлюсь, не сомневайтесь. За пару месяцев обернусь.

На заводе мы планировали провести целую неделю. Я работал в каком-то бешеном темпе по шестнадцать часов в сутки. Основное место работы была химическая лаборатория, все остальное было можно сказать я видел краем глаза, да честно говоря там и без меня дела шли успешно. А вот в ведомстве Якова Ивановича без моего непосредственного участия было ни как.

Я сразу же занялся обучением Ильи. Два дня мы втроем: Яков, Илья и я, с утра до ночи занимались отработкой технологии вулканизации и в итоге наши мастерские получили

первые паронитовые прокладки и резиновые сальники. И приятным довеском было получение эбонита, правда что с ним делать я еще не знал, до освоения электричества нам было еще далеко.

После завершения каучуковой эпопеи я решил вплотную заняться оружейными проблемами и на следующий день запланировал начало «изобретения» Яковом Ивановичем Макаровым нового взрывчатого вещества — пироксилина. Я решил попробовать каким-то образом натолкнуть Якова на небольшое действие: обработку хлопка азотной кислотой.

Когда мы с Ильёй ближе к вечеру заканчивали работу с каучуком внезапно активизировался товарищ Нострадамус. Я еще раз проэкзаменовал Илью и пошел на берег Макаровки. Еще когда мы осматривали берега Макаровки, прикидывая где разместить завод, мне понравилось это место. Течение реки здесь на протяжении нескольких сотен метров было очень спокойным и как результат на реке образовалось несколько заводей. На берегу одной из них, на большой лесной поляне лежал огромный валун, рядом росли три огромных кедра изумительной красоты. Вокруг был ковер ровной изумрудной травы. Изгиб берега и лес надежно изолировали поляну от заводского шума, хотя по прямой до завода было не больше ста метров. В этом месте меня всегда охватывало чувство спокойствия и защищенности, я полюбил иногда приходить на эту поляну.

Вот и в этот раз я отправился на свое любимое место, чтобы в тишине и спокойствие проанализировать товарища Нострадамуса. Сопровождающий меня Прохор уютно расположился в лесу, он почти всегда сопровождал меня в походах на поляну и у него было любимое место, где он ожидал меня. Проведя полчаса в тишине и уединении я решил, что меня ожидает что-то необычайное, но безопасное для меня.

Вернувшись в лабораторию, я застал там Петра Сергеевича, Фому Васильевича и Якова которые обсуждали с Ильёй перспективы нашего резинового производства. Увидев меня, Илья неожиданно вспомнил, что ему надо помочь в стекольном цеху и чуть ли не бегом покинул нас.

Убегание Ильи я почему-то расценил как прелюдию того необычайного, что я стал ожидать после сегодняшней прогулки в лес. И в лаборатории повисло какое-то непонятное молчание.

— Какие наши планы на завтра, ваша светлость? — улыбаясь, спросил Яков, прервав просто до неприличия затянувшееся молчание.

— Да, господа, давайте займемся планами на завтра, — я тоже заулыбался, необычайное будет не здесь и не сейчас.

Не придумав ничего путного, я рассказал что случайно уронил кусочек хлопка в селитряницу, а некоторые из них у нас были совершенно примитивные, как решил его достать, а он типа того взорвался. В общем когда говорил и сам понял, что заврался, но прокатило. Мои собеседники пропустили мой бред мимо ушей и сразу заинтересовались моими «предположениями» что это было.

В итоге до полуночи длилось мое сообщение о технологии получения пироксилина и последовавшее очень живое обсуждение предстоящего.

Ночью сна не было совершенно. Я еще и еще читал свои наброски о технологии получения пироксилина, капсюля и всего прочего, что должно было дать нам бумажный унитарный патрон. Каких-либо ошибок я не находил, но всё это я знал чисто теоретически и на практике всё может пойти как-нибудь не так. Машенька, видя мои умственные терзания, тоже не спала почти всю ночь. Я дважды прочитал ей мои записи и мы подробно их обсудили. В итоге моя супруга смогла разобраться во всех тонкостях предлагаемого мною.

На рассвете Машенька наконец-то уснула. Засыпая, она подвела итог нашего ночного бдения:

— Дорогой. Прекрати себя мучить. Уж если я сумела разобраться и понять все это, то Яков Иванович тем более сумеет и я не сомневаюсь, великолепно с этим справиться.

С первыми лучами солнца я помчался в химическую лабораторию, застав там готовящегося к работе Якова.

— Доброе утро, Яков Иванович! Надеюсь, вы сударь, перед предстоящими нам серьезными экспериментами отдохали?

— Как это не удивительно, но я спал целых шесть часов. Руки у меня не дрожат, голова светлая. Я вчера на ночь и сегодня спозаранку успел еще раз прочитать ваши записи. А вы, Григорий Иванович, похоже истязали свой мозг бессонницей?

— Не без этого, не без этого. Кого планируете в помощники?

— Никого. И вас, ваша светлость, тоже попрошу удалиться. На мой взгляд дело это слишком опасное. Риск не допустим, хотя я совершенно уверен в успехе. Вы, Григорий Иванович, лучше идите в какой-нибудь другой цех. Мне так будет спокойнее работать.

С Яковым я спорить не стал и вернулся в свою резиденцию-вардо. Машенька предложила мне заняться медициной, я согласился и мы занялись важнейшим для нас делом: акушерством и гинекологией.

Сразу же после окончания нашего похода я озаботился проблемами материнства и детства. И здесь я столкнулся с почти неразрешимой проблемой: женская половина нашего отряда просто категорически отказалась даже просто вести какие-либо разговоры про физиологию женского организма. Даже казалось бы, совершенно вменяемые Евдокия и Анна Петровна Маханова почему-то становились немыми и глухими. Мне это было совершенно не понятно, но я ничего с этим не мог поделать.

Причем проблемы были видны невооруженным взглядом: у нас самому младшему ребенку был год и не было ни одной беременной женщины. Поэтому главным предметом наших с супругой занятий сразу же стало акушерство и гинекология. Машенька информблокаду прорвала сразу же, с ней наши женщины были совершенно откровенны.

Опираясь на свой фронтной и лагерный опыт, я предполагал, что имею дело с одной из военных болезней: аменореи военного времени на фоне чрезмерных психических потрясений. Говоря простым русским языком, у наших женщин просто не было месячных после того, что они перенесли за последние пару лет. И то, что они рассказывали Машеньке, подтверждало мой диагноз и после окончания похода женские функции массово начали восстанавливаться. Неожиданно для меня на помощь пришел отец Филарет. Неделю назад он сам завел разговор на эту тему и буквально в нескольких словах изложил мне нашу проблему, а затем так же коротко и ясно то, что надо делать по его мнению. Я просто развел

руками, вот уж ничего подобного от отца Филарета я не ожидал. Особенно я поразился тому, что наш иеромонах, не ведая со мной специально ни каких разговоров, уловил многие тонкости репродуктивной медицины.

— Вам, Григорий Иванович, некогда вести индивидуальную работу, поэтому позвольте я объясню нашим мужикам, как надо относиться к своим женам и правильно делать детей.

Через пару часов наших занятий я начал испытывать какое-то беспокойство и не удивился когда услышал крик:

— Прохор, где их светлость?

Из Усинска на взмыленной лошади прискакал один из моих госпитальных помощников: в госпиталь из Железногорска привезли одного из работников кирпичного завода. Осмотревшая его Евдокия поставила диагноз, ущемленная паховая грыжа и послала гонца за мной.

Бедя не приходит одна, когда через час я примчался в госпиталь, меня там ждал еще один хирургический больной. Буквально за несколько минут до моего приезда в госпиталь обратился еще и один из лесорубов, осмотрев которого я диагностировал острый аппендицит.

Диагноз Евдокии был верным. Мне предстояло серьезнейшее испытание, необходимо было сделать две полостные операции. Вот оно что-то необычайное, о чем меня предупредил товарищ Нострадамус.

Распорядившись положить лед больному с аппендицитом, я начал готовиться к грыжесечению, грыжа ущемилась не меньше шести часов назад и надо было поспешать. Среди привезенного Леонтием было почти два килограмма опиума и для анестезии я использовал именно его.

Еще во время нашего похода я сделал Лукерье заказ на овечьи кишки и когда однажды был зарезан сломавший ноги баран, я получил наконец-то нужный мне материал. Все мои познания о кетгуте ограничивались короткой фразой, это скрученные волокна из подслизистого слоя кишок овец. Выслушав эту фразу, Евдокия коротко, но очень весомо сказала:

— Я все поняла, ваше светлость, и попробую.

После нескольких попыток нам удалось получить что-то похожее на кетгут. Стерилизацию я провел кипячением, а когда Яков сделал первый самогонный аппарат, мы получили из пшеничной браги в конечном итоге почти медицинский спирт, в котором и стали хранить наш кетгут. И вот теперь пришло время испытать наше творение.

Мои занятия не прошли даром, как и вся техническая подготовка. Ассистировали мне Машенька и Евдокия, все санитары то же были при деле. Я хоть и продолжал называть их санитарями, но мои занятия с ними уже давали результат и можно было смело переводить их в медбратья.

Обе операции прошли без сучка и задоринки, просто как какие-то студенческие занятия. Евдокия даже самостоятельно заканчивала вторую, я отстранился и со стороны смотрел как она ушивает послеоперационную рану. Поверхностные швы мышили шелковой нитью. Но это было через час, а перед началом первой операции меня просто трясло от страха и волнения. Когда-то я был неплохим диагностом и хирургом, но это было больше пятидесяти лет назад. И с диагностикой я пока справлялся лишь благодаря сохранившимся знаниям, которые оказалось никуда от меня не делись, а вот хирургия это на самом деле в первую очередь рукоделие. Любой мало-мальски состоявшийся хирург это рукодел, а вот

если ты рукожоп, то не сумеешь даже толком наложить простейшую повязку. Там я был рукоделом, здесь еще были сомнения.

Помощники моего мандража не видели и не чувствовали, я был сама уверенность и спокойствие. Осмотрев еще раз больных, я оставил в силе все ранее отданные распоряжения и мы начали мыться перед операцией. Все мои сотрудники тщательно следили за своими руками, сам я тоже старался максимально беречь свои.

Руки мы помыли в двух водах, простой чистой и кипяченой, затем обработали их спиртом. Для проведения операций Анна Петровна по моему эскизу пошла нам хирургические халаты, шапочки и маски. Маски были не марлевые, а простые хлопчатобумажные. Что бы в них можно было дышать, низ масок был максимально свободным.

Больной после опиумно-алкогольного коктейля спал. Одного из своих санитаров, двадцатилетнего Осипа Павлова, я специально обучал измерять и считать пульс и давать ему характеристики. У Осипа это получалось лучше всех, он это стал делать после пары занятий даже лучше меня и я очень надеялся на него.

И так мы были готовы начать нашу первую полостную операцию. По моей команде Евдокия сорокапятипроцентным спиртом еще раз обработала операционное поле. Машенька подала мне скальпель. Я на секунду замер, затем поднял глаза на операционную бригаду. Не вооруженным взглядом было видно их понятное волнение. Я постарался улыбнуться им всем, естественно глазами и с трепетом в душе сделал первый разрез. Ну что же мастерство не пропьешь, как поговаривали некоторые, там в двадцатом веке. Мой мозг помнил, как это делать и команды рукам отдавал правильные.

Наш больной нам не мешал, только постанывал во время операции, самое главное он не дергался и лежал на столе неподвижно. Каждую минуту Осип сообщал о состоянии пульса и его частоте.

Признаков некроза ущемленной кишки я не увидел, аккуратно вправил ущемившуюся петлю тонкого кишечника, максимально щадяще провел ревизию брюшной полости и начал ушивать грыжевые ворота. С Евдокией, а затем и с супругой, мы неоднократно учились вязать хирургические узлы и накладывать хирургические швы, поэтому этот этап операции прошел, на мой взгляд, просто блестяще.

Закончив первую операцию, я глубоко выдохнул. Мне казалось, что все я делал на одном вдохе.

— Двадцать минут, ваша светлость, — Осипу еще было поручено вести и хронометраж операций.

— Мария Леонтьевна, переводите больного в палату, организуйте наблюдение. Евдокия Васильевна и Осип Андреевич, подавайте второго больного.

Через час мы начали оперировать второго больного, прежнего волнения у меня не было, наша бригада то же волновалась заметно меньше. На наше счастье случай был классическим и Евдокия оказалось просто молодцом, сумев диагностировать аппендицит на такой ранней стадии. Катаральная форма только начала переходить во флегмонозную стадию. Увидев это, я облегченно выдохнул.

— Евдокия Васильевна, пять баллов. Просто высший пилотаж диагностики, ты фактически диагностировала аппендицит в катаральной стадии.

Аппендэктомия заняла у нас десять минут. Я до последней секунды не мог поверить нашему везению: случаи конечно студенческие, но две операции за один день, и мы

справились. Все медицинские инструменты, изготовленные нашими мастерами, показали себя великолепно. А вот как вести больных в послеоперационном периоде я совершенно не представлял: у меня не было ни дренажного материала, ни нормальных антисептиков, ни противовоспалительных препаратов, не было ни-че-го.

В ранах я установил дренажные иглы, сделанные нашими мастерами. Расчет был на то, что если начнутся какие-нибудь нехорошие процессы, то что-то начнет отходить и я это увижу. Что правда надо будет делать, я представлял слабо. Поразмыслив, я решил, что проблемы буду решать по мере поступления. На этих больных я начал испытание сделанного Яковом по моему эскизу первого ртутного термометра. Он несколько отличался от привычного мне прибора, главное отличие было в его размерах. Наш первый термометр был просто огромным, почти полметра длиной. Пользоваться им можно было только в госпитале. Больной лежал, а два санитары измеряли им температуру.

К моему большому изумлению наша доморощенная анестезия оказалось достаточно эффективной. Оба пациента сказали, что они просто спали и боль была терпимой, по крайней мере они не проснулись. Я тут вспомнил рассказ одного своего ученика, ставшего хирургом. Он однажды сделал аппендэктомию на одном седуксене, введенном в качестве премедикации и больная ему потом сказала, что ей было очень тепло и она очень сладенько спала.

Естественно я рассчитывал, что у нас не будет септических осложнений и поэтому невольно вздрогнул и напрягся, когда через несколько часов у обоих больных начала повышаться температура. Наш термометр был градуирован через полградуса. Первые два измерения были тридцать шесть и пять — тридцать семь, а вот третье измерение у обоих было больше тридцати семи. Двое суток я в буквальном смысле не отходил от постели больных, каждый час измеряя температуру и с трепетом наблюдая за дренажами. Больных мы поили ивовым отваром. Максимальный подъем температуры у обоих был до тридцати восьми к концу первых суток, но дренажи оставались чистыми и через двенадцать часов температура начала снижаться. Чувствовали больные себя удовлетворительно, ни каких жалоб не предъявляли.

Когда температура начала снижаться я начал поднимать их, активизировать больных надо конечно раньше, но я не был на сто про уверен в нашем кетгуте и решил поэтому перестраховаться и не спешить с активизацией.

К концу третьих суток температура у обоих больных нормализовалась, дренажи оставались совершенно чистыми и я понял, что наши больные выздоровели. Дренажи были удалены и осталось через пару дней снять швы. И так мы в тысяча семьсот семьдесят шестом году совершили чудо: насколько я помнил историю медицины где-то в Европе в 18 веке пару раз были проведены успешные аппендэктомии, а вот грыжи еще никто и не пытался оперировать, то бишь наших больных мы спасли от неминуемой смерти.

Трое суток вместе со мной в госпитале безвылазно были Машенька, Евдокия и Осип. Остальные санитары дежурили посменно. В свободное от ухода за больными время мы занимались науками. Неграмотность среди нашего персонала была уже ликвидирована, худо-бедно все научились писать. А так как читать и писать приходилось каждое дежурство и причем немало, то прогрессировали мои сотрудники достаточно быстро, да и стимул у каждого был немалый, социальный статус моих помощников был очень даже высокий, уважаемые люди были.

Каждый день в госпиталь приходил отец Филарет и жены наших больных. Мужики

были ровесники, одному было тридцать, другому тридцать один. Жен я в госпиталь не пускал, только сообщал об их состоянии. И вот на исходе третьих суток, вечером воскресения, я разрешил больным выйти из госпиталя и сам вместе с ними вышел на свежий воздух. К моему удивлению около госпиталя стояли и сидели на земле человек тридцать, они ожидали «выхода в народ» наших больных. По всей вероятности, произошла утечка информации через кого-то из сотрудников госпиталя. Мне сигнальчик, надо обратить внимание на медицинскую этику и деонтологию.

Но когда я увидел, как радовались и ликовали люди, увидев живыми и здоровыми своих родственников и друзей, мое мнение немного изменилось, ну утечка информации и что? Печальный жизненный опыт говорил людям, что они должны были неминуемо умереть, но этого не произошло и это было настоящее чудо.

Я вышел из госпиталя не сразу, а через несколько минут, когда радостные вопли и крики стали стихать. И тут произошло то, чего я совершенно не ожидал. Увидев меня, все замолчали и над площадью на несколько минут повисла тишина. А затем все стоящие перед госпиталем как один, опустились передо мной на колени.

Мой авторитет сразу же поднялся до небес, что я почувствовал буквально через несколько часов. Поздним вечером к нам в госпиталь очередной раз пришел отец Филарет. Мы, а были все мои сотрудники, в этот момент обсуждали проблемы женского здоровья и его влияние на рождаемость. В тот момент, когда зашел отец Филарет, я задал вопрос, почему внешний вид и здоровье наших женщин, в основном крестьянок и работниц, так резко отличается от жен дворян и прочих господ, в частности например от Анны Петровны и Агрипины.

Знавшую ответ Машеньку, я заранее попросил молчать.

— И так, господа хорошие, кто готов ответить?

— Непосильный труд, ваша светлость, — первым ответил Осип.

— Да, Осип, ты прав. Непосильный труд с малолетства. Голод, холод, мордобой. Все помнят, как я сказал, что отныне исподнее должно быть и у баб? А теперь скажите честно, ведь очень многим это не понравилось, но просто промолчали. Я не просто так занимался с вами акушерством и гинекологией. Вы теперь знаете и понимаете, чем и почему женщина отличается от мужчины. Для нас вопрос жизни и смерти наши дети. Все здоровые бабы с восемнадцати лет и до тех пор, пока у них идут месячные, должны рожать от своих мужей и воспитывать здоровых детей. Подчеркиваю рожать от мужей и жить семьями в любви и согласии по Божиим заповедям.

До глубокой ночи я рассказывал своим сотрудникам, что необходимо нам изменить в нашей жизни и как. И вот тут я почувствовал и буквально физически осознал, что я теперь для наших людей подобен библейскому Моисею и мое слово почти истина в последней инстанции.

После полудня понедельника 26 сентября счастливые и довольные, а самое главное здоровые, наши первые успешно прооперированные больные покинули госпиталь. Я конечно чувствовал себя победителем, у меня было чувство, что я могу, наверное, и горы с места сдвинуть, если захочу естественно.

Но сдвигать горы, наверное, даже интересно и романтично, но была и проза жизни. Со дня на день мог выпасть первый снег и надо было заканчивать подготовку к предстоящей зиме. Остаток дня я потратил на инспекцию Усинска.

Мой тесть Леонтий Тимофеевич, стал в Усинске почти первым человеком, что было совершенно не удивительно. Он сумел быстро вникнуть со все наши дела и казалось знал и умел абсолютно всё, что имело какое-нибудь отношение к предстоящей зимовке. Я знал, что в молодости ему дважды пришлось зимовать где-то в Якутии практически с голыми руками, и фигурально выражаясь, в чистом поле.

Могучий квартет: мой тесть, Лукерья, Агрипина и Кондрат, оказались просто молодцами. Я даже не ожидал, что мы сумели так подготовиться к предстоящей зиме. Кондрат для каждой нашей семье поставил отдельную юрту, построил все необходимое для нашего общего хозяйства: коровники, свинарники, птичники, амбары, погреба и прочее. Я просто развел руками, по моему разумению даже если бы было сделана только половина увиденного, это было бы просто великолепно. В строительном цеху я увидел первые готовые окна для юрт, Кондрат запланировал в течение месяца в каждой юрте установить застекленное окно, полметра на полметра. Конструкция их была довольно оригинальной, это по сути были деревянные стеклопакеты с двойными стеклами, вся хитрость заключалась в возможности их подтягивать по мере высыхания дерева.

— Кондрат, давай называть твои окна стеклопакетами, — Кондрат кивнул соглашаясь. — Как долго ты будешь готовить стеклопакеты для юрт?

— Пару недель, ваша светлость.

— Отлично. После этого стеклопакеты начинай делать такими, что бы их можно было соединять друг с другом. Леонтий Тимофеевич, ты как-то рассказывал, что в Иркутске есть зимние оранжереи. Как ты думаешь, из таких стеклопакетов мы сможем строить оранжереи?

— Сможем, Григорий Иванович, без проблем.

— Когда вернётся Лонгин, нам нужно будет где-то выращивать фикусы. Это раз. И нужны теплицы просто для выращивания того, что не растет у нас в открытом грунте. Чем у нас их будет больше, тем легче нам будет зимовать.

В наших амбарах и погребах Лукерья показала заготовленные грибы и ягоды, а самое главное просто огромные запасы кедровых орехов, увидев которые я с облегчением подумал, что голодная зима нам не грозит.

— Хочется вам в ноги поклониться, Лукерья Петровна. С таким количеством заготовленных орехов зима нам не страшна.

Но орехи это было не всё. Еще были вяленый и копченый хариус, копченое и соленое мясо. Мясо было в основном добытые нашими охотниками-гвардейцами маралы. С особенным удовольствием Лукерья показала мне только что сооруженный умельцами Кондрата погреб-холодильник. Гвардейцами Мирского острога на Араданском хребте был найден небольшой ледник и неделю назад они по заказу Лукерьи привезли в Усинск два

пуда льда с этого ледника. В этом погребе-холодильнике хранились свежие туши нескольких маралов. В планах Лукерья было сооружение таких же погребов-холодильников для хранения излишков продукции наших ферм и птичников, которые должны были появиться по её подсчетам будущей зимой, когда начнется массовый отел в нашем стаде.

— Лукерья Петровна, я как-то упустил один момент, а откуда у нас соль?

— Ванча её где-то в горах нашел, а Яков Иванович подтвердил, что это настоящая соль.

Да я припомнил. Яков рассказывал мне об этой находке Ванчи, но это было в те дни, когда я был по определению Ерофея Кузьмича «токующим глухарем» и я просто запамятовал.

— Лукерья Петровна, а сейчас у нас молоко да яйца есть?

— Есть ваша светлость, но мало. Почти всё без остатка уходит на выпаивание молодняка, да кормление цыплят, утят да гусей разных. У нас с зерном не густо, вот и приходится пока на яйца налегать.

— А зимой чем кормить планируете?

— Сена, ваша светлость, наготовили достаточно. А птице вместо зерна орехи будем давать. Но без зерна скотине трудно придется. Зерна у нас самое большое до Рождества, и то, если не будем скотине давать.

В моем знании истории, принесенном из двадцатого века, как выяснилось, есть небольшие изъяны. Я искренне считал, что уйдя в Саянские глубины, мы как бы исчезнем из поля зрения сильных мира сего и какое-то время сможем жить тихо и спокойно, набираясь сил. Но не тут-то было. Оказавшись в Усинской долине, мы стали занозой и проблемой для целых двух империй, и для родной Российской и для Цинской. Смешно сказать, но капитан Пантелеев со своими пятью гвардейскими десятками оказался страшной угрозой стратегической стабильности и спокойствия только-только установившихся на огромных просторах бывшей Джунгарии. И если вдруг сильные мира сего в двух далеких столицах сочтут нас какой-нибудь угрозой, то за наши жизни никто и ломаного гроша не даст.

Да и проблем у нас оказалось, мягко говоря, чуть-чуть побольше, чем мне думалось. И вот одной из самых острых становилась зерновая. Её конечно можно решить только одним способом — торговлей. Причем купить его можно было только в российских пределах. После того как станет Енисей, снарядить караван к примеру до какого-нибудь из русских острогов будет не проблема. Но чем торговать? Если бы мы успели намыть немного золота, можно было бы рискнуть и ехать с ним. Но еще надо его добыть, и неизвестно какое решение примет таинственное «сиятельство», с которым мы дважды уже опосредованно столкнулись, после того как стопроцентно станет ясно, что у нас есть золото. Поэтому поразмыслив, я вариант с золотом отбросил.

Другой вариант, наладить сначала торговлю с китайцами, наторговать тканей и чая, а затем ехать в русские пределы. Вариант хороший, жизнеспособный и осуществимый. Но есть одно большое но. Время. В Россию за зерном надо ехать месяца через два, как только станет Енисей, а с китайцами еще надо наладить торговлю. Если за год наладим, будет хорошо. Одним словом, как подступиться к решению этой проблемы я не знал.

В один из наших «медовых» дней на эту тему зашел разговор с Леонтием. Тот меня внимательно выслушал и неожиданно заявил:

— Есть, Григорий Иванович, на мой взгляд решение, — тесть меня звал то светлость, то по имени-отчеству. — Ответь мне на вопрос, на чем много лет, чуть ли не с государя Ивана Васильевича, держится торговля российская со всякими европами? И это не меха.

Надо признаться, ответа я не знал.

— Есть такое растение ревень. Слыхал о таком? — я совершил интеллектуальный подвиг и что-то всплыло из нижних подвалов памяти.

— Но по-моему цениться корень какого-то китайского ревеня, из провинций от нас достаточно далеких.

— Да, это так. Но я много раз в Кяхте закупал его у китайцев и стало мне интересно почему их ревень так цениться? Ведь он же растет много где. И думается мне, этот секрет я распознал. Корень ревеня толстый, длинный ветвистый и он почти никогда не бывает цел, всегда посередине загнивает у всех сортов, кроме китайского. Так вот, ваша светлость, мы с Лонгином сразу углядели, что здесь много ревеня растет и накопили его немного. Я уже какой день смотрю за ними и думается мне, не загнивает серединка.

— Ты, Леонтий Тимофеевич, хочешь сказать, что мы можем повезти в русские пределы ревеневый корень?

— Именно так. Времени немного до октября всего, но несколько пудов можем успеть накопать. Енисей надежно станет нескоро, ты говоришь чуть ли не к Рождеству.

— Пораньше, пораньше.

— Но не раньше декабря, так?

— Так.

— Не меньше двух месяцев у нас. Корни подсохнут и я точно тебе скажу, насколько наш ревень ценный.

Накопать корней ревеня большого труда не составило, Агрипина подобрала десяток малолетних помощников и они от зари до зари занимались ими: мыли, резали и раскладывали для сушки.

Лонгину, уехавшему за фикусами, Леонтий поручил выяснить пути торговли китайскими тканями и чаем. До будущего изобилия русских тканей было еще далеко и китайские ткани были востребованы в Сибири.

Кондрат со своими мужиками ежедневно совершал настоящие трудовые подвиги. Трудясь ежедневно от зари до зари, они успевали и валить лес и доводить его так сказать до ума: всё остро необходимое было построено, на зиму заготавливалось каждый день немало дров, сооружалось всякое разное деревянное: ведра, телеги, какие-то колеса и всё прочее, что ежедневно заказывалось Кондрату. И в этой ежедневной круговерти он с Леонтием начали присматривать и потихоньку валить хороший лес, из которого через год планировали начать строить качественно и основательно, пусть не на века, но на многие десятилетия.

Инспектировать ведомства Анны Петровны и Степана Гордеевича я не стал. Просто не было необходимости, всё порученное команде Степана выполнялось, канцелярия работала как часы, потребности наши в бумаге, карандашах, перьях и чернилах удовлетворялись полностью. А работа швейно-сапожной фабрике была видна невооруженным взглядом, каждый день кто-нибудь переодевался и переобувался, тем более что уже несколько дней как Анна Петровна передала дела на фабрике Агрипине и перебралась к супругу на завод. У Петра Сергеевича неделю назад от чрезмерных нагрузок нарушился сон, он совершенно не спал двое суток и кончилось бы всё это чем-нибудь не хорошим. Но Фома Васильевич проявил бдительность и вовремя вмешался. Приезд Анны Петровны буквально мгновенно все исправил. Под крылышком супруги Петр Сергеевич проспал безпробудно почти сутки.

Вечером мы пообщались с Тимофеем — моим шурином. У него в школе проблем не было, как стали поговаривать в начале двадцать первого века, от слова совсем. Весь наш

народ, от мала до велика, сознательно и с большим усердием выполнял поставленную мною задачу: ликвидировать в кратчайший срок неграмотность и Тимофей рассчитывал, что к весне неграмотных среди нашего народа не будет.

Положением дел в Усинске я остался очень доволен. На следующий день я собирался проинспектировать наши Северные территории, а затем несколько дней полностью посвятить заводским делам. Что бы успеть на Северах за сутки, выезд из Усинска я запланировал затемно, но как говорится человек предполагает, а Бог располагает.

Запланированный ранний выезд пришлось отложить и мало того поехал я один, моя супруга осталась в Усинске.

Выйдя из юрты я увидел быстро движущуюся светлую точку на другом берегу Уса. Вот она остановилась и медленно двинулась поперек Уса.

— Ваша светлость, скачет кто-то с фонарем. Гонец, наверное, от их благородия капитана Пантелеева, — Ерофей по служебной надобности был на правобережье Уса и подошедший Прохор высказал резонное предположение.

— Позови Леонтия Тимофеевича и лейтенанта Шишкина.

Шишкин по своим делам приезжал в Усинск и возвращаться собирался со мной. Когда Леонтий с Шишкиным подошли, я с помощью подзорной трубы уже сумел разгадать загадку светлой точки. Это был не гонец, а сам капитан Пантелеев собственной персоной со своим денщиком. Ерофей был верхом, а денщик управлял телегою, впереди которой скакал капитан с фонарем.

— Давай-ка Прохор, иди за Евдокией Васильевной и в госпитале сыграй подъём.

Ерофей со своей супругой три дня был на правобережье Уса, в горах выпал первый снег и капитан проверял готовность своих гвардейцев к службе зимой. София от супруга не отставала ни на шаг и почти весь день они провели на тропе, идущей через Мирский хребет. Вечером она пожаловалась мужу на сильную слабость, а затем внезапно началась рвота. Ерофей уложил супругу в постель, решив, что она просто сильно устала. Но когда ночью рвота повторилась, Ерофей решил не мешкая ехать ко мне.

Осмотрев Софию вместе с Машенькой и Евдокией, я спросил их:

— Ваше мнение, коллеги? — я диагноз поставил почти сразу, но меня интересовало их мнение. Занятия на соответствующую тему мы уже проводили и я надеялся, что они то же разобрались в ситуации. — Хотя стоп. Поступим не так.

Я взял лист бумаги, разорвал его.

— Напишите свой диагноз.

Прочитав написанное, я дважды изобразил аплодисменты.

— Блестяще, дамы, блестяще, — затем слегка наклонился к Софии. — Поздравляю вас, сударыня. Наша общее мнение, вы беременны. Евдокия Васильевна, дайте Софье Васильевне двадцать капель настойки валерианы, установите круглосуточный пост, Мария Леонтьевна оформите пожалуйста историю.

Радость просто распирала меня, наконец-то! Я ни на грамм не сомневался в нашем диагнозе, Софья была беременна.

Ерофей успел переодеться, почистить сапоги и ожидал меня возле госпиталя. Когда я сказал ему о нашем вердикте капитан схватил меня своими железными руками-клещами, стиснул меня так, что у меня в буквальном смысле затрещали кости и поднял чуть ли не на полметра от земли.

— Ерофей, паразит, поставь на место, — с трудом сумел я выдать из себя.

Поездка на Северные территории была отложена на сутки. Я был уверен в диагнозе, но все равно надо было понаблюдать за Софией. Легкое успокаивающее, настойка валерианы, и простой отдых к полудню нормализовали её состояние.

Но тем не менее, следующим утром на севера я поехал один, Машенька осталась в Усинске со своей подругой. Ерофей в течение всего прошлого дня был просто совершенно неадекватным, весь день он витал где-то в облаках, постоянно улыбаясь. Попытки о чем-то пообщаться с ним заканчивались неудачами. Абсолютно у всех. Только к вечеру он начал более-менее вменяемо отвечать на вопросы. Вот уж что-что, а такой реакции я от него не ожидал.

Лейтенант Шишкин подробно мне обо всем доложил и поэтому главной целью моей инспекции было общение с урянхайцами. Но сначала я поговорил с Трофимом Рычковым и Ермилом Нелюбиным.

С нескрываемой гордостью Трофим показал мне штабеля готового кирпича.

— И что думаешь делать дальше?

— Я не силен, ваша светлость в арифметике, но вот Илья мне помог все посчитать и получается, что мы можем нужные нам печи начать класть. Только вот дедушка Фома должен подъехать и помочь.

— А в чем проблема Трофим?

— Я, ваша светлость, хочу печь кирпичного завода сделать так, чтобы она была в большом теплом сарае. Зимой много чего сушить надо. И строить зимой сможем.

— Это как?

Трофим повернулся к стоящему поодаль Илье Михайлову.

— Илья, покажи.

Илья развернул большой лист бумаги, склеенный из наших четырех стандартных. На нем были примитивно, но вполне понятно, был нарисован большой шатер высотой в две с половиной сажени, внутри которого была металлическая печка и строящаяся стена. Совершенно понятная технология.

— Это понятно, а зачем большой теплый сарай?

— Раствор готовить, всю подготовку к кладке проводить, кирпич что бы теплый был, да и что бы завод и в морозы работал. Ведь мы же можем почти полтыщи кирпича за день делать. И потихоньку, полегоньку острог за зиму построим.

— Давайте попробуем, мы же ничего не теряем. А шатер кто делать будет?

— Да сами и сделаем, Ермилу урянхайцы обещали со шкурами помочь. Печку тоже сами соорудим.

После полудня мы были в Семиозерках. Ермил поставил две юрты и вокруг них начал ставить острог. Отношения с урянхайцами у него и его гвардейцев сложились просто великолепные, к моему огромному изумлению они успели даже создать какой-то новый русско-урянхайский язык, на котором успешно общались. Ну что же это просто замечательно, с чистой совестью я могу забрать с собой Ванчу, который как воздух был нужен Якову.

Ермил с Мергеном за несколько дней стали просто братьями, а когда Мерген пригласил нас на чаепитие в свою юрту, я увидел, как смутилась при виде Ермила младшая сестра Мергена и покраснел Ермил.

Дела у наших друзей урянхайцев шли успешно, Мерген почти выполнил свой план на осень и уже начал строить планы на добычу соболя и белки. Откладывать этот вопрос в

долгий ящик он не стал и прямо спросил меня, разрешу ли я и дальше охотиться им в наших пределах.

— Ты Мерген, ответ наверное хочешь сейчас получить?

Тот молча кивнул. Ермил предупредил меня о возможности такого разговора, со дня на день посыльные Мергена поедут к своему зайсану и ему этот вопрос желательно со мной сейчас решить.

— Сейчас не отвечу, но когда сегодня буду уезжать, ответ будет.

Мне в голову пришла совершенно сумасшедшая мысль и мне надо было сначала поговорить с Ермилом.

На перевале Ермил сложил небольшой деревянный редут, открытый в нашу сторону. При необходимости два-три человека могли в нем какое-то время держать оборону.

— Молодец Ермил. Как думаешь тут службу надо организовать?

— Если острог построить и урянхайцы тут останутся, то можно здесь и половиной десятка справиться. Хорошо бы состав постоянный. Но пока семьями тут жить не получится.

— А ты уверен, что им можно доверять?

— Можно, ваша светлость, если подлости им не делать.

— А если с ними породниться, то вообще все будет в шоколаде, — смеясь, предположил я. Ермил просто ошарашено посмотрел на меня. Такого предположения он от меня явно не ожидал. Я перестал смеяться и совершенно серьезно продолжил.

— Я заметил, что у вас с сестрой Мергена симпатия возникла? Что молчишь, я ведь серьезно тебя спрашиваю. Понравилась она тебе? — Ермил кивнул. Я знал, что он был холост и продолжил. — А под венец хотел бы повести?

Ермил еще раз молча кивнул.

— А от кого это зависит знаешь?

— Только от Мергена, он у них старший, как он скажет, так и будет. Даже зайсан не будет возражать.

— Против моего сватовства возражать не будешь?

— Не буду, ваша светлость.

— Как её звать?

— Анзат.

Когда мы возвращались с перевала Шишкин, улучив момент, тихонько шепнул мне:

— Если Ермил девку урянхайскую возьмёт, мы, ваша светлость, большую выгоду от этого поймеем.

Перед отъездом из Семиозерок я решил дать ответ Мергену. Ванче я сказал быть рядом, что бы не возникло какого-нибудь непонимания.

— Я тебе Мерген, перед отъездом обещал ответ дать. Но сначала я хочу тебе вопрос задать. Я ваших обычаев не знаю, но ты если что простишь меня, я ведь все таки князь и мне позволено то, что другим нельзя.

Мерген внимательно выслушал меня, а затем и Ванчу. Потом что-то тихо спросил у Ванчи, причем так тихо, что я не расслышал. Затем поклонился мне и на ломаном русском сказал:

— Я тебя слушаю, князь.

— Ермилу твоя сестра Анзат приглянулась, отдашь её за него?

И в этот момент я внезапно понял, что Мерген ждал именно от меня именно этого вопроса и для себя уже всё решил. Поэтому ответил он без раздумья.

— Отдам, князь.

— Тогда будем считать, что я твою сестру просватал за Ермила. По нашим законам и обычаям невеста перед свадьбой должна в нашу веру перейти.

— Я знаю это князь. Анзат к вам пойдет жить, должно быть по вашим законам.

— Тогда Ермил завтра сватов как положено пришлет. Я, не обессудь, задерживаться не могу. Если твой зайсан разрешит тебе оставаться, я не возражаю.

В Усинск я вернулся поздним вечером. На прощание я сказал засмутившемуся Ермилу:

— Завтра засылай сватов. И не тяни, а с отцом Филаретом я сам переговорю, а ты как все решишь, Ванчу в Усинск посылай. Куй железо, пока горячо.

Жена Ерофея чувствовала себя хорошо. Ерофею я посоветовал совместные служебные поездки прекратить. Я много слышал про чудеса диагностики Востока, там якобы по пульсу корифеи абсолютно все диагностируют. Слушая эти рассказы я всегда посмеивался, оценить уровень АД, просто низкое или высокое, без цифр естественно, да возможно. Но всё остальное, брехать, не пахать.

Но когда я стал очередной раз смотреть Софию, то почувствовал, как под моими пальцами бьется пульс еще одной жизни. Тоненький, как ниточка, но абсолютно явственный. Да, батенька, век живи, век учись.

— А я его уже чувствую. Это мальчик.

— Да Соня, это мальчик.

Надо сказать, что там, в двадцатом веке, я всегда безошибочно с одного взгляда определял беременных женщин, притом в достаточно ранних сроках. Но по пульсу, да еще пол! Таких талантов я за собой раньше не замечал.

Разговор с отцом Филаретом я откладывать не стал и перед сном нанес ему визит. Возражений с его стороны конечно не последовало.

Следующим утром мы с Машенькой наконец-то оказались на заводе. Там меня ждали большие сюрпризы. Первым сюрпризом были намеченные на сегодня первые испытания паровой машины. По большому счету это была не паровая машина, а хороший ей прототип или макет, но очень хороший, а самое главное действующий. По расчетам Петра Сергеевича и Якова её мощности должно было хватить для работы универсального станка, но только его одного.

Все работы на заводе остановись. Абсолютно все были заняты подготовкой к пуску паровой машины. Непосредственно с машиной работали Петр Сергеевич, Яков, Фоме Васильевич, Илья и несколько кузнецов. Все остальные то же что-то делали, по крайней мере, ни кто не стоял и не сидел, и все были заняты чем-нибудь связанным с предстоящим пуском. Машину можно было пускать в любую секунду, но ждали отца Филарета, после Литургии он должен был приехать отслужить молебен.

Я сразу же поспешил к самой машине, Леонтий, оказавшийся на заводе впервые занялся его осмотром, Машенька поспешила к Анне Петровне, что бы рассказать ей о новостях.

Отец Филарет приехал вскорости и не мешкая, начал служить молебен.

К кресту я подошел последним. Как по заказу прекратился ветер, смолкли птицы и наступила звенящая тишина. Уже потом Анна Петровна сказала, что был легкий ветерок, пели птицы, а огонь в паровом котлом просто ревел.

Отойдя от отца Филарета, я посмотрел на заводские солнечные часы. До полудня одна минута. Петр Сергеевич положил руку на кран, открывающий паровую магистраль. Я махнул рукой.

— Поехали.

Наша паровая машина заработала, ничего собственно удивительного в этом не было. Я сотни раз разбираю эту тему со своими учениками, не менее десяти раз мы делали

действующую модель, притом два раза без использования современных технологий, ну типа как Ползунов с Уайтом. В тот момент, когда заработала наша машина, я неожиданно сравнил себя с Курчатовым, он шел вперед семимильными шагами с помощью советской разведки, а мы с помощью моих знаний.

Через пять минут работы на холостом ходу мы включили токарный станок, за спиной я услышал чей-то глубокий выдох, а затем шепот:

— Не ошиблись, слава Богу.

Я подумал то же самое. У нас получилось всё, паровая машина работает, все валы и шестеренки крутятся как надо, токарный станок работает на трех скоростях. Подошедшая ко мне супруга вопросительно шепнула:

— На сколько лет ты опередил англичан?

— Уайта лет на десять, а Генри Модсли всего пять лет, его мы опередили почти на двадцать пять.

Главная наша проблема — люди. Нас мало, рабочих рук катастрофически не хватает. С рождаемостью у нас, судя по всему, наладится, Машенька сказала, что у наших женщин просто лавинообразно восстанавливаются все функции, детишек они нарожают, но работяги нужны вчера. Проблема!

К нам подошёл улыбающийся и просто светящийся от радости Петр Сергеевич.

— Поздравляю вас, Петр Сергеевич. Степан Гордеевич доложил мне, ваша монополия на работу на станке закончилась?

— Степан Гордеевич все доложил правильно. На станке научился работать его дедушка и мы вместе подобрали двух мастеровых для работы на станке. У них уже получается намного лучше, чем у меня.

Первыми токарями нашего завода стали братья близнецы Емельян и Кузьма Шилины. Им было двадцать лет и они были на уральском заводе слесарями, Фома Васильевич считал, что у них просто золотые руки.

— Ну это замечательно, вы должны другим заниматься, а не на станке работать. Мне кажется, что сегодня вы должны меня чем-то таким удивить, ну прямо ах. Паровая машина — это ожидаемо и предсказуемо. Вы что-то наверняка еще приготовили.

Петр Сергеевич засмеялся.

— Пойдемте, ваша светлость.

Мы зашли в лабораторию Якова. На столе лежали два ружья системы Ремингтона! Одно из них было переделанным штуцером, второе было переделано из обычного кремниевого ружья.

Один из моих учеников стал инженером-оружейником и работал в концерне Калашникова. Еще в школе он увлекался историей стрелкового дела и про различные Ремингтоны всегда говорил, что их сначала делали, чуть ли не на коленке и совершенно непонятно, почему они появились только во второй половине девятнадцатого века. И он оказался прав на все сто! За какую-то неделю наши мастера, используя стволы допотопного ружья и штуцера восемнадцатого века, сделали гладкоствольное ружье и нарезную винтовку с казённой частью. Вот это было просто чудо.

Я просто был уверен, что мы сможем это сделать, но за неделю и параллельно с паровой машиной. Просто фантастика! Поразмыслив над этим я, вспомнив слова отца Филарета прс изменившиеся природные условия в нашей долине, резонно предположил, что мой перенос изменил не только природу, но и что-то в людях меня окружающих: они стали умнее,

рукодельнее и как бы это сказать правильно, совестливее. Я не слышал брани, не было скандалов и ругани, мужики не распускали руки и не пытались употреблять горячительное, хотя оно уже было в наличие. Интересно надолго ли все это и когда вернется на круги своя, ведь отец Филарет сказал, что природа со временем вернётся в свое русло. И как обстоят дела за пределами долины?

Обо всем этом я размышлял через несколько часов в ночной тишине. А сейчас я потрясенно смотрел на винтовки и ружье с казённой частью. Стоп! А патроны к ним?

Яков как-бы почувствовал мой вопрос и выложил на стол шесть патронов к новым ружьям.

Передо мной лежали бумажные патрона центрального боя. По сути это были унитарные патроны Жана Паули с пулей Минье.

— Эти патроны снаряжены пироксилином, я получил его и думаю изучил. Но их пока всего шесть. А это патроны с черным порохом, — Яков выложил еще шесть патронов. — Их пока десять. Капсюля я сделал на основе гремучей ртути. Я её то же смог получить, — Яков улыбнулся. — Несколько лет назад я читал в химическом трактате прошлого века про то, что смесь «*spiritus vini*» и ртути в «*aqua fortis*» взрывается при варке. Но не думал, что я сумею когда-нибудь разобраться, в чем тут дело.

— Поздравляю, ты сделал как минимум два открытия, надеюсь, придет время и мы сможем об этом сказать другим людям.

— Григорий Иванович, а зачем другим об этом говорить? Лавры первооткрывателя мне не нужны, противоядие от подобных желания у меня на спине. Такого оружия нет ни у кого. Такие патроны делать пока безумно сложно и дорого. Но дальность и точность боя надежно защитит нас на наших тропах.

— Вы проводили испытания?

— Да, из каждого ружья я сделал по четыре выстрела, два патрона с черным порохом и два с пироксилином. Мы с Петром Сергеевичем предлагаем вам самому сделать по два выстрела.

На берегу Уса уже было оборудовано стрельбище. Из положения лежа я сделал по два выстрела каждым типом патрона из переделанного оружия. Из переделанного штуцера я поразил мишень на расстоянии километра. Это с пироксилиновым патроном. С черным порохом на триста метров. Гладкоствольное ружье то же показало отличный результат, почти четыреста метров с пироксилином и около двухсот с черным. Скорострельность мы оценили не менее десяти выстрелов в минуту.

Несколько минут я в буквальном смысле не мог говорить. Если Уайта мы опередили на восемь лет, максимум на десять, то оружейников Европы и Америки на десятки лет. Если конечно за пределами долины течение времени и ход истории останется прежним. Ведь, если я не ошибаюсь, десять лет назад в Берне уже родился Жан Самуэль Паули, который в 1812 году запатентует свой унитарный патрон и казнозарядное ружье под него. И только стечение обстоятельств помешало внедрению этих изобретений. В двадцатом веке считается что Паули опередил время почти на пятьдесят лет. Кстати ружье его системы то же надо будет попробовать сделать, схему я хорошо помнил.

— Как вы господа, оцениваете личный вклад в создание этого оружия?

— Тут, Григорий Иванович, все очень просто, — оценку взялся ставить Фома Васильевич. — Идея твоя, ружья это Петр Сергеевич, без его станка Лаврентий конечно все равно бы справился, но ковырялись бы еще ого-го, а вот патроны заслуга Якова Ивановича.

Согласны? — Фома Васильевич грозно посмотрел на господ инженера и химика. Возражений не последовало, уж очень Фома Васильевич был категоричен.

— Тогда бывший штуцер назовем винтовкой системы Маханова, ружье однозарядным ружьем системы Маханова, я вам Петр Сергеевич предложу еще схему двухствольного ружья. Но там будет другая казенная часть. А патрон назвать унитарным патроном центрального боя системы Миронова. Патрон с черным порохом будет номер один, с пироксилином номер два.

— По-простому будет первый и второй патрон, — Фома Васильевич внес маленькое дополнение.

— Ну естественно, или номера первый, второй, по ситуации. Длинные названия будут в бумагах, а в жизни коротко и понятно: махановская винтовка или второй мироновский патрон. Главное, чтобы мы друг друга понимали.

После общего праздничного обеда завод возобновил свою работу в обычном режиме, а я предложил Петру Сергеевичу и Якову обсудить наши дальнейшие планы.

— Как верно заметил Яков Иванович, новое оружие нас надежно защитит в нашей глуши. Но есть одно но, патроны. Как эту проблему можно решить. Яков, твое мнение.

— Есть узкое место и несколько узеньких.

— Давай сначала про узкое место, — засмеялся Петр Сергеевич.

— Узкое место это пироксилин. То из чего он получается, Григорий Иванович назвал целлюлозой, — Петр Сергеевич, а затем и Яков пару раз поинтересовались про источник моих знаний, я их вопросы проигнорировал и предложил просто на практике проверять мои слова. Люди они были умные и все поняли с одного раза, тем более я однажды случайно услышал окончание разговора Петра Сергеевича с отцом Филаретом.

Подойдя однажды к храму, я услышал слова иеромонаха:

— Ваши сомнения мне понятны Петр Сергеевич. Но уверяю вас, Григорий Иванович не доктор Фауст и никакой договор с врагом рода человеческого он не заключал. Вы меня, кстати, очень удивили своим знанием этой древней немецкой легенды. Да, я согласен с вами, его знания зачастую вызывают оторопь. Но поверьте мне, вам не полезно знать источник этих знаний, это не ваш крест. Просто делайте так, как он вам сказал, проверяйте на практике его слова.

Я тихонько отошел от храма и окончания разговора не слышал, но до этого я несколько раз видел в глазах Петра Сергеевича какое-то смятение и сомнения, которые сразу же исчезли после его общения с отцом Филаретом. Кто разрешил аналогичные сомнения Якова я не знал, возможно, что он обошелся своими силами.

Вот и в этот раз Яков как должное упомянул целлюлозу, о которой я ему рассказывал.

— Она есть в хлопке и это самый простой способ. Она есть также в дереве, но способ получения из дерева очень сложный, — я молча кивнул, соглашаясь. — Поэтому выход один, налаживать торговлю с китайцами и держать наш способ производства в секрете. Я еще попробую использовать хлопчатобумажную ткань.

— Ты пироксилин получил сам или тебе кто-то помогал?

— Сначала все сам, когда разобрался с безопасностью, привлек Илью. Из хлопка, что есть, патронов сто пятьдесят должно получиться. Гремучая ртуть для капсулей не проблема. Черного пороха у нас тоже немного, думаю патронов на триста. Свинца для такого количества пуль у нас хватит. Добычу свинца из наших руд я налажу, но это немного, пара пудов в год.

— Еще один товар для торговли с нами. Но это как я понимаю не узкое, а узенькое место.

Яков улыбнулся:

— Да согласен, это узенькое место. Донце гильзы патрона надо делать из меди, а саму гильзу из толстой плотной бумаги. Медь это тоже пока узенькое место. А самое узенькое это то, что пока все надо делать вручную. Надеюсь, нам удастся со временем придумать какую-нибудь механизацию, Лаврентий меня обнадежил. При стрельбе желательно использованные донца собирать.

— Петр Сергеевич, какие перспективы остальные ружья переделать?

— Потихоньку будем переделывать, сначала за штуцера возьмёмся. Хорошо, что у многих ружей и всех штуцеров калибр одинаковый. Я промерил все штуцера и ружья и отобрал одинаковые. Ружей штук семьдесят.

— А какой калибр получается,?

— Семь с половиной линий.

— Это получается, — умножить в уме не получилось, я быстро сделал это на бумаге. — Семнадцать с половиной миллиметров.

— Нам хотелось, чтобы и господин капитан присутствовали, — гвардейцы без проблем перешли на обращение товарищ, а вот остальным это давалось с трудом, Петру Сергеевичу в частности.

— у Ерофея Кузьмича большое событие, у меня язык не повернулся его с собой приглашать.

— Это мы уже наслышаны, мне Аннушка успела шепнуть.

— Зато подарок какой ему будет, как ты Яшенька думаешь, обрадуется наш капитан таким игрушкам? — спросил дедушка Фома.

— Думаю от радости как дитя малое прыгать будет, — ответил Яков Фоме Васильевичу.

— Хорошо, это мы скоро увидим, будет прыгать али нет. А сейчас вы, Яков Иванович, — решил я вернуть разговор на грешную землю, — скажите мне вот что. Сколько вы снарядите патронов дня за три скажем.

— Если отложить всё, то сотни полторы. Штук пятьдесят пироксилиновых, как их надо называть, ... второй номер, и первый номер штук сто. Идеально если бы этим сейчас занялся Лаврентий. Он гарантированно это сделает и нужное качество будет, а заодно, я просто уверен, придумает всю нужную механизацию.

— Хорошо, давай так и поступим. Твоя задача к понедельнику освободиться от всех дел и заняться золотом. Как только станет Енисей, мы должны снарядить торговый караван в российские пределы. Торговать нам по большому счету пора не чем, может статься так, что кроме золота у нас ничего не будет. Тесть мой правда предлагает корень нашего ревеня, Леонтий Тимофеевич уверяет, что наш ремень не хуже китайского. Но ясно это будет через несколько недель, когда выкопанные им корни высохнут. Так что золотишко нам не повредит.

— Сложную задачу ты Григорий Иванович, ставишь, — Фома Васильевич с сомнением покачал головой.

— Не спорю, но, — я сделал паузу и внимательно посмотрел на своих собеседников. — Золото здесь есть, это факт. Одно место мы знаем точно. Самородного тут, скорее всего, кот наплакал. В основном я думаю рудное и должно быть немного золотых песков, на одном из найденных самородков следы песка.

— Я тоже так думаю, можно даже сказать, уверен, что так, — согласился со мной Яков.

— Замечательно, что ты, Яков, согласен. Расклад такой. Скоро покров. Думаю будет первый снег. Лечь он сразу не ляжет, но зима близко. Недели за две-три ты должен найти выход золотоносной жилы, такой, что бы можно было его разрабатывать зимой. Ванча подъедет через два-три дня максимум. И в понедельник вы должны начать поиски. Людей бери сколько надо. А вот когда ты найдешь нужную жилу, а еще лучше золотой песок, мы попробуем интересную штуку. Сразу говорю, как точно это делать не знаю, но это должно работать.

Я подробно рассказал об идее горного инженера девятнадцатого века Петра Аносова, плавить золотоносный песок, он получал сплав с высоким содержанием золота, которое затем извлекалось с помощью серной кислоты. Я же предложил попробовать плавить любую золотосодержащую породу.

— Ты, ваша светлость, так уверенно говоришь, что здесь есть золото, объясни почему? Во многих горных местах иногда находят самородочки, но жил там не находят, — засомневался Фома Васильевич.

— Ты знаешь, Фома Васильевич, кем были первые русские люди, появившиеся в краях южнее Красноярска? — Фома Васильевич пожал плечами. — Так вот, господа, это были кладоискатели. Они находили древние курганы, раскапывали их и находили в них золото. И это золото было местным. И в нашей долине тоже есть курганы, до них правда чёрные копатели не добрались.

— Логика твоя понятна, Григорий Иванович. Я постараюсь найти золотоносную жилу.

— О. другое дело, видно, что ты Яков Иванович, проникся важностью текущего момента, ищи. А мы с Петром Сергеевичем покумекаем, как нам золотистый чугун плавить.

— А кислоту эту, как её забыл, — Фома Васильевич сморщился, вспоминая название.

— Серная. Лабораторным способом я её получаю без проблем, для опытов нам хватит.

— А если у нас с Григорием Ивановичем получится с золотистым чугуном, кислоты надо будет не мало, — сказал Петр Сергеевич.

— Пока вы будете возиться с чугуном, я Петр Сергеевич, налажу её производство, не сомневайтесь, пирит у нас точно есть и его не мало. А технологию получения кислоты из него я знаю.

— Пирит кстати, спутник золота. Это еще одно подтверждение того, что здесь золото, — я по — учительски поднял вверх указательный палец

Фома Васильевич поднял вверх руки:

— Сдаюсь, ваша светлость, убедил.

Петра Сергеевича убеждать было не надо, естественно веря мне на слово, он все больше молчал и внимательно изучал мои записи. Я все свои мысли излагал на бумаге и всегда во время наших бесед мы пользовались моими записями. Закончив чтение, он подвел итог нашей «золотой» беседы:

— Думаю всё это реально, если конечно Яков Иванович найдет нужную жилу.

— Отлично, ваше мнение, Петр Сергеевич, мне просто бальзам на душу. А теперь скажите, какие перспективы создания следующей паровой машины?

— Работаем и к Рождеству думаю, сделаем. А вот с коксом и доменной печью сложнее, кокс пока не получается, вернее получается не совсем то, что нужно.

Ночью мне не спалось, я вспоминал свою жизнь там в двадцатом веке, все, что произошло со мной уже здесь в 18 веке. Сейчас я был просто счастлив: на моей груди спала

прекраснейшая из женщин, с которой я был одним целым; меня окружали люди, приятные мне во всех отношениях; дело, которым я занимался, как и мой образ жизни, мне просто нравились; у меня получалось все, за что я брался.

Я вернулся к мысли о людях, меня окружающих. Как говорится одни рояли в кустах. Петр Сергеевич просто гениальный инженер и организатор, да и руки у него растут из нужного места. Яков Иванович ему под стать, и не только он. Собственно, мне-то удивляться этому не стоило после моего попадания из 21-го века в 18-ый.

В Усинск мы вернулись поздним вечером последнего дня сентября, завтра Покров и я естественно хотел быть на праздничной Литургии. Накануне я физически устал так, что в буквальном смысле рухнул в постель и спал очень глубоко и без сновидений. А утром первого октября, выйдя из своей юрты, я увидел, что всё вокруг бело. Выпал первый снег.

Больше книг на сайте - Knigoed.net